

ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Аאי עזרא

אֵי הַנְּוּוּיָא

Две горы имеют особое значение в истории еврейского народа. Это гора Синай, на которой была дарована Тора, и гора Мория, известная еще под именем «Храмовой» горы, которая была для людей центром служения Творцу. На горе Мория 830 лет стоял Храм, к которому каждый еврей на Пейсах, Швуэс и Суккос обязан был подняться, как сказано в Шмойс: «Три раза в году да предстанет всякий мужчина из вас пред лицом Владыки Вселенной, Б-га» (23:17), чтобы принести Ему жертвы. Кроме того, там дважды в день совершались приношения от всего народа Израиля.

Сегодня сохранились лишь «врата Небес» (Брейшис, 28:17), через которые восходит к вышним служение человека Б-гу. И трижды в день евреи, рассеянные по всему свету, обращаются лицом к горе Мория во время молитвы. Храмовая гора – изначальное место шехины (явленного присутствия Б-га) в мире, и изо дня в день мы ждем восстановления Храма и возвращения той роли, которую он некогда играл в нашей жизни. Характерно, что гора Синай была «священной почвой» лишь то время, когда было дано Б-жественное откровение в шестой день месяца сивана 2448 года (1313 год до н.э., см. комментарий Раши на Шмойс, 19:13). Синай стоит посреди голой пустыни, Мория же – в центре Иерусалима, столицы Израиля.

Мудрецы объясняли: то, что Тора была дана в пустыне, есть знак, подчеркивающий – «доступ» к ней открыт для всех. В отличие от пустыни мир человеческого поселения, города разделен на многообразные «зоны». И доступ к ним для разных категорий людей открыт по-разному.

Так, улицы открыты для всех, однако даже их использование регулируется определенными правилами. Есть зоны, доступ к которым имеют лишь определенные группы лиц, граждане данной страны, члены клуба и т.д.. Есть частные дома, в свою очередь, разделенные на «публичную», открытую для гостей часть, и их внутренние помещения, куда вхожи лишь хозяева. Есть города открытые, а есть и города, обнесенные стеной. И в столицах мы встречаем множество строений, доступных только для чиновников, лиц определенной профессии, тех, кто наделен особыми правами.

Храмовая гора – вершина в такого рода иерархии пространства. И мудрецы выделяли десять ее кольцевых зон, чья святость и, соответственно, ограничение прав проникновения в подобающую зону, возрастали от окраины к центру. Так, крайняя зона – это границы Святой земли. Центральная же зона – внутреннее помещение Храма, Святая Святых, куда может войти лишь первосвященник и только на Йом Кипур, самый священный день года.

Вот как это трактует Талмуд (Кейлим, 1:6-9, Бемидбар Раба, 7:8): «Есть десять [степеней] святости: Страна Израиля... Обнесенные стеной города (в Святой земле)... Внутри стены [Иерусалимской]... Храмовая гора... Хейл (огороженный двор Храма)... Двор Жен... Двор мужей Израиля... Двор Священнослужителей... Пространство между алтарем и Притвором (Святилища)... Святилище... Святая Святых...». За всем этим стоит представление о том, что путь к Б-гу – восхождение по ступеням. И уровень, на который восходит путник, зависит от того, насколько он достоин этого. И от того, насколько путник к этому готов.

Гора же Синай возвышается посреди пустыни, и олицетворяет собой вершину, взойти на которую может каждый, не думая ни о каких формальных запретах и правилах. Тора ведь открыта для всех, подобно тому как пустыня – пространство, не знающее человеческих ограничений и деления зон. Характерно, что раздел Бемидбар («В пустыне») всегда читается перед праздником Швуэс, отмечаемым в день, когда нам была дарована Тора. Тем самым еще раз подчеркивается, что Тора открыта «для всех, как пустыня – для всех обитателей земли» (Бемидбар Раба, 1:6, Мидраш Танхума, Бемидбар, 6).

Другой урок безграничной пустыни: истинное овладение Торой требует месирас нефеш – безоговорочного приятия и жертвенности. Человеческое пространство размечено множеством границ, которые показывают, как далеко можно зайти в этом направлении, пока тебя не одернут: стоп! Ты достиг отпущенного тебе предела: дальше – остановись и жди, пока не получишь статуса, позволяющего тебе дальнейшее движение.

Месирас нефеш подразумевает, что человек не ведает о пределах своих возможностей так же, как о препятствиях, которые якобы непреодолимы. Подразумевается, что человек просто всецело сосредоточен на достижении цели, не заботясь о каких-либо внешних силах или собственной ограниченности, могущих его остановить на этом пути. Как сказано там же в Мидраше: «Тот лишь, чья самость заброшена, как пустыня, достигнет Торы».

נֹאִי

Тора была дана в пустыне. Но где именно? В Талмуде приводятся две версии того, где и как состоялась передача мудрости и воли Б-га людям. Обе они согласны в том, что «основные принципы» Торы были открыты людям на горе Синай в виде Десяти Заповедей и того, что было поведано Моше в течение сорока дней его пребывания на вершине горы.

Что же касается Торы во всех ее подробностях, то рабби Ишмаэль полагает: это сообщено Моше в Мишкане – переносном святилище, воздвигаемом евреями во время каждой из их 42 стоянок в пустыне. Рабби Акива же считает, что «и основные понятия, и подробности всех законов были даны на Синае» (Талмуд,

Хагига, ба и далее). Согласно рабби Акиве сказанное Бгом Моше в Святилище было повторением законов, уже сообщенных ему на горе Синай.

Мишкан был предшественником Храма. Являясь центром становища Израиля, Мишкан был окружен рядом «концентрических кругов». Они очерчивали зоны, святость которых последовательно нарастала от периферии к центру, – и в этом отношении Мишкан был совершенно подобен постоянному Храму на горе Мория. Мишкан, состоящий из «Святая Святых», Святилища и внутреннего двора, был окружен станом левитов – алохическим эквивалентом Храмовой Горы. Стан левитов, в свою очередь, был окружен становищами двенадцати колен Израиля. Притом, каждому колену была отведена своя особая зона, отмеченная знаменем этого колена. Статус этой зоны соответствовал священному городу Иерусалиму. Иными словами, становище Израиля со святилищем, расположенным в его сердце, представляло собой «цивилизированный участок» пустыни. И на нем пространство подвергалось структуризации, и было разделено на зоны, каждой из которых была приписана особая функция, свой «уровень святости». И для каждой из этих зон предусматривались соответствующие запреты и ограничения. Трактат Тойрас а-оле, написанный рабби Мойше Иссерлесом (Рамо), рассматривает структуру и различные части Мишкана как прототип духовной структуры мироздания.

В свете вышесказанного мы поймем глубинное значение спора рабби Ишмаэля и рабби Акивы. При том, что оба согласны: Тора дана нам в пустыне – тем самым она открыта для всех без ограничений, учитывая, что «приближение» к ней сопряжено с месирас нефеш – самозабвением и самоотвержением. Но – в отличие от оппонента – рабби Ишмаэль видит в этом «общее», изначальное качество Торы, предшествующее структурному изучению ее особенностей. Тора открыта для познания каждому. Но изучающий Тору должен восходить от формулы к формуле по ступеням, учитывая законы, определяющие: кто, когда и как изучает определенный аспект.

Человек должен принести в жертву все, чем он обладает, все, что он есть, во имя Торы. Но так же он должен помнить о самообладании и о сдержанности и не преступать положенных ему пределов. Месирас нефеш должно лежать в основе изучения. Но реальное постижение Торы должно быть «цивилизировано» теми же законами и границами, что прилагаются ко всем стремлениям постижения священного.

В свою очередь рабби Акива настаивает на том, что и «общие принципы и подробности всех законов были даны на Синае». И, следовательно, «всеобщность и универсальность» Торы проникает каждый из ее разделов. А значит, самоотвержение и самозабвение при изучении Торы должны быть совершенно тотальны. Для рабби Акивы Тора во всем подобна пустыне: это беспредельно распаханная территория неограниченного месирас нефеш. Рабби Акива сказал: «Всю жизнь я провел в мучении... Когда же будет у меня возможность исполнить (эту мицву и принести жизнь в жертву Б-гу)!»

Ní àdòáí òò áí è òò òáí òú

Эти два восприятия Торы нашли свое отражение и в жизни обоих мудрецов. Рабби Ишмаэль всю жизнь был ученым и в конце земного бытия исполнял обязанности первосвященника. Рабби Акива был выходцем из нееврейской семьи, принявшей иудаизм, и до сорока лет был безграмотным пастухом. По его собственному признанию, в те годы он питал ужасную ненависть к ученым людям, погруженным в Тору (Овойс д'рабби Натан, 6; Псохим, 49б). Притом оба они – и рабби Ишмаэль, и рабби Акива – воплотили желаемое в жизни. Один прошел путь цадика, совершенного праведника, всецело сосредоточенного на развитии лучшего и в себе, и в мире. Другой – путь баал-тшува, из глубин беззакония восходящего к вершинам блага.

Путь цадика прям, он не уклоняется в сторону: ступень за ступенью цадик восходит по лестнице Торы, прирастая знанием и достигая все большего слияния с Б-гом. Жизнь баал-тшува полна анархии и своеволия, в ней есть резкие падения, оборачивающиеся столь же резкими взлетами. Цадик исполнен месирас нефеш и на этом строит цивилизацию святости. Баал-тшува вдохновляется месирас нефеш, превращая это в мотор собственной жизни.

Такая двойственность свойственна Торе на всем протяжении ее текста: «И это, и это – слова Б-га живого» (Эрувин, 13б). Мы должны принять оба эти подхода к Торе, соединив совершенство рабби Ишмаэля и силу и страстность рабби Акивы. Действительно, ни одна сила не может быть конструктивна, если ей не положены «границы» – очерчивающие ее и фокусирующие ее приложение.

Òáííí

ШЕСТАЯ ГЛАВА

***Áíò òáí òú ò áíí áí á òò áí ááí òá..
Òèð à-Òèðèì, &1***

На неделе, предшествующей празднику Швуэс, принято читать 39-й трактат Мишны «Поучения отцов». «Поучения...» касаются скорее моральной стороны Торы, чем законов, в ней изложенных. В то время как другие трактаты рассматривают разрешенное и запрещенное законами Торы, «Поучения...» наставляют: как именно следует подходить к изучению, усвоению Торы, – и каковы душевный склад и состояние сознания, формируемые Торой.

И каждый год, ожидая наступления дня, когда на горе Синай нам была дарована Тора, мы изучаем «Поучения отцов». И делаем мы это для того, чтобы чтение трактата подготовило нас к переживанию всего связанного с праздником Швуэс.

Между праздниками Пейсах и Швуэс пролегли шесть недель, а значит – шесть Шабосов. И в каждый из этих Шабосов мы читаем одну из шести глав «Поучений отцов». Во многих общинах сохраняется обычай читать «Поучения отцов» и после праздника Швуэс – субботними вечерами в течение лета, пока не наступит Рош а-Шона. Заметим, что когда «Поучения отцов» вошли в состав Мишны, в этом трактате было только пять глав. Шестая глава, «Обретение Торы», взята из Брайсы, относимой к «периферийной» талмудической литературе, и прибавлена к «Поучениям...» для чтения в Шабос перед праздником Швуэс. Поэтому данную главу часто подчеркнуто называют «шестой главой» «Поучений...» На первый взгляд, это просто историческая случайность, одна из тех, что и определяют авторитетность той или иной работы. Нужно было заполнить календарное «окно», искали подходящий текст – и вот в «Поучениях отцов» стало одной главой больше.

Но мудрецы не раз указывали: в Торе нет ничего случайного. Как сказал знаменитый рабби Йосеф Розен (1858 – 1936), Рогачевский гаон: «всё, даже, казалось бы, целиком зависящее от случайных обстоятельств, имеет цель и направляется Б-гом» (Цафнас Паанеах, Бемидбар, 33). Согласно учению о специфике Бжественного провидения ашгоха протис, которое разработал рабби Исроэл Баал-Шем-Тов, сказанное верно по отношению к любому явлению или событию в мире, сотворенном Б-гом. Но в еще большей степени это верно по отношению ко всему, связанному с Торой, в которой Б-г раскрыл Свою мудрость человеку. В самом деле, в истории с шестой главой «Поучений отцов» наглядно проявилась эта фундаментальная истина, связанная с Торой и отражающая некоторые важные аспекты, касающиеся праздника Швуэс.

«Айаоіаі»

Мишну отредактировал рабби Иеуда а-Носи (около 200 года н.э.) – он просеял тысячи мнений десятков мудрецов, живших на протяжении семи поколений, чтобы составить кодекс законов Торы. Все последующие обсуждения законов Торы опираются на Мишну. Она – сердцевина Талмуда, обретшего письменную фиксацию 300 лет спустя (как истолкование Мишны), и на нее каждый раз ссылается Талмуд.

Те положения учения, что не были включены рабби Иеудой в Мишну, получили название Брайсы, от арамейского бара, означающего «внешнее». В Талмуде мы встретим множество ссылок на Брайсы, когда нужно прибавить нечто к истолкованиям Мишны, привести аргументы в защиту или для опровержения какого-то мнения. Однако высказывания Брайсы не имеют того статуса и авторитета, которым обладает Мишна. Тот факт, что некая глава, ассоциируемая с Брайсой, была «допущена» к включению в состав Мишны, есть серьезное повышение ее статуса и указывает на важность затронутых проблем.

Как уже говорилось, Швуэс – это празднование дня, когда нами получена Тора. Но к тому моменту, когда наши предки собрались у подножия горы Синай в шестой день месяца сиван 2448 года от сотворения мира (в 1313 году до н.э.), на самом деле они уже на протяжении нескольких поколений владели Торой. Авраам, Ицхак, Яков и Йосеф – все они изучали Тору, как и колена Леви в Египте (Раши, Брейшис, 26:5 и 46:29). Случившееся на Синае знаменует собой не раскрытие народу Израиля совершенно неведомого ему до того документа, но – дарование евреям мандата, глубочайшим образом трансформирующего саму природу и смысл этого документа.

В Мидраше приводится притча, поясняющая, что же произошло в тот первый Швуэс:

Жил некий владыка, который повелел: «Жителям Рима запрещено отправляться в Сирию, а жителям Сирии запрещено являться в Рим». Точно так же, когда Б-г сотворил мир, Он установил: «Небо – Б-гу, а землю Он дал сынам человеческим» (Теилим, 115:16). Но когда Он пожелал дать Тору Израилю, то пересмотрел Свое изначальное решение и установил: «Нижние царства могут восходить к верхним царствам, и верхние царства могут снисходить к нижним. И Сам Я положу тому начало», как написано: «И сошел Б-г на гору Синай» (Шмойс, 19:20). И сказано далее: «и позвал Он Моше: Взойди к Б-гу»(24:16; см. также Мидраш Танхума, Ваейро, 15).

На иврите слово гезира означает и «установление», и «разделение». До Синая существовало установление, разделяющее реальность на два замкнутых в себе царства: духовное и материальное, Бжественное и мирское. Тора, мудрость и воля Б-га, не могла реально воздействовать на мир физический. Она была лишь духовным манифестом, имеющим отношение к душе человека и к духовной реальности «небес». При том, что положения Торы применялись по отношению к физической жизни, эта физическая жизнь не могла быть «восхищенной ввысь» – можно было лишь изменить ее к лучшему, «облагородить», но в строго отпущенных ей пределах. Невозможна была ее трансценденция и преодоление ограниченности, обусловленных как ее субъективностью, так и отделенностью от высшего. Точно так же духовное не могло быть низведено на землю: сама разница двух природ, – духовной и материальной – препятствовала этому.

Но позже Сам Б-г «снял» эту противоположность, установленную Им при творении. В «глухой стене», разделившей материальное и духовное, открылся проём – окно между внутренним миром духа и внешним материальным миром. С этого момента Тора могла освящать физическую жизнь. Теперь Бжественное могло обрести реальность в физическом проявлении, а телесное – быть одухотворено. Было отменено старое установление, в силу которого внутреннее было заперто в пределах себя самого, а внешнее

длится «у потомков». То есть духовное воздействие, связанное с соответствующим днем, вновь и вновь являет себя. Исходя из положения Брохойс (28а): «В делах священных всегда начинай заново со ступени, что выше», мы полагаем, что каждый год соответствующее откровение происходит на более высоком уровне.

Так празднование дня дарования Торы в Швуэс из года в год возводит человека на все более высокий уровень, углубляя связь с Б-гом, вознося нас на все более высокий план осознания единства всего сущего. Это находит свое отражение и в названии раздела Торы, читаемого в Шабос, следующий за праздником Швуэс, – «Носой».

«Носой» означает «возносить», «поднимать». В нашем конкретном случае буквальное чтение начала соответствующего стиха Бемидбар (4:22) означает «Вознеси головы...» В контексте же стиха это означает указание произвести перепись, «исчислить по головам». Голова – вместилище интеллекта, который в наибольшей степени свидетельствует о мере нашего развития. Дарование же Торы открывает для нас возможность дальнейшего развития – нашего вознесения на иную ступень, позволяющую «возвысить голову» над прежним состоянием. Ибо изучение нами Торы означает иное, нежели созерцание Б-га взглядом смертного, и постижение Его через это созерцание.

Такое изучение предполагает, что мудрость Б-га проникает разум познающего Тору. И знание, обретаемое человеком, остается с ним, изменяя и возвышая его (Тания, гл. 5).

יְדַבְּרִים עִיּוֹן

Здесь, однако, можно задать вопрос: ведь заповедь «возвысить головы» была дана как часть приказа – исчислить левитов?

Объектом повеления, с которого начинается данный раздел Торы, являются «сыны Гершона», – те из левитов, кому велено носить полотнища для покрывала и Шатер Откровения. За Ковчег Завета, в котором лежат Скрижали с Десятью заповедями, и за менору, – а именно они ассоциируются непосредственно с Торой, – отвечают сыны Кегата, и исчислить их Моше велено в предыдущем разделе Бемидбар (4:2).

Если Носой акцентирует возвышающий эффект изучения Торы, тогда почему же таковой ассоциируется с сынами Гершона? Ответ в том, что изучение Торы не должно оставаться особым, изолированным от прочих, видом духовной деятельности. Напротив, изучение Торы должно возвышать молитвенное служение, а именно этот род деятельности и ассоциируется с сыновьями Гершона. Изучение Торы также должно возвышать и каждый аспект нашего поведения. Более того, когда человек возвышается посредством молитвенного служения, он обретает некий потенциал, позволяющий ему возвысить и мир вокруг: привести мир к осуществлению связи с Б-гом на более глубоком уровне.

Это нашло свое отражение в заключительной части этой главы Торы, где повествуется о завершающем этапе освящения Шатра Собрания. Ибо цель Святынища – распространять в мире святость, священными жертвами приблизить материальное к Б-гу. Ивритское «корбан» – жертва – одного корня с «каров» – «близкий»: жертвы приближают человечество и весь мир к Б-гу.

Исполняя этот урок – посвятив себя изучению Торы и используя его для возвышения как самих себя, так и окружающего мира, мы приближаем время достижения человечеством и миром вершины, им сужденной с приходом Мошиаха: «ибо полна будет земля знанием Г-спода, как полно море водами», предрек Ишаяу (11:9).

Возможно, предсказание пророка станет явью в ближайшем будущем.

אֵלֵינוּ יָבִיאוּ

ВНЕСТИ СВЕТ В МИР

Мудрецы утверждают, что и Иерусалимский Храм, и его предшественник Мишкан, Шатер Собраний, воздвигнутый Моше в Синайской пустыне, – были материальной трехмерной моделью, выражающей «архитектуру» человеческой души. Храм вбирает в себя несколько функционально различных пространств, ряд помещений и «сосудов». Притом, каждый из этих элементов соответствует определенному элементу во внутренней жизни человека.

Менора, золотой семисвечник, каждый день зажигаемый в Храме, олицетворяет человеческую способность «зажигать светильники»: обращать в источник света себя, своих ближних, физические предметы.

В Торе несколько глав посвящены описанию меноры и разным законам, определяющим, когда именно следует ее зажигать. Каждая подробность оборачивается тем, что с ней связан тот или иной «закон»: она несет определенный урок, раскрывающий духовное значение меноры. В качестве примера приведем здесь один из комментариев.

В книге Бемидбар главу 8 открывает наставление Б-га Аарону: «Когда будешь зажигать светильники, то к лицевой стороне меноры да обратят свет эти семь светильников». Раши, чей труд впитал в себя все наиболее значимые комментарии к Торе, комментируя этот стих, углубляется в рассуждение о том, как и почему в Торе для передачи значения «когда будешь зажигать» использовано слово беалоайсехо. Почему использован этот не совсем очевидный синоним, чтобы выразить понятие «зажигать»?

Раши поясняет: тем самым Тора указывает на свойство пламени устремляться вверх и подниматься. И Тора одновременно учит коэна (священнослужителя), что, зажигая светильники меноры, следует удерживать огонь у фитиля до тех пор, пока «пламя не поднимется, <чтобы гореть> самостоятельно». Эти три слова: «пламя поднимется, <чтобы гореть> самостоятельно» – содержат один из главных уроков, связанных с менорой.

«Ī ēāi ŷ...»

Для огней меноры обычно употребляется слово нейрос – «светильники». Но у Раши в комментарии мы встречаем слово шалхевес – «пламя». Заметим, что слово нейрос может употребляться как для горящих, так и для потушенных светильников, тогда как шалхевес означает именно «живое» пламя, дающее свет. Для этого различия в словоупотреблении есть свой резон: менору каждый день зажигают в определенное время – до этого она стоит без огня. Исключение составляет Нер а-Маарови – «западный светильник», чье пламя теплится круглые сутки. Каждое утро светильники чистят, заправляют чистейшим оливковым маслом и ставят в них новый фитиль. Так светильники стоят с утра до той поры, когда после полудня не придет коэн, хранящий огонь меноры, и не зажжет ее.

С утра до полудня светильники начищены, в них заправлены свежие фитили, они до самого верха наполнены чистейшим маслом – словом, в идеальном состоянии. Субстанция светильников совершенна, и огонь нанесет этому совершенству ущерб: на светильниках осядет гарь, фитили обуглятся, масло прогорит. И все же – пока к фитилю не поднесен огонь, каждый светильник погружен во тьму, способность давать свет погребена внутри него. Пусть светильник в идеальном состоянии, но пространству, его окружающему, это ничего не дает.

Так и человек часто пребывает в сходном состоянии: его можно уподобить светильнику без пламени. Он может достигнуть личностного совершенства, – но перед нами все еще лишь богато украшенный сосуд, утонченный талант и богатый потенциал возможностей без их реализации. Цель же жизни – быть светильником горящим, освещающим и рассеивающим сумрак вокруг нас.

Таков первый урок, преподаваемый нам менорой: достижения личного совершенства недостаточно для уголения стремлений души. В нашей природе изначально заложена потребность стать «пламенем», освещающим окружающее нас пространство.

«Ī ĩāī ēī āōñ...»

В Коэлес (3:21) сказано: «Кто знает, возносится ли ввысь дух сынов человеческих..?» В трехмерном пространстве нашего обитания нам представлен выбор: мы можем двигаться в шести направлениях, но более всего нам желанно движение вверх. Достаточно обратить внимание на то, сколь ревниво относятся дети к тому, кто в их компании выше. Или вспомнить, что в разговоре о своих достижениях взрослые люди употребляют выражения: «поднялся еще на ступеньку», «пошел вверх», «достиг вершины».

Царь Шломо говорит в Мишлей (20:27) о человеческой душе: она – «Светильник Бга». Из четырех первоэлементов мира – огня, воды, воздуха и земли – один лишь огонь стремится вверх. Подобно пламени, всегда дрожащему над фитилем, душа человеческая неизменно рвется ввысь, оставаясь связанной с телом, точно так же, как связан с фитилем огонь светильника.

Каково же скрытое значение этой «вертикальной» устремленности? Есть достижения, которые можно описать в терминах «распространение вширь» или «движение по горизонтали вдаль». Мы можем прилагать серьезные усилия, чтобы расширить наше влияние, развернуться в каком-либо деле, – но эти достижения происходят на том же уровне, на котором мы пребывали и раньше. Дух же человеческий жаждет иного и большего. «Светильник Б-га» в нас не дает примириться с реальностью, какова она в данный момент: будь то реальность, ограниченная обычаями и условностями, или же подчиненная куда более жесткому диктату самой нашей природы.

Человеку присуще стремление к трансценденции, стремление «разбить форму», в которую мы отлиты, и пересоздать себя, превратив во что-то «более высокое», чем мы есть. И в этом – второй урок меноры: жизнь не только пламя, но пламя, ищущее «подняться вверх». И тут не важно, сколь многого мы достигли «на плоскости», – насколько далеко простерлось наше влияние и т. п. Не важно – мы все равно будем искать и жаждать чего-то еще.

Достижение личного совершенства – это еще далеко не все. Ведь недостаточно быть первым из первых в какой-то области деятельности, мало считаться там признанным лидером. Наша внутренняя сущность – тот самый «Светильник Б-га» – требует, чтобы мы все время пересоздавали себя заново. Чтобы с плоскости существования, на которой мы находимся, мы стремились перейти к уровню «высшему» – возвыситься.

«Nāi ĩñō ĩŷō āēū ĩ»

Светильник не загорится, пока к нему не поднесли огонь: чтобы затеплилось пламя, необходим внешний источник энергии. Однако этот внешний источник огня нужен затем, чтобы пламя разгорелось и потом уже «горело самостоятельно», став независимым источником света.

И в этом – третий урок меноры. Когда мы принимаем роль «фонарщиков» с тем ли, чтобы заставить засиять способности, скрытые в нас самих, желая зажечь других, или хотим, чтобы наполнился светом окружающий нас мир, – во всех этих случаях надо помнить: пламя должно разгореться и затем обрести самостоятельность.

Когда идет речь о наших усилиях на пути самосовершенствования, это означает, что мы должны двигаться намного дальше, чем просто принять решение и неукоснительно ему следовать, призвав всю нашу волю. Воля – это внешний источник энергии. Мы же обязаны настолько преобразить свою природу и сущность, чтобы новый тип поведения стал для нас совершенно органичен.

Когда мы стремимся повлиять на ближнего или выступаем в роли его учителя, мы должны позаботиться, чтобы подвести его к состоянию, когда он сможет светить своим собственным светом и не

нуждаться в нашей поддержке. Иначе говоря, мы призваны способствовать развитию талантов и способностей ближнего, пока пламя не обретет опору в нем самом, – и тогда это пламя способно зажечь огонь в душах других людей.

То же самое верно и по отношению к физическому миру. Когда нечто, существующее в материальном мире, мы используем во имя служения Б-гу, мы тем самым наделяем эти сущности святостью и Б-жественностью. И в этом случае физический объект перестает быть лишь «сосудом, вмещающим свет», но сам становится независимым источником света.

Так, например, мы можем рассказывать нашим детям о благотворительности или вовлекать их в наши благотворительные акции. Но можем также помочь им сделать копилку для пожертвований, и поставить ее в детской. Всякий раз, когда ребенок опускает монетку, он вырабатывает привычку жертвовать на нужды других людей. Деревянная копилка перестает быть просто куском дерева и преобразуется в «светильник».

Более того, даже когда ребенок просто смотрит на эту копилку, пусть и не опуская в нее монетку, он вспоминает о своей ответственности перед другими людьми. Вспоминает о соучастии в судьбе других, и таким образом копилка «освящает» пространство вокруг себя.

Так физический объект становится «пламенем, которое поднимается, чтобы гореть самостоятельно», превращаясь в независимый источник света. И тем самым – становясь императивом к действию.

Øäö

УВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ

*«È ìîëäé èð Ì ìöä äîîî ìòðäîü ñòðäîé Èìääì, è ñäçäé èì: “Äìò, èäèöä ìä þä ìòðäì ü], è äçìéäèöä ìä äðü, è ìîî ìòðèöä ñòðäì ö, èäèìä ììä..»
Ääì èäääð, 13:17,18*

Одна из величайших трагедий в истории еврейского народа связана с миссией разведчиков. Пятнадцать месяцев после исхода из Египта израильтяне стояли лагерем в пустыне Фаран, намереваясь войти в Святую землю. Моше отрядил двенадцать человек - каждый представлял одно из колен израилевых, – чтобы осмотреть землю, которую Б-г заповедал Аврааму, Ицхаку и Якову.

Сорок дней спустя разведчики вернулись, восхваляя плодородие земли, но сокрушаясь по поводу военной мощи ее обитателей: «Но силен народ, живущий в этой стране, и города укрепленные, очень большие... не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас» (там же, 13:27-31).

Разведчики посеяли панику в народе, и люди всю ночь проплакали в ужасе и отчаянии: «И... зачем Б-г ведет нас в страну эту, чтобы пали мы от меча? Чтобы жены наши и малые дети наши стали добычей? Не лучше ли нам возвратиться в Египет?» (там же, 14:1-3).

Эта ночь, наполненная воплями изверившихся людей, стала «плачем на поколения». Б-г задержал вселение израильтян в Святую землю на 38 лет, пока все это поколение не вымерло и пока не выросло новое, больше доверяющее Б-гу.

Когда народ Израиля вошел в землю Кнаана, вел соплеменников уже не Моше, а его ученик Иешуа, который был лишь бледной луной по сравнению с солнцем Моше. Наши мудрецы указывают, что заслуги Моше вечны: он передал нам Тору, неподвластную превратностям времени.

Построенное им Святилище не было уничтожено никогда – в отличие от Храмов, построенных царем Шломо и Эзрой в Иерусалиме. Если бы в Святую землю нас привел Моше, нас бы оттуда никто не сумел изгнать. Если бы Моше построил священный Храм, разрушить его не сумел бы никто.

Таким образом, все беды и поражения еврейского народа восходят к той ночи, когда Израиль оплакивал собственное неверие в обещание свыше.

Ðäèüü ìîòü öäèääì ììä

В чем же ошиблись разведчики? Почему их миссия, назначенная Моше с одобрения Бга, закончилась таким провалом? Посылая разведчиков, Моше велел им высмотреть природу земли, качество почвы, силу обитателей. На все эти вопросы они честно ответили, сообщив о том, что видели. Но Моше предварил свои указания словами: «Осмотрите страну».

Зрение – это не просто способность человека видеть, не просто один из органов чувств. Слышать, обонять, вкушать или прикасаться – значит «воспринимать», собирать сведения, которые сообщают нам о природе и характеристиках того или иного явления. Что-то «увидеть» – означает «испытать» это. Когда мы говорим: «Я это видел», фактически мы хотим сказать: «Это – правда, испытанная мною в полной мере. И убедить меня в чем-то другом вы не можете. Это не было мне кем-то “доказано” и, соответственно, не может быть “опровергнуто” более сильными аргументами и доказательствами. Я это сам видел. Для меня это – реальность». «Осмотрите страну» – сказал Моше разведчикам. Тем самым он говорил: я посылаю вас не просто собирать данные. Я посылаю вас как разведчиков в самом буквальном смысле слова. Ваша миссия – осмотреть, увидеть. Я посылаю вас, – говорил Моше, – стать глазами Израиля. Посредством ваших глаз весь народ получит абсолютные и недвусмысленные сведения о его Б-жественном наследии.

И именно их глазами весь народ имел возможность познать реальность, поколебать которую не смогут мирские данные, пусть самые противоречивые и угрожающие. И здесь разведчики не исполнили свою миссию. Они обошли страну, изучили ее землю, попробовали, обнюхали и ощупали ее плоды, и проанализировали собранные факты. Но они не «увидели» страну и не принесли это видение народу Израиля.

Nāāī yōī éé ācēyā

Перед уходом из этого мира Моше попросил Б-га: «Дай мне перейти, и увижу я эту хорошую страну, что по ту сторону Иордана, прекрасную гору эту и Ливан!» (Дворим, 3:25). Б-г не позволил Моше «перейти», но позволил «увидеть»:

«Взойди на вершину Писги и взгляни на запад и на север, и на юг, и на восток и посмотри глазами своими, ибо не перейдешь ты этот Иордан!» (там же, 3:27).

Наши мудрецы говорят, что в каждой душе содержится искра души Моше. И когда мы смотрим на землю «глазами Моше», мы видим, что она – дом Б-га, исполненный святости и совершенства. И это видение входит в нашу жизнь, наполняя собой ежедневную реальность.

Ētēdāō

ДУША КОНФЛИКТА

Ē dāfēdūtēā cāī ēy ānōā nāī, ē īlāēlōēēā ēō, ē āīī ā ēō, ē āīō ēpāāē Ētēdāō, ē āīī ēī ōlānōāī..

Ē īāī ūāūōāē īō Ā-āī, ē īlāēdāē āāīnōē īyōūānōyō -āēīāāē,

ī dēī ānōēō īī āīī āēāāī āī ēē

Āāī ēāāāō, 16: 32-35

Совершающий безрассудство не совсем безумен, и идущему на преступление знаком глас совести. Ибо в основе своей человек добр и благ.

Однако случается, что благое побуждение оборачивается несправедным деянием, а возвышенный идеал ведет к неблагоприятным действиям.

Так случилось и с Корахом, выступившим против власти Моше. Мудрецы наши говорят (Сангедрин, 110а и далее) о Корахе как об отце всех раздоров и споров.

Корах бросил вызов Моше, поставил под сомнение истинность Торы и то, что сама структура сообщества Израиля – от Б-га. Но в основе его доводов было и позитивное начало. А то побуждение, которое подтолкнуло его амбиции, вполне можно назвать похвальным.

«Все общество, все святые, и среди них Б-г! Отчего же возноситеесь вы над собранием Б-га?!» – заявил Корах Моше и Аарону (Бемидбар, 16:3). То есть, зачем еврею Моше, научающий его слову Б-га? Зачем Аарон, служащий вместо него в Шатре Собраний, – ведь душа каждого еврея содержит искру Б-жественного пламени? Почему же каждый еврей сам не может осознать свою связь с

Б-гом, зачем для этого посредничество учителей, вождей и священников?

Подобные доводы Кораха строятся на истинном основании: ибо душа каждого еврея – «частица безграничной сущности Б-га свыше» (Тания, ч. 1, гл. 2). А потому душе еврея и не нужны посредники, чтобы установить связь со своим источником. Ведь и пророк Ирмияу, описывая грядущий мир (31:33), говорит: там «не будет больше каждый учить ближнего своего и каждый – брата своего... ибо все они, от мала до велика, будут знать Меня».

Ошибка Кораха в том, что он хочет насильственно достичь этого совершенного состояния в еще не совершенном мире. А именно – в мире, где мы нуждаемся в наставниках и проводниках, которые помогли бы нам реализовать наш интеллектуальный и духовный потенциал. Ибо пока степень чистоты, духовности и проявленной связи с Б-гом у каждого из нас – своя.

Корах был ведом отчаянным желанием стать первосвященником, Моше же по велению Б-га отдал эту должность своему брату Аарону.

Первосвященник олицетворяет весь народ Израиля, и на него возложена самая сакральная служба в Храме. Именно первосвященник возжигает благовония в Святая Святых в Йом Кипур. И таким образом отмечается момент, когда самые святые элементы нашего трехмерного мира – время, пространство и душа – сходятся в одной точке. Именно первосвященник – самый святой из людей – входит в самое святое место мира и притом в самый святой день года.

Однако заметим, что желание максимальной близости с Б-гом из всех возможных – наиболее похвальное. Ибо напряжение, возникающее между тем, чего может и должен достичь человек, и тем, что для него недоступно, – именно это напряжение и составляет суть духовной жизни, приносящей истинные плоды.

Побуждения Кораха становятся разрушительными лишь тогда, когда он пересекает роковую линию, отделяющую побуждение от поступка. Когда стремление к состоянию большей святости подменяется действием, исходящим из предположения, будто это состояние уже достигнуто.

В мыслях Кораха и в его устремлениях был свой положительный элемент. Но истинность каких-либо представлений и действий зависит не только от того, что именно положено в их основу, но и от того, какое проявление обрели они в реальности. Вырвавшись из-под контроля и переклестнув рамки дозволенного, такие представления оказываются сродни раковым клеткам, что пожирают своего носителя и разрушают даже праведных и мудрых.

А вот что пишет по этому вопросу Раши (Бемидбар, 16:7): «Но Кораха, который был умен, что толкнуло на такое безумие?» Но откуда нам известно, что Корах был мудр, когда в Торе не сказано о жизни Кораха до того момента, как он взбунтовался против Моше? Несомненно, само его безумие обнажает его мудрость. Обратившись к его доводам и к его поступкам, мы обнаруживаем, что в них было позитивное ядро, и то, от чего он отталкивался, было бы желательным для сообщества Израиля.

Помышления привели его к открытому бунту против тех, кто от Б-га был поставлен во главе народа Израиля, к отрицанию того, что Моше состоял в прямом общении с Б-гом.

Ī ĩäĭñàáí ĩ ũé ááäí ĩé è ĩäæáí ĩ ũé ĩ èàì áí àì

Противоречия между побуждениями Кораха и его поступками нашли свое отражение и в том, что у него были две различные группы последователей. К бунту Кораха, сказано в Бемидбар (16:2), присоединились «двести пятьдесят <человек>, вожди общества, призываемые на собрания, люди именитые». Среди них были люди, движимые желанием стать первосвященниками. И когда Моше призвал их принести жертву кеторес, что было проверкой, насколько достойны они столь высокого духовного статуса, они охотно приняли вызов. Приняли, хотя и помнили, что подобная же попытка двух старших сыновей Аарона, Надава и Авигу, окончилась для них смертью (там же, 16, 5-7 и 18; Ваикро, 10; см. Шало, разд. Корах, 358а).

Нечто сходное мы наблюдаем с теми из первосвященников периода второго Храма, которых назначали римляне. Ни один из них не пережил Йом Кипура, ибо никто из них не был достоин этого сана (Йома, 9а; Иерусалимский Талмуд, там же, 1:1). И однако из года в год не было недостатка в претендентах на первосвященничество! Люди столь жадно желали стать свидетелями манифестации Б-жественности на земле, что ради этого готовы были подвергать риску свою жизнь.

Но в среде сторонников Кораха была и «толпа ропщущих» и между ними – Датан и Авирам. Этих двоих еще в бытность народа Израиля в Египте Моше застал ссорящимися (Шмойс, 2:13), они же были замешаны также и в каждом конфликте с Моше, возникавшем в Египте или в пустыне (Шмойс Раба, 1:34 и 25:14; Танхума Шмойс, 10, и т.д.). Эти двое завидовали Моше, и им, сказано в Бемидбар, мешал «груз» Б-жественных заповедей, внесенных в их жизнь через Моше (16:1, – см. Ялкут Шимеони на этот стих). Различия между двумя группами сторонников Кораха проявляются и в том, как они встретили свой страшный конец. Двести пятьдесят человек, приносивших кеторес, спалил небесный огонь, тогда как Датан,

Авирам и весь их род были поглощены землею.

Что до самого Кораха, то Мидраш Танхума (Корах, 9 и далее) говорит: ему отплатили двойным воздаянием как человеку, стоявшему во главе и тех, и других. Душа его была сожжена огнем, а тело – поглощено землей. Мятеж Кораха состоял из «души» и «тела»: из того положительного, что подтолкнуло Кораха к соответствующим размышлениям, и того отрицательного, в чью форму отлились его мысли и действия.

В наивысшей точке конфликта мы видим, как произошло разделение этих двух элементов. «Душа» изошла вверх, спаленная священным пламенем («пламя» связано с процессом, когда энергия, скрытая в материи, высвобождается и восходит вверх), тогда как «тело» провалилось в земную бездну.

Параллелью может служить «растрескивание сосудов» в мире Тоху, предшествовавшем в творении нашему миру. Б-жественный свет в ту пору был слишком интенсивен, чтобы ограниченные параметры этого мира могли его выдержать. И свет вернулся вверх к своему истоку, а лопнувшие сосуды рухнули вниз, образовав субстанцию материальной вселенной.

В этом смысле можно сказать: освобожденный от оболочки чудовищных заблуждений и беззакония дух Кораха мог бы преобразиться на путях познания чистого и священного в устремлениях этого человека.

ÊÍ ÈÁÀ ÊÍ ÈÁ

Áġá-Ááđ Óáġġéááđ-

Библию нередко называют «Книгой Книг», и на протяжении тысячелетий она все еще остается наиболее читаемой в мире. Однако определение «Книга книг» оправдано еще и по другой причине: ведь нет другой книги, которая вызывала бы столь ожесточенные дебаты, как эта.

Один западный писатель нарисовал красноречивую картину. На уединенном столе посреди бесконечного зала одиноко лежит Библия. Вокруг нее на полках расставлены миллионы книг. И в одних из них Библию поносят, в других – защищают, в третьих – исследуют, разъясняют... А посередине в царственном величии лежит Книга Книг и в гордом молчании наблюдает за крикливой перебранкой и нескончаемым шумом, поднятым из-за нее.

Пропагандисты атеизма, желая доказать, что библейское вероучение не является результатом

Б-жественного Откровения, ссылаются на гипотезу теолога Карла Генриха Графа и историка Юлиуса Вельгаузена. Основной тезис этих немецких ученых сводится к предположению, будто бы встречающиеся в Писании имена Б-га Авайе и Элоким, переводимые обычно как «Г-сподь» и

«Б-г», – не что иное, как названия разных божеств, существовавших у евреев в древности. И будто бы те библейские тексты, в которых фигурирует имя Элоким, первоначально принадлежали предполагаемой религии «элокистов», а те, в которых употребляется имя Авайе, относились к религии «ягвистов».

В традиционной литературе иудаизма – талмудических мидрашах, в учении кабалы – имеются объяснения различных имен Б-га в разных контекстах. Однако неосновательность критики, подобной истолкованиям Графа и Вельгаузена, становится очевидной хотя бы из того, что во множестве стихов Торы оба имени употребляются фактически вместе. Уяснить это нам поможет простой пример из Брейшис (Книги Бытия), где речь о том, как Ной и все живые существа (7:16) вошли в Ковчег.

«И вошедшие, мужской и женский пол всякой плоти вошли, как повелел ему Всесильный (Элоким). И затворил Б-г (Авайе) за ним».

В первой части этого стиха употреблено имя Элоким, указывающее на закон, ибо здесь Б-г «заповедал Ною». Во второй же части того же стиха сказано, что Б-г «затворил за ним», то есть – защитил его от надвигающейся опасности. Здесь уже употреблено имя Авайе, указывающее на милосердие. И это явственно показывает несостоятельность «библейской критики», согласно которой получается, будто бы первая часть одного и того же стиха написана одним автором – «элокистом», а вторая – дописана якобы «ягвистом»! Разве это разумный, логичный довод?

...Атеисты, исходящие из того, что «Б-га нет», – а это они почему-то считают вовсе не требующим доказательств! – останавливаются перед величайшей загадкой всех времен. В историческом плане еврейский народ, религия иудаизма представляют собой аномалию. И ее – выражаясь словами русского философа Николая Бердяева, – «совершенно невозможно объяснить с точки зрения материалистической, вообще невозможно объяснить позитивно-исторически, потому что в ней наиболее ясно проявляется “метафизическое”».

Хорошо известно, что еще в глубокой древности евреи, в отличие от всех современных им народов, отвергли многобожие и поклонение богам-истуканам. Иудаизм был первой и единственной монотеистической религией. Он провозгласил принципы жизни, основанной на законе, справедливости и высокой морали, высшими, приоритетными. И если принять во внимание, что евреи почти никогда не были могущественным народом, а их государство – доминирующей державой, то приходится признать: их следование провозглашенным приоритетам – значило идти совсем не легким путем. И действительно: монотеистическая вера евреев прошла тяжелейшие испытания во все времена. Евреи в древности были живым примером для многих народов мира. Библейское вероучение – основа мировых религий: христианства, ислама и других.

Чем же объясняется эта величайшая в истории идейная эволюция? Каким образом произошел этот радикальный переход от политеистического фетишизма – к отвлеченному понятию Б-га? От веры в могущество власти, опирающейся на физическую силу, – к вере в превосходство духа над материей?

Ответ, который нам дает иудаизм, прост. Единый Б-г, Который создал Вселенную и человека, не создал ничего напрасно. Вселенная и человек имеют определенный Б-жественный смысл. Вполне естественно поэтому, что Создатель открывает Свой замысел человеку. Для этой цели существует пророчество, то есть откровение Б-га человеку. В связи с этим имело место и дарование Торы у Синайской горы. То было узловое событие – Откровение целому народу, во время которого Б-г объявил Свои уставы, дал заповеди, и народ принял на себя Б-жий Завет.

Разумеется, атеистам такое объяснение истории совсем не по душе. Однако принять вызов им придется. Поэтому любое объяснение, любая теория будут ими охотно приняты, если только они смогут как-то обойтись без вмешательства Откровения. Проповедники атеизма думали, если им удастся объяснить этот феномен процессом медленной эволюции идей, если им удастся показать, как монотеизм своими корнями уходит в многобожие, то они смогут подвергнуть сомнению Б-жественное происхождение Торы. Но все их ухищрения на протяжении многих веков – напрасны: так будет и впредь.

...Выдающийся британский лингвист и ориенталист, профессор Оксфордского университета, доктор Арчибальд Сейс (A. H. Sayce, 1845 – 1933) назвал гипотезу Графа-Вельгаузена «лишенным фундамента сооружением предвзятого воображения» (baseless fabric of subjective imagination).

Напрашивается вопрос: какую научно-познавательную ценность может иметь гипотеза или даже теория, созданная людьми, стремящимися обосновать свою предвзятую точку зрения?

НВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ФРЕЙЛЕХС

יָא יְוֹסֶה יֹדָאֵנוֹאָא עֵנְאִיִּאָא

История – хороший учитель, она учит понимать символы. Особенно способствует этому история евреев, в череде веков и тысячелетий знавшая и головокружительные взлеты к вершинам Б-жественной духовности, и падения в бездны человеческого безумия.

У нашей истории есть надежные ориентиры: верстовые столбы еврейских праздников. И в этом году мы стали свидетелями того, как сразу после праздника Пурим началась война в Ираке против одного из самых кровавых тиранов современности. И мы увидели, как незадолго до праздника Пейсах война эта завершилась разгромом очередного Омана, грозившего уничтожить еврейское государство.

Военные действия происходили на территории древней Месопотамии, библейской земли Шеннар, где окончилось позорным провалом Вавилонское столпотворение. Война нынешняя шла там, где около четырех тысяч лет назад родился наш праотец, первый еврейский патриарх Авраам, и где он был вынужден скрываться от жестокосердого «ловца человеков» – царя Нимрода. Двуречье всегда щедро рождало тиранов. Вот и очередной, нынешний Нимрод – повержен...

И наступил Пейсах. Пожалуй, нет другого такого праздника в еврейском календаре, который был бы столь притягателен для всех евреев – всех без исключения. Ведь даже в годы большевистского безвременья, когда, казалось, были забыты все традиции нашего народа, – ежегодно в один из весенних дней на столах в еврейских семьях каким-то чудом появлялась маца, «хлеб изгнания». И это чудо неизменно свершалось – каждый год!

Только на Пейсах все евреи – сотни тысяч, а то и миллионы! – согласно многовековым установлениям собираются за столом. Мы – весь народ – собираемся одновременно, и все вместе следуем единой дорогой: от рабства – к свободе.

В этот первый вечер на сейдере мы всякий раз слышим пасхальную историю из Агоды о четырех сыновьях: мудром, злокозненном, простоватом и вовсе несведущем – этот не умеет даже толком спросить о празднике. Но дело в том, что у еврейского народа есть еще и пятый сын, и об этом нам написали наши корреспонденты. Этот сын и вовсе ничего не слышал о Пейсахе. И он за вселенской суетой прошлого века напрочь позабыл о великом нашем празднике и теперь о Пейсахе без нашей помощи вряд ли вспомнит... Поэтому-то многие еврейские общины и поставили перед собой цель: сделать так, чтобы именно «пятый сын» непременно сел с нами за стол пасхального сейдера. И чтобы произошло это обязательно уже в нынешнем году...

И многим это, в самом деле, удалось!

В своем праздничном послании еврейским общинам главный раввин России Берл Лазар заявил:

– Коммунистические власти прилагали огромные усилия, чтобы евреи забыли о своих корнях. Даже еврейское образование было запрещено. Сегодня же настали иные времена, и уже никто не заставляет нас отрекаться от нашей сущности, от наших корней. Более того, новая Россия помогает нам: власти возвращают общинам здания синагог, сотрудничают в организации еврейского образования, поздравляют с религиозными праздниками... Мы не испытываем внешнего давления, мы свободны в своем выборе. И давайте все вместе исполним повеление Торы: расскажем детям нашим о наших страданиях, о том, как Б-г услышал нас и вывел нас из египетского рабства.

В нынешнем году организованные Федерацией еврейских общин России пасхальные сейдеры прошли в 150 городах страны. В них приняли участие около 50 тысяч людей, отпраздновавших Пейсах. Для помощи в организации праздничных торжеств в Россию приехали 200 студентов из духовных академий США и Израиля.

Накануне Пейсаха россияне приобрели примерно 200 тонн мацы и 50 тысяч литров вина и виноградного сока – как известно, это неизменные составляющие традиционной праздничной трапезы. Кроме того, около тысячи праздничных наборов, включающих мацу и пасхальную Агуду, направлено в места заключений.

В Москве были организованы специальные демонстрационные мацепекарни, где дети и интересующиеся взрослые могли наблюдать за процессом изготовления мацы и даже поучаствовать в нем. Эти мацепекарни посетили почти 20 тысяч московских школьников.

Еврейская религиозная община Петербурга и общинный центр «Бейт Хабад» провели сейдер для представителей науки, культуры, бизнесменов, общественных деятелей города в Большой хоральной синагоге. В тот же вечер более ста малообеспеченных пенсионеров собрались на сейдер в благотворительной столовой при синагоге. «Бейт Хабад» организовал еще три сейдера, в том числе, для детей с родителями – участников программ «Бар-мицва» и «Бат-мицва» и для учащихся еврейских учебных заведений при синагоге.

Празднование Пейсаха в общине Петрозаводска началось в синагоге, где собралась религиозная община, а также члены правлений общества «Шалом» и Хеседа «Агамим». На следующий день состоялся сейдер для пожилых людей в Хеседе. Отметили праздник и в воскресной школе «Йом Ришон». А на общий праздничный вечер еврейской общины пришли более 160 человек.

Накануне Пейсаха в еврейской школе Калининграда прошел утренник. Дети изготовили красивые пасхальные блюда и бокалы из картона для кидуша. В праздничной программе приняли участие гости из Израиля. Многие нуждающиеся евреи города получили к празднику гуманитарную помощь.

В ресторане «У быков», должным образом откошерованном, на сейдер собралось более 150 гостей. Перед ними выступил известный в городе скрипач Зорик Разу, исполнивший популярные еврейские мелодии.

На предпасхальный семинар, который проводил в Костроме раввин Нисон Руппо, приехали руководители и активисты еврейских общин Вологды, Кирова, Иванова, Ярославля, Кинешмы, Рыбинска...

А в костромской еврейской общине сложилась традиция: вот уже третий год все желающие уезжают праздновать Пейсах в пансионат «Березовая роща».

«Это наша территория вне времени и пространства – территория Пейсаха, – пишет нам Галина Скаржинская. – Встает в чистом небе луна, похожая на мацу шмура, за столом сидят евреи, и все идет по заведенному многовековому порядку. Как на старинной гравюре – молодежь и старцы, мужчины и женщины, дети задают вопросы, а самые маленькие бегают между столами... А потом с горящими свечами мы уходим встречать пророка Элиягу, но это – уже далеко за полночь...»

А в это время в костромской синагоге тоже проходил сейдер... К сожалению, не обошлось и без ЧП: рядом с синагогой был обнаружен муляж взрывного устройства.

В этом году впервые Пейсах в Брянске стал заметным событием не только для иудейской общины, но и для всей общественности города и области. Делегация брянской иудейской общины во главе с раввином Ицхоком Ройтманом побывала на приеме у главы города Валерия Полякова. Самые уважаемые евреи Брянска поздравили градоначальника с праздником Пейсах и вручили ему традиционные подарки – израильскую мацу и бутылку кошерного вина. А затем вместе обсудили некоторые насущные вопросы жизни общины.

Председатели еврейских общин городов области приняли участие в семинаре, где получили консультацию раввина Брянска и области Ицхока Ройтмана по проведению пасхального сейдера; им были вручены иллюстрированные издания пасхальной агоды.

Более ста членов брянской иудейской общины собрались на сейдер в столовой строительного техникума, подготовленной к празднику. Были там и родственники брянских евреев, специально приехавшие из других городов и даже из Израиля на праздник в Брянск. Во втором сейдере, проходившем на следующий день в актовом зале еврейской школы, приняли участие члены недавно созданного попечительского совета общины. В проведении праздников раввину Ицхоку Ройтману и председателям общин городов области помогли учащиеся ешив из США и других стран.

И в еврейской общине «Лехаим» Рыбинска сейдерами руководили гости – Менахем-Мендл Броунштейн из Нью-Йорка и Шломи Адлер из Торонто. На каждом сейдере побывало по сотне празднующих. Зал был декорирован изображением перехода евреев через воды Чермного моря.

Пейсах в еврейской религиозной общине Волгограда ознаменовало важное событие: в канун праздника в синагоге начала работать кошерная кухня, что существенно облегчило подготовку пасхальных торжеств. На территории Волгоградской области было проведено девять пасхальных сейдеров. Волгоградская еврейская религиозная община и общинный центр провели два сейдера в синагоге, а также стали организаторами вечеров в школе «Ор Авнер», «Хеседе Хаим» и Еврейском агентстве «Сохнут». В свою очередь, ученики школы «Ор Авнер» провели игровую программу на праздниках еврейских общин в городах Волжский и Светлый Яр. Значительную лепту в организацию праздничных вечеров внес недавно созданный Координационный совет руководителей еврейских организаций Волгоградской области.

В Еврейском общинном центре Перми прошел торжественный пасхальный сейдер, в котором приняли участие ученики школы «Ор Авнер» с родителями, члены молодежного клуба, а также активисты общины. Накануне праздника почти тысяча евреев города получили мацу и кошерный сок, а также поздравительное письмо от раввина Залмана Дайча. В один из праздничных дней в ДК им. Свердлова состоялся вечер, посвященный 101-й годовщине со дня рождения Любавичского Ребе и празднику Пейсах. В этом вечере участвовали артисты еврейского шоу из Москвы. Перед концертом все собравшиеся просмотрели фильм об истории еврейства в России.

Активно готовились к празднику и учащиеся еврейской гимназии «Ор Авнер» Екатеринбурга. В актовом зале был организован «Учебный центр Пейсах», где в течение нескольких дней дети изучали обычаи и историю праздника. Помогали им в этом студентки педагогического колледжа из Израиля и преподаватели гимназии. Здесь же, в актовом зале, была устроена пекарня, где ученики всех классов смогли испечь мацу.

Пасхальный сейдер еврейской общины с участием тысячи празднующих прошел в самом большом ресторане города – в гостинице «Свердловск». Главным раввин Екатеринбург и Свердловской области Зелиг Ашкенази возглавил торжественный вечер. Собравшихся поздравили с праздником почетные гости из правительства Свердловской области – заместитель его председателя С.И. Спектор, министр здравоохранения М.С. Скляр, главный федеральный инспектор в Свердловской области В.А. Байдуков, генеральный консул Чешской Республики в Екатеринбурге П. Синкула, депутат Екатеринбургской городской думы Я.Л. Габинский.

Были зачитаны поздравления от полномочного представителя президента РФ в Уральском Федеральном округе П.М. Латышева и главы администрации Екатеринбурга А.М. Чернецкого.

Отметили Пейсах и евреи Свердловской области. На пасхальном сейдере в Новоуральске дети и молодежь показали инсценировку на тему Исхода из Египта. В специально арендованном зале городского Дома бракосочетаний члены еврейской общины Серова провели два сейдера, на которых присутствовало не менее

ста гостей, – кухня была предварительно откошерована по всем правилам. Также два сейдера прошли в Нижнем Тагиле, в них участвовали 300 человек. В начале вечера девочки из ансамбля «Мейдл» исполнили а капелла молитвенные песнопения. На двух сейдерах в зимнем саду профилактория ТЭЦ города

Каменск-Уральский праздновали Пейсах 140 человек. Председатель общины В.М. Чухман зачитал поздравления от главного раввина России Берла Лазара и от мэра Каменска-Уральского, председателя Палаты представителей Законодательного собрания Свердловской области В.В. Якимова. На вечере выступил вокально-инструментальный ансамбль под руководством Е.Б. Равиковича с новой программой «Еврейские мелодии и песни». Практически все члены еврейской общины города Полевской, около сотни людей разного возраста – от двухгодовалого до 89-летнего, – приняли участие в двух пасхальных сейдерах. На эти вечера были приглашены представители всех местных СМИ. Подобные пасхальные вечера прошли также в уральских городах Верхняя Пышма и Ревда.

Большинство газет Красноярска не обошли своим вниманием празднование Пейсаха еврейской общиной города. Местные телеканалы транслировали интервью главного раввина Красноярска Беньямина Вагнера и председателя КЕРО Ю. Лившица. Раввин Вагнер даже был приглашен на передачу «Открытая студия» на ВГТРК, где в прямом эфире отвечал на вопросы в течение двадцати минут. Накануне Пейсаха мэр города Петр Пимашков пригласил раввина и поздравил его с праздником, в свою очередь, с благодарностью приняв бутылку кошерного вина и коробку мацы. Пасхальный сейдер община отмечала в помещении Дома офицеров в зале, вмещающем 600 человек. Перед концертом прозвучали поздравления от краевой и городской администрации.

Председатель еврейского религиозно-культурного общинного центра Владивостока Владимир Янкелевич и раввин Менахем Раскин поздравили евреев города с праздником Пейсах. Пасхальный сейдер в общине впервые за семь десятков лет провел раввин. Администрация Приморского края предоставила для этого торжественного события банкетный зал, а активисты молодежной секции общины празднично украсили его. В программе вечера принял участие ансамбль еврейской музыки «Ноар».

С немалым энтузиазмом праздновали Пейсах евреи Украины. Днепропетровск не зря называют городом Ребе. Здесь прошли детские и юношеские годы рабби Менахема-Мендла Шнеерсона. И сейчас днепропетровская община, возглавляемая раввином Шмуэлом Каминецким, – признанный лидер еврейского возрождения. С каждым годом растет число евреев, решивших кошерно отметить праздник Пейсах. Более трех тысяч человек пришли на общественные сейдеры в первый и второй день праздника только в самом Днепропетровске. Всего за первый и второй день Пейсаха было проведено более трех десятков общественных сейдеров. А число евреев, проводивших сейдеры у себя дома, просто не поддается исчислению. Многие впервые решили отметить Пейсах по всем законам еврейской жизни. В этом году были устроены и специальные пасхальные лагеря – лагерь «Цивос Гашем» для 125 детей в санатории «Сосновый Бор» на берегу реки Самары и лагерь для 35 учениц Днепропетровского махона в Крыму...

В преддверии Пейсаха в синагоге Донецка собрались ветераны Великой Отечественной войны. Главный раввин Донбасса Пинхос Вышецкий поздравил их с наступающим праздником и вручил всем по упаковке израильской мацы.

В канун праздника состоялась его встреча с председателем Донецкой облгосадминистрации Анатолием Михайловичем Близиюком. От имени еврейской общины раввин Вышецкий в знак признательности, уважения и благодарности за поддержку работы Донецкой областной еврейской общины подарил губернатору коробку израильской мацы и бутылку кошерного виноградного вина. Анатолий Михайлович поблагодарил за подарок, поздравил еврейскую общину с праздником Пейсах и пожелал мира, добра и счастья.

Раввин Кировограда Дан Закута встретился с губернатором Кировоградской области В.К. Моцным. Он подарил главе областной администрации мацу и праздничный буклет. Раввин Закута рассказал губернатору о деятельности Федерации еврейских общин Украины, и в частности о жизни кировоградских евреев. На пасхальном вечере в школе «Ор Авнер» Кировограда ребята показали спектакль, прошла общешкольная викторина и был проведен конкурс «Живая Агода», в ходе которого школьники представили свои поделки и рисунки, посвященные Пейсаху. Каждый школьник принес домой мацу. Сейдеры проходили в трех залах синагоги, и на каждом присутствовали около 300 празднующих Пейсах. В проведении сейдеров большую помощь оказали ученики днепропетровских ешив.

А в Луганске прошел посвященный подготовке к Пейсаху региональный семинар, в котором участвовали 12 председателей общин городов Луганщины. Главный раввин Луганского региона Шолом Гопин, председатель общины Владимир Вселюбский, помощник раввина Владимир Коган рассказали собравшимся о самых важных организационных проблемах в подготовке к празднику в общинах. В конце семинара его участники получили мацу, виноградный сок и вино для проведения сейдеров. Всего в Луганском регионе прошли 18 пасхальных сейдеров, и треть из них провели в самом Луганске. В один из праздничных дней в синагоге состоялся фарбрэнген, посвященный 101-й годовщине со дня рождения Любавичского Ребе.

Большую помощь в организации пасхальных праздников оказали посланники. Они посетили города области – Алчевск, Северодонецк и Красный Луч.

Особенно торжественно прошел сейдер в Северодонецке: прекрасно оформленные столы, кеары с ритуальными продуктами, Агода в руках у каждого гостя. Тепло приветствовал собравшихся мэр города

Владимир Емельянович Грицишин. Он отметил огромный вклад еврейской общины в развитие культурной жизни города и поздравил евреев с праздником Пейсах.

Мы также получили сообщения о праздничных вечерах в Латвии и Азербайджане.

Праздничный утренник прошел в еврейской школе Риги для учащихся старших классов. После обширной конкурсной программы школьники отправились на поиски хомеца, который был благополучно найден и сожжен на костре во дворе школы. На традиционную трапезу по случаю праздника Пейсах, организованную движением «Хабад-Любавич» Латвии, собралось много народу. Зал гостиницы «Рига» был переполнен. Вел вечер раввин Мордехай Глазман. Собравшихся поздравил председатель совета еврейских общин Латвии А. Сухаренко.

А на пасхальном сейдере в Баку присутствовали представители всех еврейских организаций республики, посольства Израиля в Азербайджане, главы еврейских общин и другие почетные гости. В празднике принимали участие воспитанники учебного комплекса «Хабад Ор Авнер», которые с воодушевлением исполнили пасхальные песни.

В городах Азербайджана Гянджа и Огуз сейдеры провели учащиеся ешивы Кфар-Хабада из Израиля.

Завершим этот далеко не полный обзор впечатлениями нашего корреспондента из Донецка:

«"Какая интересная история!" – сказал бы человек, далекий от еврейства. Но для нас, собравшихся на пасхальный сейдер, это была не история. Это была жизнь нашего народа, неотъемлемой частью которого мы еще раз смогли почувствовать себя в этот день. Ведь не наши далекие предки, а мы сами – евреи, сбросившие оковы рабства, – выходили из Египта, ведя за руки наших детей. Это и был Исход: чтобы там, за горизонтом, стать свободным народом и жить жизнью, достойной этой свободы. Вера в избавление отражена в заключительных словах пасхального сейдера: "В будущем году – в восстановленном Иерусалиме, в Третьем Храме!"»

Nîá eíô.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ÒÏ ÐÅÁÑÒÁÁÍ Í ÁÐ ÕÁÐÁÍ Í ÍÈÐ Ó Ì ÁÌ Í ÐÈÀÈÀ ÁÁÐÍÁÁ ÁÁÒÒÍ Á ÁÁÐÇÁÁÁ

День Катастрофы и Героизма европейского еврейства в этом году пришелся на 60-ю годовщину восстания в Варшавском гетто. В ходе официальной церемонии у Мемориала Героев гетто в столице после исполнения гимнов Израиля и Польши состоялся молебен и возложение цветов к памятнику. Все это происходило в сопровождении почетного караула Войска Польского.

В церемонии приняли участие президент Польши Александр Квасьневский, президент Израиля Моше Кацав, главный раввин России Берл Лазар.

Вечером того же дня в Большом театре – Национальной Опере Варшавы – состоялся концерт, посвященный памяти героев восстания. Гостей принимал премьер-министр Польши Лешек Миллер. Состоялось награждение участников восстания, президенты Израиля и Польши выступили с речами.

В связи с Днями памяти в Польше проходят ежегодные марши молодежи с посещением множества городов, местечек и деревень, которые были когда-то центрами еврейской жизни. Участники маршей побывали в Кракове – в Еврейском квартале города, в старинной синагоге, в мемориале гетто, на Еврейском кладбище. Они также посетили бывшие концентрационные лагеря Освенцим-Биркенау, Майданек и Трешлинка, приняли участие в официальных церемониях.

«ÈÏ òááðçáèñ»

ÁÁÐÍÍ ÁÈÑÈÈÈ ÁÍÌ ÁÈÐ ÐÒÑÑÈÈ ÒÇÛ×Í ÛÕ ÁÁÐÁÁÁ

В центре Берлина на Фридрихштрасе состоялось торжественное открытие Европейского бюро Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ). На церемонии присутствовали главный раввин России р. Берл Лазар, лидеры еврейских общин России, Украины, Беларуси, Латвии, Казахстана, Чехии, Германии, США, представители различных организаций – члены президиума Координационного совета ВКРЕ, депутаты кнессета и бундестага, известные общественные деятели. Почетным гостем с немецкой стороны стал председатель Центрального совета еврейских общин Германии г-н Пауль Шпигель.

Чсть открытия была предоставлена председателю правления Европейского бюро ВКРЕ Дмитрию Фельдману и исполнительному директору ВКРЕ в Европе Ларисе Сысоевой.

Руководители Европейского бюро конгресса выразили надежду, что новая организация станет домом для русскоязычных евреев Германии и Европы, центром общения и новых инициатив, сохраняющим и оберегающим лучшие традиции прошлого. Европейское бюро будет работать в постоянном контакте с Германской ассоциацией российских соотечественников.

В этот же день была открыта выставка «Дети против террора». Она уже получила признание в Германии – экспозиция пройдет под патронажем вице-президента бундестага д-ра Антье Фольмара.

К появлению этой выставки привели последствия необъявленной войны против мирного населения Израиля, жертвами которой за последние два года стали сотни людей, и в их числе дети.

В основе экспозиции – рисунки детей, погибших в результате чудовищного теракта в тель-авивской дискотеке «Дольфи»: их передали матери погибших детей.

Выставка стала возможной благодаря энтузиазму ее главных организаторов – Татьяны Нуржиц-Бринберг, Галины и Анатолия Шрайман. Она вызвала значительный резонанс в Израиле, и теперь решено, что эту экспозицию должны увидеть как можно больше людей за пределами еврейского государства.

Не случайно первым городом, куда направится выставка из израильской Ор-Акивы, стал Берлин. Организаторы уверены: Европа должна знать, что называется, из первых уст обо всем происходящем сейчас в Израиле. А что может лучше рассказать об этом, как не рисунки детей, которые уже никогда не станут взрослыми?

Вскоре эту выставку смогут увидеть в Праге, Варшаве, Москве и Киеве.

Н'а е'і о.

וֹזְנֵב אֵעָאֹי בִב עֵנֹי דֵבֵב עֹאָאֵעִי אֵ אֵ אֵנֹדָאֹאִי עֵ יִדִיאִי עֵאָאֹנֵב..

Весной нынешнего года в Астрахани после капитальных восстановительных работ была открыта обновленная синагога. Она – единственная из четырех, оставшихся в городе после десятилетий советского режима.

Деревянный фасад старинного здания был облицован камнем, помещения полностью отремонтированы изнутри.

Выступая на церемонии открытия синагоги, главный раввин России Берл Лазар сказал:

– Для нас всегда особенно важно открытие подобных центров именно в городах с небольшим еврейским населением, потому что в таких местах людям особенно не хватает общения, связей и чувства сопричастности.

Вице-губернатор области Александр Жилкин напомнил о том, что «на астраханскую землю иудаизм пришел раньше всех остальных религий». И понятно почему: именно здесь находился Хазарский каганат. А Жилкин выразил удовлетворение в связи с тем, что «тысячелетняя история иудаизма в Астрахани продолжается».

В настоящее время в городе проживают около пяти тысяч евреев. Однако по словам вице-губернатора, «Астрахань не только заинтересована в том, чтобы местные евреи не уезжали отсюда, но и готова принять евреев из сопредельных стран, в частности – из Казахстана и Узбекистана».

«עֵי אֵאֹדָאֵעֵי»

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

יִדֵאִי עֵעֵ אֵ יֵאִי בֹוּ יֵ דֵאָאֵ

В помещении брянского Театра юного зрителя состоялся праздничный вечер в честь 101-й годовщины со дня рождения Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона.

Этот торжественный вечер был организован Иудейской религиозной общиной Брянска. Впервые в истории города эта важная дата отмечалась официально и публично – так, как отмечают основные праздники еврейского календаря. Желающих почтить день рождения великого человека своим участием оказалось больше, чем ожидали устроители: зал ТЮЗа был переполнен.

Открывая вечер, раввин Ицхок Ройтман подчеркнул непреходящее значение этого события для общины и упомянул талмудическую притчу о разнице между сотым и сто первым усилием. Последний год в жизни общины, отметил он, стал испытанием этого «сто первого раза», и потому 101-я годовщина со дня рождения Ребе, воспринимается сегодня как символ необходимости делать больше, чем кажется возможным.

Праздник продолжился литературно-музыкальным представлением по мотивам хасидских притч, рассказов об основателе хасидизма Баал-Шем-Тове и историй о жизни и делах Любавичского Ребе в исполнении учеников еврейской школы Брянска – постоянных и активных участников праздничных программ.

Зрители увидели также видеofilm о летнем лагере «Ган-Исроэл», деятельность которого прошла в нынешнем году на межрегиональном уровне. В заключение были показаны документальные киноматериалы о движении Хабад.

וֹ. דֵאָעֵי אֵ

יֵ אֹצֵעֵאֵ אֵאֵדֵאֵנֵי עֵ אֹאֹעֵ

Фестиваль клейзмерской музыки... Какое еще музыкальное событие способно вызвать столько чувств у еврея, немало пережившего за свой век?

Не первый раз в нашем городе проходит такой фестиваль. И уж тем более – не впервые днепропетровские зрители присутствует на концерте клейзмеров. Но что-то все равно каждый раз с новой силой берет за душу, что-то заставляет снова и снова вслушиваться в голоса скрипки и кларнета, грустить и смеяться вместе с ними.

Впрочем, чаще все-таки грустить... Для меня музыка клезмеров навсегда связана с памятью о моих предках, благодаря которым я вырос евреем. Удалось это, даже несмотря на то, что почти всю жизнь я прожил в Советском Союзе, где не было, конечно, никаких клейзмеров, синагог, и именно по Субботам проводили коммунистические субботники. Зато у меня был дед – Ицхок Гинсбург. Точнее – прадед, но я называл его дедом...

Я очень хорошо помню, как в эвакуации, в Новосибирске, прадед, несмотря на свой весьма почтенный возраст, работал на одном из заводов, а в редкие часы отдыха брал в руки кларнет. Его дед Ицик купил уже в Сибири – не знаю, у кого и за какие деньги. Но это был точно не наш екатеринославский кларнет, вместе со многими другими семейными реликвиями оставшийся на Украине. Там в ту пору клейзмерскую

музыку не исполняли: в живых не осталось ни одного еврейского музыканта. А здесь, когда становилось уж совсем тяжело, дед Ицхик играл на кларнете тихую еврейскую мелодию, за ней другую, третью. Кларнет рассказывал нам обо всем, что происходило в душе каждого из нас, самое сокровенное, о чем мы, может быть, не признавались и сами себе. В его мелодиях была и боль утрат, и горечь разлуки, и надежда на то, что все плохое когда-нибудь кончится и наступит счастье для всех.

С тех пор прошло много, очень много лет. Я сам уже прадедушка. И мой внук назвал своего сына Ицхоком. Я мечтаю: когда маленький Ицхик вырастет, он станет клейзмером...

Поэтому, несмотря на то что гала-концерт Второго Восточно-Украинского фестиваля клейзмерской музыки проходил поздно вечером, я взял трехлетнего мальчика с собой. Чтобы он с раннего детства приучался слушать лучшую в мире музыку – еврейскую музыку клейзмеров. И я вам скажу: в тот вечер действительно было что послушать! Мы вместе с Ицхоком и прихлопывали, и пританцовывали, и подпевали музыкантам, выходявшим на сцену. А их было много, и все они – замечательные, настоящие клейзмеры.

Вот чему я больше всего поражаюсь! Когда умер дед Ицхик, мне казалось, что я больше никогда не услышу подлинной клейзмерской музыки. И так оно и было – лет пятьдесят. А потом – откуда это взялось? – в Харькове и Луганске, в Запорожье и Днепродзержинске, в Артемовске и Павлограде, в Конотопе и родном Днепропетровске появились настоящие клейзмеры. Такие разные, но такие до боли в душе знакомые – наши, еврейские музыканты. Ну разве это не чудо? Ведь еврейское возрождение возможно только через душу каждого из нас. А значит – через музыку.

...Клейзмерская музыка – это музыка еврейской души. И лучшее доказательство того, что наш народ жив, – во всех городах, где есть хоть немного евреев, рождение своих музыкальных ансамблей. И пусть музыка клейзмеров, пришедшая к нам из глубины веков, вечно звучит на концертных сценах, на еврейских свадьбах и праздниках. И самое главное – в наших сердцах.

А. Аєі п'аоа

ОБЩИНА И ВЛАСТЬ

А́аааа́ао́і́д́ А́уо́е́і́а́ «д́ао́а́а́і́ і́а́о́е́і́і́ а́е́і́і́і́ а́а́ і́д́і́а́е́а́і́ а́»

В зале приемов правительства Саратовской области прошла встреча губернатора Дмитрия Аяцкова с делегацией раввинов и глав еврейских общин, действующих на территории области.

Эта встреча состоялась в преддверии одного из главных еврейских праздников – Пейсаха, с приближением которого Дмитрий Аяцков сердечно поздравил прибывших к нему гостей.

Деловой разговор губернатора с ними затронул не только праздничные темы. Отметив, что на Саратовщине живут, работают и учатся в образовательных учреждениях представители более чем 35 национальностей, губернатор все же констатировал, что возможности для всестороннего и полного национально-культурного развития евреев в области используются недостаточно.

– Не всегда еще мы, руководители самых разных рангов, – сказал Дмитрий Федорович, – делаем все, чтобы удовлетворить потребности людей говорить и читать на родном языке, слушать и смотреть национальные радиопередачи и телеканалы. Но у нас есть политическая воля к решению, казалось бы, самых неразрешимых национальных проблем.

По словам губернатора, его мечта – чтобы евреи, которые по тем или иным причинам покинули Саратовский край и вообще Россию за последние два десятилетия, вернулись обратно. Они востребованы сегодняшней российской экономикой, выходящей из кризиса, тем более что среди них есть отличные специалисты в области электроники, здравоохранения, а также талантливые предприниматели. Но для этого, подчеркнул губернатор, необходимо хорошо потрудиться всем ветвям власти в губернии. Одним из весьма полезных начинаний может стать проект возведения в Саратове Еврейского культурного центра.

В ответном слове главный раввин Саратова и Саратовской области Яков Кубичек поблагодарил губернатора за радушие и теплый прием. Он особо отметил, что областная власть в лице губернатора Д.Ф. Аяцкова, правительства и думы, секретаря совета по национальным отношениям Б.Л. Шинчука заботится о благополучии местной еврейской общины. Создана атмосфера дружбы между народами, на Саратовщине нет и тени антисемитизма, чего нельзя, к сожалению, сказать о ряде других российских регионов. Не случайно в дни Пейсаха погостить на саратовскую землю приехали израильтяне, представители еврейской диаспоры из США, Канады, Франции.

– В Саратове это стало доброй традицией, – сказал секретарь совета по национальным отношениям Борис Леонидович Шинчук. – В самом центре города, около консерватории, ежегодно в декабре зажигается ханукальная менора. И она возвышается там несколько дней, привлекая внимание множества горожан и вызывая интерес, в том числе и неевреев, к иудейской символике, традициям и культуре.

Соседство еврейской ханукии и находящегося рядом на площади Чернышевского православного храма «Утоли моя печали», по мнению Б. Шинчука, символизирует величие двух мировых религий, их устремленность к поиску добрых и светлых начал в человеке.

Об активном участии евреев-бизнесменов и в жизни еврейской общины, и в делах всей области говорил на встрече предприниматель Ю.С. Виткин.

Член попечительского совета общины Б.Л. Кац отметил большую работу, проделанную главным раввином Саратова и Саратовской области Яковом Кубичеком в организации работы общеобразовательной

еврейской школы, детского сада и общинного центра. Свое выступление Б.Л. Кац закончил словами: «Мы надеемся на постоянную поддержку областных властей».

В заключение встречи главный раввин Саратова и Саратовской области подписал договор об общественном согласии, открытый для всех политических партий, общественных организаций и частных лиц губернии. Дмитрию Аяцкову в ознаменование праздника Пейсах была подарена маца из Израиля.

Н'а э'и о.

ÀÈÖÁ-ÁÓÁÁÐÍ ÀÒÎÐ × ÁÐÍ Î ÁÈÖËÊË Ê ÎÁËÁÑÒË Í ÎÑÁÒËË ÑËÍ ÁÁÎÁÓ

Донецкую синагогу посетила делегация Черновицкой области во главе с вице-губернатором Францем Карловичем Федорчуком.

Делегация прибыла в Донецк для переговоров с облгосадминистрацией об укреплении экономических и культурных связей и об открытии выставки «Барви Буковини».

Черновчане были тепло встречены главным раввином Донбасса Пинхасом Вышецким. В ходе дружеской беседы состоялся обмен мнениями по различным вопросам экономической, культурной, общественной жизни Донецкой и черновицкой областей. Ф.К. Федорчук рассказал о многонациональном составе жителей своей области, о Черновицкой еврейской общине, о городской синагоге. Раввин Вышецкий поделился опытом работы донецкой еврейской общины, сообщил гостям о реализации многих культурных, благотворительных, образовательных и религиозных программ, о межнациональном мире в области и о недавнем создании Объединения этнических сообществ. Он отметил также, что Черновцы не чужой для него город – там прошло детство его отца.

Черновицкий вице-губернатор пригласил раввина Вышецкого посетить выставку «Барви Буковини». Предложение было с благодарностью принято. В конце беседы главный раввин Донбасса рассказал о приближающемся празднике Пейсах, и вручил всем членам делегации по коробке израильской мацы и красочный буклет с рассказом о празднике. В заключение он показал гостям молельный зал донецкой синагоги, рассказал об истории ее строительства около ста лет назад и о ее возрождении в наши дни.

Н'а э'и о.

Сплотимся против террора и антисемитизма

В администрации Волгоградской области состоялась пресс-конференция, посвященная памяти жертв Холокоста. Это событие было приурочено к началу восстания узников Варшавского гетто.

В пресс-конференции приняли участие первый заместитель главы облгосадминистрации Юрий Сизов, представители Комитета по делам национальностей и казачества при облгосадминистрации, председатель совета Волгоградского еврейского общинного центра Яэль Иоффе, главный раввин Волгограда и области Залман Иоффе, ветераны Великой Отечественной войны, бывшие узники гетто.

На пресс-конференции было зачитано обращение главы облгосадминистрации Николая Максюты.

В обращении говорилось, в частности, о том, что ежегодно в эти дни цивилизованное человечество чтит память миллионов жертв Холокоста. Геноцид не бывает направлен против кого-то, он всегда – против всех. Память о Холокосте требует объединения усилий всех стран, всех народов, чтобы противостоять таким угрозам человечеству, как этнические чистки, расизм, терроризм и антисемитизм.

Далее в обращении подчеркивается, что местные власти ставят перед собой ясную цель: создать на территории области равные условия всем этническим общностям для сохранения и полноценного развития их культур, исторической самобытности, традиций и оказывать им в этом всестороннюю государственную поддержку.

Волгоградский еврейский общинный центр во взаимодействии с местными органами власти вносит свой заметный вклад в обеспечение межнационального и межконфессионального мира и согласия, а также способствует формированию атмосферы толерантности в региональном общественном мнении, констатирует в своем обращении глава облгосадминистрации.

Н'а э'и о.

СОТРУДНИЧЕСТВО

ÐÀÁÈ ÁÇÀÈÌ ÎÏÎÌ ÎÙÈÈ Ì ÈÐÀ

Дружбу народов Донбасса большинство его жителей уже давно воспринимают как норму. На донецкой земле испокон века успешно сосуществуют представители многих национальностей. Сегодня они объединены в 95 общественных организаций.

Народы, населяющие Донбасс, к счастью, сумели сберечь и возродить свои традиции, языки, самобытные культуры. Национальные общины создают свои культурные центры, учебные заведения, творческие коллективы, средства массовой информации, благотворительные фонды – словом, все то, что

способствует их развитию и жизнедеятельности. Однако, объединившись, легче решать многие проблемы с государственными органами власти, так же как и отстаивать свои права и интересы.

В течение нескольких лет в регионе велась большая подготовительная работа по созданию Объединения этнических сообществ. Значительным событием в общественной жизни Донецкой области стала учредительная конференция этой организации, состоявшаяся весной нынешнего года. Принят Устав, избран председатель и его заместители, утверждена символика и печатный орган – газета «Сотрудничество», определены первоочередные задачи.

На конференции присутствовали 187 делегатов из 45 организаций, имеющих статус юридического лица. Делегаты представляли дюжину этносов, населяющих регион.

Огромный интерес вызвало выступление главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого, приглашенного в президиум конференции. Он поблагодарил организаторов за проделанную работу и выразил уверенность в ее положительном результате. Раввин отметил:

– В нашем случае сто процентов плюс сто процентов вместе – вовсе не двести процентов, а все триста. У человека могут быть и хорошие мысли, и плохие, но когда люди стараются делать добро, их хорошие мысли объединяются, а значит, усиливаются многократно.

Раввин Вышецкий рассказал об опыте, накопленном еврейской общиной. И предложил всем организациям делиться своими достижениями и постоянно сотрудничать друг с другом. А еще он сказал, что хочет, чтобы людям было хорошо, чтобы они смеялись и, посмотрев на небо, «могли сказать Б-гу спасибо».

В итоге объединение было создано: за это проголосовали единогласно. Донецкие греки, поляки, немцы, евреи, татары, белорусы, испанцы и многие представители иных этносов решили сотрудничать и помогать друг другу. Председателем Объединения этнических сообществ области избран председатель Донецкого городского общества греков Федор Дмитриевич Стамбулжи. Также были избраны и его заместители. Это Александр Артурович Дынгес, председатель областного отделения международного общества немцев «Видергербург», Иегуда Келерман – заместитель председателя областной еврейской общины (он также избран и в президиум, осуществляющий руководство в период между сессиями), и Анатолий Вацлавович Окушко – председатель областной общественной организации «Культурно-просветительское общество белорусов “Неман”».

В работе конференции принимали участие заместитель председателя Донецкой облгосадминистрации А.Л. Третьяк, депутат областного совета М.М. Бровун, представители органов власти, науки, культуры, прессы.

Все выступающие отмечали, что у национальных общин области имеются сходные проблемы и решать их можно, только объединившись.

י. אדיר

МУЗЫКА

Á Ā Ī ÑÒBŌ Ó Ī ÀYÑÒDĪ

В еврейской общине Днепропетровска всегда было немало людей творческих, талантливых. И нередко они устраивали публичные вечера, концерты, спектакли. Но еще не было, пожалуй, за все годы жизни возрожденной общины нашего города таких вечеров, какие сейчас организует в Еврейском общинном центре им. Розалинды Горвин знаменитый пианист Олег Карпов.

Много лет мы знали Олега как замечательного музыканта, постоянного участника концертов и праздников нашей общины. Но только сейчас увидели, что он еще и прекрасный организатор: Олег полон нерастроченной душевной энергии, которой готов поделиться с каждым, кто захочет прийти в уютный зал библиотеки им. Марии Клеоц нашего общинного центра.

Там, среди друзей и единомышленников, всегда есть возможность поговорить о главном, приобщиться к прекрасному, проявить и свои таланты. Ведь «Вечера Олега Карпова» – это не просто концерты. Это – еще и уникальное собрание друзей, коллег по искусству, по еврейскому образу жизни в творчестве. Здесь все понимают друг друга с полуслова, а главным становится взгляд, мелодия, пауза. Пронизанные прекрасной музыкой, эти вечера уже стали неотъемлемой частью еврейской жизни нашего города.

А какие гости посещают эти вечера! Одной из самых запоминающихся стала встреча с артистом Виктором Гуревичем. Вместе с Олегом Карповым они провели слушателей по полной чудесных превращений истории русских и советских песен, имеющих «еврейские корни». Всем было интересно услышать в знакомых напевах родные – еврейские! – мелодии. А в конце вечера многочисленные гости, которых с трудом уже вмещает помещение библиотеки, хором подпевали нашим любимым артистам.

Трудно подыскать слова, чтобы выразить благодарность Олегу Карпову и руководству общинного центра, которые дарят нам такие праздники настоящего, высокого еврейского искусства!

נ'רא ע'יו.

ТРАДИЦИЯ

ÁĀDĀĒÑĒĀB ÑĀĀĀŪĀĀ

Нынешней весной в еврейской общине Красноярска произошло волнующее событие: впервые чуть ли не с дореволюционных времен еврейские молодежны поставили хупу.

Красноярский раввин Беньямин Вагнер тщательно готовился к торжественному дню. И тому были причины: ближайшая миква для женщин находится в... Москве! Что ж, невесте пришлось совершить этот дальний полет.

Красиво оформленная ктуба (брачный договор) также была привезена из Москвы заранее, а ритуальный балдахин, хупу, своими руками сделали женщины нашей общины.

Мало кому из красноярских евреев прежде доводилось видеть обряд Хупы, поэтому на «бракосочетание по-еврейски» пришло много народа – от молодых до стариков.

Молодые, Михаил Усов, координатор ФЕОР в Сибирском регионе, и Света Лейбович, – давние знакомые по совместной работе в красноярском «Гилеле».

Впереди у них – семь дней Благословений и, надеемся, большая и счастливая жизнь!

А еще – очень хочется верить, что хупа станет новым важным шагом на пути возрождения еврейских традиций в Сибири.

י. עינעזער

ПАМЯТЬ

וְזָכוּרָהּ יְהוָה יִשְׂרָאֵל וְזָכוּרָהּ יְהוָה יִשְׂרָאֵל

В Петербурге на Еврейском (Преображенском) кладбище состоялся традиционный траурный митинг, посвященный Дню Катастрофы – Йом а-Шоа.

На кладбище собрались представители еврейской общины города, а также православной и протестантской конфессий, историки, свидетели Катастрофы. Звучали воспоминания ветеранов, еврейские песни и стихи.

К собравшимся обратились главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и первый секретарь посольства Государства Израиль Шмуэль Полищук.

Г-н Полищук зачитал послание председателя израильского кнессета Реувена Ривлина.

נְרָא עִיּוֹ.

יְהוָה יִשְׂרָאֵל וְזָכוּרָהּ יְהוָה יִשְׂרָאֵל וְזָכוּרָהּ יְהוָה יִשְׂרָאֵל

В Центральном Доме литераторов в Москве по инициативе российского фонда «Холокост» состоялся вечер-реквием, посвященный Дню памяти евреев – жертв нацизма и героев Сопrotивления.

В ходе вечера прошла торжественная церемония: почетные дипломы о присвоении звания «Праведник народов мира» и медали спасавшим евреев в годы войны 19 россиянам либо их родственникам вручил посол Израиля в России Аркадий Мил-Ман.

Выступая на церемонии, посол отметил:

– Награжденные не являются евреями, но, спасая евреев, они каждый день и каждую ночь на протяжении нескольких лет оккупации рисковали своей свободой, подвергали смертельной опасности себя и своих родных... Мы передаем из поколения в поколение летопись тех страшных дней и имена людей, которые сделали все возможное, чтобы предотвратить то, что казалось неизбежным, и доказать, что есть надежда на спасение... То, что не смогли и не хотели делать государства и международные организации, сделали простые люди, каждый на своем месте, будь то в Германии, Франции, Украине или России. Такие люди пришли сегодня к нам.

По словам посла, Государство Израиль и весь еврейский народ «чтут и помнят их подвиг». Гн А. Мил-Ман подчеркнул, что мужество этих людей преподало всему миру важный урок. «Низкий вам поклон за ваш подвиг», – сказал посол Израиля, обращаясь к Праведникам.

Ведущая вечера, президент фонда «Холокост» Алла Гербер зачитала приветственное послание полномочного представителя президента России в Северо-Западном округе Валентины Матвиенко. В послании, в частности, сказано:

«Холокост – не просто страшная страница истории. И не только свидетельство беспредельной ненависти к целому народу. Это свидетельство того, как легко находящиеся у власти чудовища могут сыграть на самых низких человеческих инстинктах, как легко они могут пробудить в своих согражданах самые темные предрассудки и вовлечь их в массовые, систематические, идеально спланированные убийства. Холокост – свидетельство того, как продуманная идеология может в одночасье подорвать моральные устои общества, уничтожить все завоевания мировой цивилизации и превратить фактически весь народ в молчаливых соучастников ужасающего преступления».

В своем послании Валентина Матвиенко отметила, что сегодня, к сожалению, далеко не все хотят помнить о геноциде, устроенном фашистами. Ксенофобия и антисемитизм являются мощными орудиями в руках нечистоплотных, аморальных политиков во всем мире. «Еще 15 лет назад невозможно было представить, что даже в России появятся со временем неофашистские организации! Теперь это – свершившийся факт», – подчеркнула полпред. Особую тревогу, по ее мнению, вызывает то, что в профашистское движение втягивают прежде всего подростков и молодых людей. «Сегодня нам нужно сплотить свои усилия и активно противодействовать этому злу. Наши дети не должны увидеть второй Холокост. Мы обязаны спасти будущее России», – такими словами Валентина Матвиенко закончила свое обращение.

Председатель попечительского совета фонда «Холокост» Леонид Невзлин в своей речи отметил, что за последние несколько лет фонд проделал огромную работу для того, чтобы население России не забыло о

Катастрофе. Вместе с тем он посетовал на то, что большое количество проблем в этой сфере все еще остаются нерешенными:

– Три года назад Россия подписала Стокгольмскую декларацию, согласно которой в стране ежегодно должен отмечаться День памяти жертв Холокоста, однако он практически не отмечается...

Леонид Невзлин отметил также, что необходимо бороться с толерантностью по отношению к антисемитизму, которая увеличивается по мере удаления человечества от времен Холокоста.

Собравшимся были также продемонстрированы кадры военной кинохроники и отрывок из художественного фильма Анджея Вайды о выдающемся педагоге Януше Корчаке, который вместе со своими воспитанниками из еврейского дома сирот пошел в газовые камеры Трешлинки.

На вечер выступил также народный артист СССР Иосиф Кобзон, отметивший в своей краткой речи особый смысл этого дня, и торжественного и печального одновременно. Слова благодарности он адресовал Праведникам мира.

ЗНАЙ НАШИХ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ עִבְרִי עִי אֲבֹתֵינוּ נֹאֲמַר עִבְרִי עִי עִבְרִי עִי «י אֲנֵנוּ»

В Московском еврейском общинном центре прошла торжественная церемония награждения победителей интеллектуального марафона «Связующая нить», посвященного изучению истории и культуры еврейского народа.

В этих непростых состязаниях приняли участие представители почти 80 еврейских школ СНГ.

Десять победителей – пятеро из них учатся в московской религиозной школе «Месивта» – получили почетные грамоты, а также специальные гранты по 1000 долларов от благотворительного «Кауфман-фонда».

Среди номинаций были, в частности, и такие: «За лучшее знание истории еврейского народа», «За лучшее знание иврита», «За лучшее знание культуры еврейского народа», «За большие успехи в деле изучения Талмуда», «За глубину знаний философии еврейского народа» и так далее.

Церемонию награждения вел народный артист России Эммануил Виторган, а почетные дипломы победителям вручали первый секретарь посольства Израиля в России Йоси Тавор, президент фонда «Холокост» Алла Гербер, директор московского представительства «Джойнта» Шимон Кеслер, главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин, писатель Яков Костюковский, генеральный директор киножурнала «Ералаш» Борис Грачевский и легендарный баскетбольный тренер Александр Гомельский.

Йоси Тавор, вручавший приз в номинации «За лучшее знание иврита», отметил, что для еврейской истории характерно понятие чуда, и одним из таких чудес является иврит:

– Чудо – то, что мы вернулись к этому языку. И чудо – то, что я сегодня и здесь вручаю призы за знание этого языка, который я безумно люблю.

В церемонии принял участие главный раввин России Берл Лазар. Поблагодарив основателя фонда Марка Кауфмана, раввин отметил:

– Сегодня еврейские дети не только учатся, но и поднимаются на высший уровень знаний... Когда у нас будут настоящие знания, мы будем в силах изменить мир к лучшему, – так, чтобы в нем царил справедливость.

Кстати, самому р. Лазару также был вручен специальный приз в номинации «За вклад в развитие национального образования и формирование толерантного общества в России». Почетный диплом раввин Берл Лазар получил из рук шестиклассника из школы «Месивта» Александра Гершумова.

А исполнительный директор ФЕОР Александр Борода вручил специальный приз «За активную поддержку и участие в возрождении национальной культуры и образования» Марку Кауфману.

В программе вечера участвовали музыкальное трио из оркестра Олега Лундстрема и лидер группы «Браво» Евгений Хавтан. Присутствующие увидели также два недавно снятых сюжета киножурнала «Ералаш», еще не демонстрировавшихся на широком экране.

Был также показан документальный фильм о школе «Месивта». И, судя по реакции зрителей, фильм убедил их в том, что значительное число призеров конкурса из этого учебного заведения обусловлено отнюдь не случайностью, а высоким уровнем преподавания и наличием у школьников сильной тяги к знаниям.

ОБРАЗОВАНИЕ

דִּיאֵנוּ אֵינוּ נֵתִי אֵי אֲבֹתֵינוּ

Когда я была совсем маленькой, мой папа (девятый ребенок в семье) рассказывал о своем детстве. Мне трудно было понять и даже представить жизнь такой большой семьи. Но вот я побывала на расширенном родительском собрании в донецком «Теплом доме для школьника» и именно там впервые увидела, какая она – настоящая еврейская семья.

Нарядные улыбающиеся мальчиш

ки наводили последний глянец в своем доме, готовясь к встрече с родителями. Все жилые комнаты и учебные классы сияли чистотой. Даже самому придирчивому взгляду еврейской мамы не к чему было придираться. Кухня превзошла все ожидания. Вернее, две кухни – мясная и молочная, как и положено по еврейской традиции, отделенные друг от друга.

Официальную часть собрания начала Мама (она же – директор «Теплого дома») Юлия Ефимовна Моргунова. Я не ошиблась, написав Мама с большой буквы. Почти весь день, всю неделю она проводит с детьми и отдает им свое сердце.

Самый большой класс в этой школе – восьмой, в нем учатся восемь подростков, в остальных – по три-пять учеников. При таком невеликом количестве учащихся учитель успевает за урок уделить внимание каждому. Завуч Надежда Федоровна Гладкоскок рассказала родителям об организации учебного процесса, о предстоящих экзаменах в девярых и одиннадцатых классах. К слову, большинство учителей имеют высшую категорию, есть «Отличники народного образования».

Очень интересную лекцию-беседу провела психолог Наталья Михайловна Герасименко. Она рассказывала о необходимости согласованной работы педагогов и родителей в воспитании и обучении детей. «Отдайте детям частичку себя, а они потом все вернут сполна», – сказала она. Родителям было предложено ответить на вопросы психологического теста, чтобы педагогам легче было решать проблемы детей, если они возникнут.

Заботятся здесь и о здоровье ребят. Врачи регулярно проводит медицинские осмотры. При необходимости детей лечат. Средств на лекарства и витамины не жалеют.

После официальной части состоялся небольшой концерт. Мальчики спели гимн «Я люблю тебя, ешива». Видели бы вы, какой гордостью светились их лица! «Это не просто песня, это – наш гимн!» – объяснял розовощекий шестиклассник своей маме. Песня, спетая под аккомпанемент ученика одиннадцатого класса Хаима Гершмана, и еврейский танец покорили сердца зрителей, и последние аккорды музыки утонули в аплодисментах.

А потом были встречи родителей с учителями и психологом. Как учиться ребенок? Как он себя ведет? С кем дружит? Ни один вопрос не остался без ответа. Полдня пролетели как один миг... И вот – семейная фотография на память.

Итог очевиден: детям здесь хорошо. В «Теплый дом для школьника» приходят новые ученики. Теперь там есть свои певцы и пианисты, каратисты и танцоры. Всем уютно под крышей «Теплого дома», где царят мир и покой. Здесь верят в мальчиков и стараются дать им как можно больше душевного тепла и прочных знаний. Огромный вклад вносят донецкая областная еврейская община и главный раввин Донбасса Пинхас Выщецкий в свой «золотой запас» – в наших детей.

י. ציבורי:
יאה יי'וא

אַ יאַ ינעוּאַאַוּדוּעאַ אַאַפּוּאַאַי!

Все евреи ответственны друг за друга. Правоту этих слов я в полной мере ощутила после того, как кардиологи вынесли мне «приговор»: необходима срочная операция! Но ведь для этого нужны очень большие средства, которых у меня нет и не было. Где искать поддержку и помощь? Конечно, в еврейской общине, куда я, беженка из Грозного, в 2000 году пришла волонтером. Да так в ней и осталась, теперь уже – библиотекарем. В тяжелые для меня и моей семьи дни, когда пришлось налаживать жизнь заново, не имея ни крова, ни работы, ни средств, мне очень помогли добрые люди. Волгоградская община, и в частности, семья раввина Залмана Иоффе, сотрудники общины Т. Ройзен, С. Пузанова, М. Романова поверили в меня, нашли для меня дело, придали уверенности и вселили надежду на будущее. Судьба свела меня с настоящими евреями, с которыми и невзгоды нипочем!

И вот вновь беда... Теперь только понимание друзей и оперативность семьи раввина Иоффе при сборе средств на проведение дорогостоящей операции сдвинули дело «с мертвой точки». Результатом явилась первая и внушительная финансовая помощь вице-президента Федерации еврейских общин России Александра Бороды. Далее необходимая сумма складывалась из средств цдоки, полученных еврейскими организациями Волгограда и Волгоградской области...

Участники программы «Гуманитарная помощь» (координатор Е. Абрамова) передавали деньги ежемесячно, вплоть до реабилитационного периода. Цдоку для меня собрала координатор общинных программ Т. Ройзен. Был целевой благотворительный взнос от организации «Хесед Хаим» (руководитель Е. Галицкая) и личные сбережения М. Романовой, и средства, предоставленные горздравотделом администрации Волгограда... Одной из первых на обращение о помощи откликнулась и В. Антонова – в то время глава Светлоярской еврейской общины.

А с чем сравнить трогательные посещения в больнице дорогих моих коллег из общины, семьи раввина, работников Хеседа А. Снитко и О. Нечаевой, членов общины М. Пристанской, Л. Цимберг, Е. Болдаревой, М. Романовой? Вот тогда, благодаря их искреннему участию я поняла, что выстою, преодолю нелегкий послеоперационный период.

А как не вспомнить искреннюю заботу главного бухгалтера общины Л. Колеватых? Ведь ее оперативность в перечислении денежных средств для меня играла порой решающую роль!

А многочисленные телефонные звонки со словами поддержки дорогих мне М. Яворовской, Л. Финн, В. Фроловой, М. Полянкой и многих других – как они были бесценны для меня! Все они помогли мне вернуться в общину, вновь радоваться встречам и общению с людьми, вновь почувствовать свою необходимость!

Потом была длительная реабилитация в комфортабельном санатории «Волгоград», пребывание в котором стало возможным опять-таки только благодаря финансовой помощи общины и других еврейских организаций города.

Я вновь со своими, в общине, говорю с ними, радуюсь и сопереживаю, мы – вместе. «Да не оскудеет рука дающего...» Спасибо, мои родные! Пусть Всевышний благословит все ваши начинания, пусть всегда с вами будет дружеская поддержка и участие. Ведь «все евреи ответственны друг за друга!..»

В. Кузнецова

КОЛОМЫЯ ЕВРЕЙСКАЯ

Аגודת ארעם

І'ai yòè ð'ai úã, i'fãáoeò á'féeó'i'áòèè

У подножия вечнозеленых Карпат на живописном берегу реки Прут уже более семи веков стоит Коломыя. Рассказ о евреях, об их судьбах, тесно вплетенных в политическую и экономическую жизнь этого древнего города, не исчерпывает тему по объективным обстоятельствам. Слабо освещены довоенные годы и советский период – не обнаружены архивные материалы. И все же поднять тему автора заставило желание найти свои исторические корни.

Пытаясь найти следы родных, трагически погибших во время фашистской оккупации 1941 – 1944 годов, я невольно углубился в историю города и нашего народа. Коломыя всегда была многонациональной, и мы с гордостью осознаем вклад в историю города нашего трудолюбивого еврейского народа.

Первые воспоминания о Коломые датируются 1241 годом. В Галицко-Волынском крае это – центр добычи соли и торговли ею. К тому же город удачно расположен на торговом пути из Западной Европы через Галич на Киев, а также через Буковину к Черному морю. Соль и торговый транзит в Восточную Европу послужил толчком в развитии экономики и процветания города.

Уже в те времена в торговых операциях с солью активное участие принимали немецкие купцы-евреи. А в конце XV столетия на окраинах города начинают компактно селиться евреи из Львова. Они активно участвовали в торговле и хозяйственной жизни, за что им в 1569 году были даны королевские привилегии, утвержденные Коронным сеймом в Люблине. В то время Коломыя входила в состав Королевства Польши – Речи Посполитой. О лояльном отношении властей к евреям говорит такой факт: после переписи населения в 1616 году королевская комиссия приказала коломыйскому старосте Петру Коряцинскому выделить место для еврейского кладбища и построить синагогу, да притом еще с обязательным освобождением этих участков от налогов.

После разрушения города в 1621 году вследствие набега татарской орды евреи активно участвовали в его восстановлении. На средства общины частично отстроили оборонительные валы Замковой горы, за что городские власти в 1626 году выхлопотали грамоту о том, что за евреями города должны быть сохранены их права и повинности, а также разрешение селиться у рыночной площади.

С увеличением численности еврейского населения все административные функции общины сосредоточились в кагалном управлении, чьи отношения с королевскими властями регламентировали воеводские правила. Внутренняя жизнь общины регулировалась предписаниями Алохи, а с XVI столетия – кодексом «Шулхан Орух».

Коломыя как центр добычи соли и торговли была перспективным городом для Речи Посполитой. И поэтому с середины XVII столетия там начинают возводить капитальные каменные строения – взамен деревянных, часто сгоравших. В 1664 году на средства еврейской общины построена Большая каменная синагога; евреи начали застраивать каменными домами рыночную площадь. И всё это – благодаря заслугам и организаторским способностям главного раввина города Авроома Вольфа. Большая синагога стала не только молитвенным домом, но и центром культуры, традиций, духовного просвещения евреев не одной Коломыи – центра Покутья, а всего этого края.

В первой половине XVIII века Покутье охватывает новое религиозно-мистическое движение – хасидизм. Его основатель рабби Исроэл Баал-Шем-Тов (Бешт) после долгих странствий по городам и местечкам Галиции в 1730 году осел пустынником в Карпатах, на полонине горы Буковец у реки Варатин. Он отошел от мирской суеты и все свое время проводил в молитвах на вершинах гор, чтобы быть ближе к Б-гу. Народ назвал его «хозяином доброго имени». После четырех лет самозаточения в 1734 году, Бешт спустился с гор и стал творцом могущественного движения хасидизма, отсюда разошедшегося по всему миру. В том же году Бешт посетил в Коломые Большую синагогу, молился и беседовал с главным раввином города и благословил этот край.

Со второй половины XVIII века при правлении Австрийской империи евреи города были лишены королевских привилегий и стали зависимы от шляхты, магнатов, а защищены были только со стороны кагалов и ваадов. С ростом численности еврейского населения для повышения его образования в 1778 году община открывает начальную еврейскую школу – хедер, ставший первым стационарным учебным заведением не только для здешних евреев, но и всего региона. В 1787 году при Большой синагоге открывается ешива, где изучали Тору и Талмуд. В 1798 году после реставрации вновь открыта Большая синагога. Ее стены перестроили и украсили элементами барокко, изменился и интерьер. Реставрацией руководил раввин города Ноах-Эфраим-Фишл бен Мойше.

Середину XIX – начало XX столетия можно считать пиком экономического расцвета и политического подъема общины; она стала лидировать и в культурной жизни. Основным стимулом такой активности послужила принятая в 1868 году новая конституция Австрийской империи, уравнившая евреев в правах. Согласно переписи населения, в 1869 году в Коломые проживало 15 000 горожан, из них 9019 – евреи. С 1876 года административно-правовыми отношениями общины занималась специально созданная Израильская гмина. В ее правление входили известные люди: Соломон Висельберг, Давид Криес. А Иосиф Функенштайн –

председатель гмины – также входил в руководство магистрата и Повитовой Рады и даже неоднократно избирался бургомистром.

Большой отклик вызвало открытие на средства общины в 1854 году больницы на 20 коек, а в 1898 году Израильская гмина открыла приют для престарелых и инвалидов.

В 1872 году в городе действовало 16 синагог и 35 молитвенных домов. Духовными наставниками евреев в XIX столетии были раввины Нахман Зев, Ицхок Себ, Ицхок Траубес, Гершон бен Еуда, Яков-Эфраим Темин. Особо нужно отметить заслуги Гилела бен Боруха-Бендла Лихтенштейна: он был раввином на протяжении почти четверти века – с 1863 по 1887 год, пользовался огромным уважением общины и городских властей, и имя его занесено в свитки памяти святых Коломыи, изданные в 1914 году раввином города рабби Тумимом.

В связи с ростом численности еврейского населения в 1896 году был открыт второй хедер, а также еврейский детский сад. Спустя два года «Венский альянс» открыл еврейское училище, впоследствии патронируемое фондом мецената барона Гирша; через десять лет там получали образование 273 ученика. О положительном сдвиге межнациональных отношений в образовательной сфере свидетельствуют такие факты: в 1902 году в украинскую гимназию поступают первые ученики-евреи, а с 1906 года в женской гимназии учатся еврейские девочки.

Религиозным воспитанием были заняты преподаватели основ Торы и Талмуда Биньёмин Блитц, Цалел Брандес, Юрис Мандель, Соломон Хергиз, Иосиф Стецнель.

В конце 1890 годов в Коломые действовал еврейский драматический театр, и на его сцене был поставлен спектакль «Бренделес – казак с Коломыи».

В систему политических партий Восточной Галиции входили партийные организации, возглавляемые евреями Покутья. Они развернули активную деятельность в регионе, борясь за места в рейхстаге – парламенте Австро-Венгрии и в местных органах власти, а также протестуя против антисемитизма. Сионистская партия «Мизрахи» еще в 1880 году открыла в Коломые отделение; его председателем был избран Израиль Фанденхрехт. Сионисты начали издавать региональную газету «Израэль». В 1914 году сионист Л. Траубес стал выпускать летопись «Volks Zeitung». Известными деятелями партии «Мизрахи» были Ф. Ротестрайх, И. Горовитц, М. Штерн, В. Фарбштайн – депутат польского сейма. На первом Всемирном сионистском конгрессе в Базеле в 1897 году Коломыю представляли Соломон Сингер и Росенхехт, в то время, как от Львова, там был только один делегат. В Коломые также развернули деятельность и ортодоксальная партия «Агудас Исроэл», и сионистская «Поалей-Цион».

В 1876 году на муниципальных выборах бургомистром был избран представитель Израильской гмины доктор М. Трахтенберг, впоследствии, в 1895 – 1900 годы, бывший депутатом рейхстага. В этот высший законодательный орган государства избирались представители коломыйской еврейской общины О. Генигзман (1880 – 1885), И. Блох – редактор «Австрийского еженедельника» (1885 – 1895), Н. Сейнфлед (1900 – 1906). В Галицком сейме депутатами от Коломыи заседали Л. Дубе (1861 – 1867), М. Ландсбергер (1867 – 1873), и тот же О. Генигзман (1873 – 1879).

Открытие в 1865 году железнодорожного сообщения между Львовом и Черновцами с узловой станцией в Коломые стимулировало бурное развитие экономики города: ремесленные кустарные мастерские преобразуются в промышленные предприятия, практически все возглавляемые евреями. В 1870 году начала работать ткацкая фабрика Йонаша Сагера – один из крупнейших в Европе изготовителей талесов: их экспортировали в Венгрию, Германию, Францию, Англию, Румынию и даже в Америку. В 1880 году дала первую продукцию фабрика Гегера Кальмана по производству щеток – их поставляли в страны Западной Европы. Фабрика «Геллер Самсон и сыновья» производила шерстяные костюмные ткани, пледы, а также готовые талесы, в 1889 году на ней трудилось до 150 рабочих.

Самыми мощными в регионе были заводы по производству кирпича и керамических изделий «Рамлер и зятья». Крупными предприятиями пищевой промышленности стали пивоварни Якуба Бреттлера: там в 1913 году выпускали 32 600 галлонов пива, а у конкурента – Стефана Вайеса – 30 000 галлонов. Мельницы Якуба Байдаффа, Якуба Бреттлера, Мойзеса Гартенберга, Марека Шилляха ежегодно намолачивали 60 000 центнеров муки, и она шла в Германию. В 1879 году нефтяные прииски у села Слобода дают первую нефть. В их освоении участвуют евреи Геллер, Берко, а в 1885 году в пригороде Коломыи, Сопове, заработал нефтеперерабатывающий завод семьи Вензель.

Позитивную роль в развитии украинской национальной культуры сыграли издательские предприятия Коломыи, возглавляемые евреями Вильгельмом Браунером и Якубом Оренштайном. Их типографии с 1903 по 1939 год издавали украинский еженедельник «Поступ», летопись для народа «Хлопська правда», орган украинско-русского учительства «Прапор», политэкономическую летопись «Право народу», сельский еженедельник «Плуг», журнал молодой литературы «Зеркало». Они же выпускали книги классиков Т. Шевченко, И. Франко, И. Нечуй-Левицкого, Марко Вовчок, П. Кулиша, Л. Толстого, Л. Андреева, А. Франса, Бернарда Шоу...

На рубеже веков в 1900 году в Коломые проживало 34 188 человек, и 16 868 из них – чуть менее половины – были евреи. В 1906 году по дороге в Женеву город посетил Шолом-Алейхем и описал жизнь тамошних евреев в рассказе «Враки».

В первую мировую войну с 1915 по 1917 год город оккупировала Россия. Еврейское население было доведено до нищеты, многие погибли в погромах, были осквернены и разграблены синагоги.

Революционные события 1917 года заставили русские войска отойти назад. 1 ноября 1918 года австрийская администрация передала власть украинцам и во Львове провозгласили Западно-Украинскую республику. Председатель коломыйского кагала Е. Ротенштрейх от имени общины заявил о сотрудничестве с новыми властями. Для координации власти на местах были созданы окружные советы, в их состав входили представители еврейского, польского и немецкого населения. В коломыйском окружном совете еврейскую общину представляли Лейб Бигер, д-р Гольбарт, Зайнфлед, Клярман, Кребс, Моисей Ляхе, Пинхас Мунчек, д-р Розенгек, Барух Фоерштайн, д-р Якуб Шнельбах и д-р Лейзер Шорр. Для защиты населения от мародерства и грабежей была сформирована еврейская милиция в системе Коломыйской окружной воинской команды, уполномочившей д-ра Вахмана организовать «Еврейский куринь» – два воинских подразделения, (около четырехсот «штыков»). Они-то и поддерживали в округе спокойствие, порядок, поэтому не было волнений и грабежей имущества граждан. «Еврейский куринь» в составе Галицкой армии воевал в боях с польскими войсками под Черче, Ходоровым, Каменко-Буськой, Озёрной, а в 1920 году после поражения республики его бойцы прорвались с боями до Одессы, погрузились на пароход и через Стамбул добрались в Палестину.

Во Львов на борьбу с польскими войсками выслали из Коломыи бригаду сичовых стрелцов под командованием австрийского полковника Ф. Тинкеля, и еврейская община укомплектовала их амуницией, продовольствием, обозами, лошадьми, фуражом, а также горюче-смазочными материалами.

В мае 1919 года Коломыю оккупировали румынские войска, но уже в августе передали ее польским жолнежам генерала Желиговского, и Галичина опять отошла под протекторат Польши. Общественную жизнь еврейского населения и взаимоотношения с властями по-прежнему координировала Израильская гмина, которой руководил ее комиссар д-р Леон Функенштайн, его заместитель Авроом-Шмуэл Геллер и помощник раввина Осинас Сиблер.

Руководство общины старалось задействовать разнообразные коммерческие структуры и предпринимателей для оказания помощи малоимущим евреям. В городе действовали товарищества еврейских купцов, врачей, адвокатов и ученых.

В 1930 году по рекомендациям кагала и партии «Агудас Исроэл» был избран последний раввин города Йосеф Лау, погибший в период фашистской оккупации в 1942 году.

В историю мирового музыкального искусства вошло творчество уроженца Коломыи, еврейского виолончелиста Эммануэля Фоермана (1902 – 1942) – концертмейстера Кёльнского симфонического оркестра «Гюрцених».

В сентябре 1939 года по договору между СССР и Германией Красная Армия оккупировала Западную Украину и ее земли были присоединены к УССР. Тогда же были национализированы предприятия и торговая сеть, закрыты синагоги и еврейские школы. Неудобных режиму ссылали в Сибирь. Перед началом второй мировой войны население города составляло 45 000, из них 19 350 – евреи, не считая еврейских беженцев из Польши, Австрии, Венгрии, Чехословакии.

После нападения Германии на СССР Коломыю 1 июля 1941 года оккупировали венгерские воинские подразделения, входившие в структуру верхмата, а спустя десять дней власть в городе перешла непосредственно к немецкой военной администрации и был введен жесткий оккупационный режим. Были созданы три гетто, и фашистский конвейер смерти с июля 1941 года по март 1944-го забрал жизни 37 000 жителей Коломыи, и это без учета обреченных, эшелонами отправляемых в лагеря смерти Освенцим, Дахау, Майданек... Основным местом расстрелов мирного населения был Шепаривский лес в восьми километрах западнее Коломыи. Расстрелы проводились и в самом городе, на территории двух из трех еврейских кладбищ. Трагизм и небывалый размах массовых уничтожений стал катастрофой для еврейской общины.

После войны община возрождалась подпольно, на уровне бытовых отношений, за счет приезжих и случайно уцелевших после оккупации, а также вернувшихся из эвакуации. И лишь в 1992 году, после развала СССР, еврейская община возродила свой юридический статус, и в 1997 году горсовет передал ей синагогу «Иерушалаим», стены которой почти три столетия назад благословил молитвами ребе Баал-Шем-Тов (после войны в ней был соляной склад). В июле 2000 года Ивано-Франковский благотворительный фонд «Хесед Лейб» открыл региональное представительство в Коломые, взяв под попечительство общину. За счет средств «Джойнта» в следующем году капитально отремонтировали этаж синагоги, и в этих помещениях фонд открыл более десяти программ социальной помощи нуждающимся; теперь старики, больные, инвалиды окружены заботой и вниманием. Синагога объединила евреев Коломыи и полутора десятков населенных пунктов региона, людей всех возрастов, став для них не только молитвенным домом, но и культурным центром, приобщающим к историческим корням всех желающих. Здесь проводят для детей экскурсии по местам, связанным с еврейской жизнью, они изучают иврит, историю, занимаются в танцевальных кружках, в изостудии, библиотеке, – словом, не прерывается связь поколений. Община возрождается: взрослые с детьми и внуками учатся чтить память предков, живших на этой земле на протяжении пяти веков, и это неотъемлемо от истории Коломыи. Есть надежда, что найдутся средства на окончание ремонта фасада и молитвенного зала синагоги.

В Коломые сохранились здания пяти синагог. Большая синагога была сожжена во время оккупации и разрушена. Хочется верить, что на двух еврейских кладбищах, где фашисты расстреливали жителей, будут установлены памятные мемориальные знаки, как и на территории, где была тюрьма и три гетто. Давно пора увековечить память 90 тысяч жертв нацизма!

...Недавно воплотилась мечта об отдельной экспозиции, иллюстрирующей историю еврейской общины и ее вклада в политическую и экономическую жизнь города. И вот под патронажем того же фонда «Хесед Лейб» с 27 октября по 3 ноября 2002 года впервые прошли «Дни еврейской культуры». Их открыл раввин Ивано-Франковского региона Мойше-Лейб Колесник молитвой в Шепаривском лесу у обелиска на месте расстрелов мирных жителей фашистами. Затем на официальной церемонии открытия в актовом зале музея истории города звучали гимны Украины и Израиля, с приветствиями выступили директор фонда «Хесед Лейб» А. Ляриш, городской голова Б. Юрашук, председатель еврейской общины А. Бабиченко и другие, была открыта экспозиция архивных документов, фотографий и экспонатов. Праздничный концерт открыла поэма Альбины Бурихсон о возрождении еврейской культуры, выступили гости из Ивано-Франковска, зажигательные еврейские песни исполнили Александр Масляков и Таня Либерман, играли скрипачи – лауреат международных конкурсов, ученик музыкальной школы Василий Хохряков и Регина Кострыгина, свои стихи прочли Майя Заборова и Лев Штейнберг, были и Пуримшпиль, и ансамбль клейзмеров «Галицияне», и этнохореографический коллектив Коломыйского экономико-правового колледжа; танец «Хава Нагила» зал бурными овациями встретил стоя.

Один из основных организаторов этого праздника, представитель фонда «Хесед Лейб» Юрий Лысенко сказал со сцены:

– Не только евреи, но и местное население, власти города должны знать и понимать, что евреи не хуже и не лучше украинцев, поляков, русских – они просто другие! Они не посягают на чужие права и свободы, они несут мир и культуру, проповедуя сотрудничество, толерантность и уважение в межнациональной жизни края и державы.

Председатель общины Александр Бабиченко поблагодарил городскую администрацию за всестороннюю помощь в проведении «Дней еврейской культуры», выразив надежду, что этот праздник – не последний и продолжит возрождение еврейской культуры Прикарпатья. Ведь знаменитые потомки коломыйских евреев – главный раввин Израиля И.-М. Лау, племянник последнего главного раввина города Й. Лау, погибшего в годы фашистской оккупации; Пинхас Вайнбергер – известный раввин бруклинский председатель еврейского товарищества выходцев из Коломыи в США, прямой потомок раввина Гилела Лихтенштейна, Арье Сухман – председатель товарищества выходцев из Коломыи в Израиле, и другие.

Завершил торжества городской голова Богдан Юрашук:

– Я хочу, чтобы этот праздник положил начало совершенно новым отношениям, которые уничтожили бы все негативные проявления в отношении евреев. Мы хотим больше знать о вас и со своей стороны приложим максимум усилий для развития сотрудничества с еврейским народом.

Дай Б-г, чтобы так и было – отныне и навсегда.

За помощь в поисках информационных источников автор весьма благодарен директору музея истории Коломыи Михаилу Арсаку, старшим научным сотрудникам Ивану Монолатию и Мирославе Кочержук.

НЕОЖИДАННОСТИ НЕ ИСКЛЮЧАЛИСЬ...

P ò è è È t è a n n è e è i a

À a d i t è B i n n è P ò è è È t è a n n è e è i a – ó : a n ò i e è Á a e e e i é I ò a : a n ò a a i t é a i é i ú .

N i a d a i t a a a a i y a i a a e a m n o a a i i a d a o e a i t é a d i i ú i d è 25 i i i a d a i t o d y a a i a a d a t e o a n n è i ú i e a e .

Ó d e a o a o u a a i i a y o a i d i a e a a e o u e i o u e o i d i o e a i e e a i a o a d d e o i d e e Á a e i d a n n è e è Ó e d a e i ú , I t e u e è e

A i n o i : i t é I d a n n è , i t a a a d a e e a a y i i n o i y i i o p d a e e i n a y c i n i i n e r a n e e i e t i a i a i a i e a i .

Á i i n e a i a i t u e i a d e i a – i a e a a e , a i i t e i y e c a a i e y c a d a a e i i . Á o a i o d a e i i i i o c a a Á I Á i a I t e e i i t e a d a i o e d u o i i n a y u a i t u e a i ó i i n o i y i t u e n o a i a . I i a a o i d a a y o e e i e a i a e i o i d u a e c i e o i a d a a a a i ú i a e i i n o d a i i ú a y c i e e .

P . È t è a n n è e è i a – m e d a o a d u È m i e e i i a I a e a o i a d i a i t a m i i a u a n o a a i e m o a e u e e o N i r c i a (I N I N) , i d e a n n a o a e u

È t i e n n è i t a i a i t o a i t a e a n ò a a i t é e e o a d a o d a

Мир, наступивший после окончания Великой Отечественной войны, нес с собой радость, смешанную не только с надеждой, но и с тревогами.

Завершившаяся бойня унесла более пятидесяти миллионов человеческих жизней. Погибли люди разных национальностей и возрастов. Повсюду зияли руины, бродили калеки, вздымались могильные холмы, валялась бесхозная военная техника. Подавляющее большинство людей, уцелевших в тех местах, где прокатились сражения, ютились в землянках, голодали.

За пределами нашей страны, на западе, там, куда дошла с боями победоносная Советская Армия, чаяния многих были связаны не с одним лишь сегодняшним днем.

По Восточной и Центральной Европе снова принялся бродить уже подзабытый «призрак коммунизма».

Осень 1945-го в бывшей Бессарабии, что раскинулась на южной окраине Советского Союза, выдалась на редкость теплой и ясной. Хорошая погода прибавляла людям бодрости и веры в будущее.

В разговорах то и дело вспоминалась закончившаяся год назад Яссо-Кишиневская военная операция, в результате которой территория Молдавии была освобождена от оккупантов.

Большая часть Кишинева еще лежала в развалинах. Тем не менее жители его с верой в лучшее встречали наступивший мир – восстанавливали жилье, убирали с полей хлеб и кукурузу, в садах собирали виноград, яблоки, сливу. В погребах бочки наполнялись свежим вином. В деревнях гнали самогон «цуйку».

Погожим осенним днем молодой офицер Борис Бренер привез в столицу Молдавской республики свою мать на постоянное жительство. Исколесив под палящим солнцем полгорода в поисках жилья, уставшие мать и сын едва передвигали ноги. Неожиданно Борис увидел человека, показавшегося ему знакомым. Тот вышел из ближайшего дома.

– По-моему, вот этот, с бородой, – шепнул матери Борис, – Мотя Петкер...

– Какой там Петкер! Его перед войной ночью вместе с другими арестовали и всех погрузили в товарные вагоны... – Мать небрежно махнула рукой, дескать, не говори ерунды. Потом тяжело вздохнув, сочувственно продолжала: – Тот Петкер, наверное, давно уже сгнил. Знаешь, куда их выслали? Страшно говорить...

Борис не ответил и ускорил шаг. Обогнав бородача, понял, что не ошибся.

– Господин Петкер? – по установившемуся в довоенном городе вежливому обычаю обратился Борис к замершему от неожиданности невысокому коренастому человеку с пышной бородой.

Тот изумленно уставился на стоящего перед ним военного, словно глазам не верил:

– У-ва, Бора? Офицер! Да еще с медалями! Ты ли это?

– Я, господин Петкер... – слегка улыбаясь, подтвердил Борис и указал на мать, стоящую за спиной у земляка. – А вот и моя мама. Узнаете?

– У-ва! – оживился Петкер. – Мадам Бренер?! Здесь теперь живете?

Разговорились. Оказалось, Петкер тоже ищет жилье. Но он вдруг принялся благодарить Бориса за хлеб, который тот привез им в памятный день высылки из Болграда:

– Ваш Бора просто, ну... золотое сердце! Представляете, когда вдоль всего эшелона стоят часовые с винтовками, он передает нам прямо в вагон чуть не целый мешок с буханками!

Борис смущенно смотрел в сторону и пытался сменить предмет разговора.

Матери, наоборот, добрые слова в адрес сына были приятны:

– А как же иначе? Жили столько лет в одном городе! Всякое бывает... А старое – что толку его вспоминать?! Главное, слава Б-гу, остались живы! Но вас, господин Петкер, из-за бороды совсем не узнать. И, как говорится, выглядите, невроко*, ничего себе.

– Э-э... – едва слышно протянул в ответ Петкер не без тоски и заметил:

– Вы правы, мадам Бренер. Вечно вспоминать, что и как было? Никакого толку! Но все-таки вспоминается. Особенно то, что было лет пять-шесть назад. Почему бы и нет? Представьте себе, даже при румынах! Пусть власть паршивенькая, пусть попадались антисемиты и кругом сновали хабарники, но все знали чувство меры. Что ни говорите, а была жизнь. Был у меня магазин, была торговля, были все-таки настоящие люди! Если дал человек слово, пообещал... Что за вопрос? Конечно, он его сдерживал. А сейчас? Ээ... Вы правы, мадам Бренер: главное – живы! И чтоб вы мне с Борой таки-да были здоровы!

– Семья, девочки, господин Петкер, тоже с вами? – осторожно осведомилась мать Бориса.

Петкер закивал головой, прикрыл глаза, причмокнул, потом провел рукой по бороде.

Видно, не хотелось ему касаться этой темы.

Борис все понял и быстро спросил о другом:

– А сами как поживаете, господин Петкер?

Петкер грустно усмехнулся и, оглянувшись по сторонам, тихонько промолвил:

– Я уже не Петкер... Да. Теперь я Попов. И, как вы понимаете, вовсе не «господин», а «товарищ»... Ничего не поделаешь: музыка звучит похоронная – выходит, танцевать вальс уже не приходится. Потому и фамилия у меня под стать музыке. А что оставалось? Ведь в июне сорок первого нас сослали на край света! Дальше уже не было ни людей, ни земли – одна вечная мерзлота.

«Попов» смолк и снова оглянулся. Убедившись, что никого поблизости нет, приподнял штанину и показал ногу с огромным, от колена почти до самой ступни, темным пятном.

Мать Бориса в ужасе затрясла головой, сморщилась, как от зубной боли, горестно заохала.

Несколько сочувственных слов произнес и Борис.

– От мороза. За пятьдесят там б

ывало! – пояснил бывший мануфактурщик. – Так что не удивляйтесь, что я Попов!

Он смолк. Неподалеку появился человек. Убедившись, что тот сворачивает в ближайший двор, «Попов» вновь заговорил:

– Но все-таки, как ни странно, мы благодарны Советской власти... Вы же понимаете, посадили нас в теплушки с раскаленными от солнца железными крышами – только от одной духоты уже можно было скончаться – и повезли к черту на рога, конечно, не думая о нашем спасении. Скорее, наоборот. Но мы ей все равно благодарны, Советской власти. Таки-да!

У Бренеров удивленно вытянулись лица.

«Товарищ» Попов оживился:

– Вы спросите, почему и за что? Как раз за то, что нас насильно вывезли из Болграда.

Если честно признаться, ни за какие деньги никто не решился бы уехать в эвакуацию, когда к городу уже приближался фронт!

Сдержанно размахивая руками и настороженно оглядываясь по сторонам, Петкер произносил каждое слово негромко, но четко.

– Теперь поняли? Если б нас не увезли, мы все безусловно разделили бы участь евреев, убитых в каменоломнях у села Табаки! Тех, что остались. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Хотя это еще то «счастье»...

Борис и его мать внимательно слушали подробный рассказ некогда весьма преуспевавшего человека о том, как ему с семьей довелось страдать в нечеловеческих условиях. И как чудом, не без помощи местных жителей, удалось выжить.

Бренеры понимали: человек хочет выговориться, облегчить память о тяжком времени, о пережитых бедах. Для него перемена жизни стала невероятным потрясением. Петкер ведь был личностью, известной не только в городе, но и в целом уезде. Он владел самым крупным мануфактурным магазином в округе; магазин помещался в добротном доме с яркой вывеской. Несколько приказчиков обслуживали покупателей из зажиточных окрестных сел.

Горожане давно уже привыкли к одной и той же церемонии. Утренняя тишина на улице нарушалась громким скрежетом поднимающихся с окон магазина гофрированных железных штор; через минуту дежуривший поблизости полицейский с белым аксельбантом, взяв под козырек,

почтительно приветствовал господина Петкера. Церемония совершалась в знак признательности полицейского за регулярно выплачиваемую ему мзду.

Встреча с Бренерами всколыхнула в новоявленном «Попове» воспоминания о былом, о времени, когда он что-то значил, когда своей смекалкой, практицизмом, что называется, «сделал себя сам». Впрочем, мысль его двигалась, не подчиняясь особой логике.

Ощувив себя тем, кем был некогда, и приблизившись почти вплотную к своим слушателям, Петкер доверительно сообщил им:

– Скажу больше: даже среди самых убежденных большевиков иногда встречаются вполне приличные люди. Это тоже тогда имело для нас значение! И, уверяю вас, немалое.

– Приятно слышать, что есть такие люди! – удовлетворенно заметила мать Бориса. – Я тоже в эвакуации встретила очень много хороших людей. Хотя была всего-навсего уборщицей... Правда, в республиканской прокуратуре! – не без гордости добавила она.

Петкер перебил ее:

– Вы говорите – приятно! Что за вопрос? Не будь их, разве могли мы все стать Поповыми? Холоймэс*! Это так же точно, как то, что сейчас ясный день, а не глубокая ночь! Ну а, скажем, как покинуть тот «солнечный край», да еще в нашем положении, когда, чтобы сюда добраться, требовалось почти шесть недель? Такое трудно себе даже вообразить... Это же не страна, а целый континент! Вы понимаете, куда нас загнали?

Бренеры слушали молча, старались не уточнять про «хороших людей» и вообще не задавали вопросов. Земляк, между тем, продолжал как заведенный:

– Конечно, еще там, в Болграде, с приходом Советов мы уже стали подозревать, с кем имеем дело. Но когда забрали магазин со всем товаром, поняли, чем все может кончиться. Да! А что было делать? Вшили кое-куда кое-какие «камушки». И даже некоторые «стеклышки»... Что вам сказать? От блеска глаза зажмуривались! Вы понимаете, что это означает? Так вот, с их помощью мы и сумели выбраться оттуда. А вы думаете, фамилию «Попов» мне за красивые глаза подарили? О чем вы говорите!

Мать Бориса перестала сокрушаться. Она явно имела в виду других «хороших людей». У Бориса на губах иногда мелькала снисходительная усмешка. Оба сообразили, что кое-какие «камушки» да «стеклышки» у Петкера могли завалиться еще и по сию пору.

Расставаясь, они обменялись рукопожатиями, пожелав другу удачи в поисках квартиры в Кишиневе. Позднее, разговаривая с матерью, Борис почему-то усомнился, что встретившийся им земляк действительно искал жилье.

– А знаешь, Боря, – засмеялась мать, – Петкер с такой пышной бородой в самом деле похож на попа.

– Он может и в настоящего попа превратиться, – отозвался Борис. – И меня это не удивит.

– Думаешь, он на такое способен?

– С бриллиантами, наверное, можно не только архиереем стать, но и раввином. Раввином ему даже проще!

Они посмеялись, пошутили, но все же и посочувствовали неслыханным мытарствам этого человека. Потом мать вдруг грустно сказала:

– Но, если призадуматься, то осуждать его, в общем, не за что... Кто знает, может быть, благодаря тем «камушкам» он, хоть и обмороженный, а выжил. И слава Б-гу! Правда, вначале я хотела спросить, не знает ли он о судьбе высланного с семьей священника Богача... Ты тогда говорил – они находились в одном вагоне. Но, как только Петкер заговорил о том, что у них было припрятано, я уже не стала интересоваться про Богача. И очень сожалею, Боря... Честное слово.

Борис подтвердил, что тоже иногда вспоминает Богача с добрым чувством и жалеет, что не смог тогда дать ему в вагоне побольше хлеба.

– По-моему, я рассказывал тебе, что он был с женой, двумя взрослыми сыновьями и необыкновенно красивой дочерью, гимназисткой лица Ее Величества королевы Марии. У нее была такая прекрасная осанка.

Борису не хотелось сознаваться, что девушка ему ужасно нравилась. Не признался он и в том, что, вспоминая о давних днях, часто корит себя за несообразительность. Не догадался занять денег, купить немного колбасы и передать несчастным в вагоне.

Эти угрызения совести имели свою причину.

...В один «прекрасный» день Бориса отчислили из лицея за неуплату. Для них с матерью случившееся было страшным ударом. От уехавшего на заработки отца Бренеры получили лишь два ничего хорошего не обещавших письма.

Некоторое время спустя кто-то кому-то якобы сказал, что более года назад отца похоронили в Кишиневе. Не хотелось верить в горькую весть, но время шло, и об уехавшем по-прежнему не было ни слуху ни духу. Смириться с неопределенностью семья не могла. Пытались что-то узнать о судьбе мужа и отца, но ничего не добились. Как это почти всегда случается, переживания постепенно уступили место повседневным заботам.

Борис с матерью перебивалась на деньги, получаемые от постоянно снимавших у них жилье двух-трех гимназистов из соседних поселков; родителям их тоже нелегко было расплачиваться в срок.

Нередко хлеб, а также керосин для лампы и примуса мать покупала у лавочника на «запиши» – в долг. К тому же она сама должна была платить хозяину дома за аренду двух комнатушек. Возможность заработать хотя бы чуть-чуть исключалась. Когда изредка требовалась ее подпись, она с трудом чертила буквы своей фамилии. Зачастую или две оказывались лишними, или одной не хватало...

В этой плачевной ситуации заплатить за семестр было нечем. Мать делилась с соседями:

– Что придумать, чтобы сына допустили к занятиям. Ума не приложу!

Не то кто-то из знакомых посоветовал, не то сама она от безысходности решила обратиться к священнику Феодосию Богачу, одному из влиятельных членов попечительского совета, на содержании которого и состояло учебное заведение. В честь румынского монарха оно носило громкое название: Мужской лицей короля Карла II.

Позднее мать Бориса частенько вспоминала:

– Как назло, в тот день лил сильный дождь. Улицу было не пройти, сверху, с горы во всю текли ручьи. Но я пошла в «Епитропию»*. Стоявший за дверью швейцар, видно, по случаю ужасной погоды сжалился и впустил меня в роскошное здание...

Спустя немного времени вышел в вестибюль батюшка Богач, и я рассказала ему о нашей горе, попросила помочь освободить сына от платы. Батюшка велел написать прошение. Что было ответить? Призналась, что не умею писать по-румынски. Говорили-то мы по-русски. Это же Бессарабия! А батюшка, наверное, понял истинную причину – что я вообще писать не умею. Сказал, что заседание попечительского совета состоится в начале будущего месяца.

Я, как могла, его поблагодарила. Он пообещал, что постарается уладить дело, спросил фамилию сына и в каком он классе. Выслушал ответ, попросил не волноваться. А швейцару велел, чтобы кучер отвез меня домой.

Я еще раз поблагодарила батюшку, но сослалась на то, что живем на Инзовской, дескать, недалеко. Так что не надо ему беспокоиться – дойду.

Он удержал меня за руку, улыбнулся:

– У вас была просьба ко мне. Теперь у меня просьба к вам. Кучер отвезет вас в фаэтоне: на улице проливной дождь. Послушайте меня и поезжайте.

Об этом случае на протяжении долгих лет мать Бориса вспоминала в разговорах с соседями:

– Ничего подобного в жизни не встречала! Такое разве можно забыть?

Тогда же, прибыв в фаэтоне домой, она подробно рассказывала Борису о встрече с Богачем, о его обещании помочь и лила радостные слезы.

Немного успокоившись, они стали рассуждать и о том, что еще можно предпринять, если вдруг священнику Богачу не удастся добиться положительного решения попечительского совета. Не всех ведь подавших прошение освобождали от платы за обучение. Одних удовлетворяли полностью, другим снижали сумму наполовину, третьим только на четверть, а кому-то и вовсе отказывали. Прощения подавали многие родители лицеистов.

Поразмыслив над различными вариантами, мать Бориса на всякий случай решила обратиться к хозяину мануфактурного магазина Петкеру, чтобы взял сына на работу.

Тот вежливо выслушал просьбу женщины, с которой в небольшом городишке не мог не быть знаком. Справедливости ради надо признать, что он весьма охотно согласился взять Бориса, но на первых порах – учеником. Это означало, что в обязанности мальчика в течение года входило следующее: помогать приказчикам приносить со склада рулоны тканей, иногда относить домой свертки покупателей, не брезговать подмести пол в магазине или вынести мусор, а в летнее время

иногда поливать водой тротуар перед входом и выполнять еще кое-какую подсобную работу. Что же до жалованья, то оно в период ученичества не полагалось.

Таковы были общепринятые правила. Но, поскольку Борис учился в лицее, то вместо года, отведенного на «обучение», хозяин ограничился шестью месяцами. А уж потом жалованье! Какое? В зависимости от расторопности, услужливости и, естественно, способностей будущего приказчика мануфактурного магазина. Что означало последнее? Не отпустить покупателя без покупки.

Мать вернулась домой в расстроенных чувствах. Борис выслушал ее и никак не реагировал. Накануне он ходил к лавочнику за пол-литровой бутылкой подсолнечного масла. Взял в долг. Вечером, когда вновь зашел разговор о магазине, он согласился принять условия Петкера.

Мать не возразила, однако сильно огорчилась. Было обидно за сына и почему-то стыдно.

– Ничего зорного в этой работе не вижу! – твердо объявил Борис. – Надо попробовать.

Наутро, когда окна магазина Моти Петкера были еще завешены шторами, Борис уже стоял и дожидался хозяина. С неделю осваивал «азы», привыкал быть учеником. Приказчики сразу отметили его старательность, безотказность, сообразительность. Констатировал это и Петкер. В начале второй недели он велел Борису передать матери, что с понедельника будет платить ему деньги. Борис улыбнулся: «Большое вам спасибо, хозяин!»

Придя вечером домой, Борис решил, что мать об этом уже знает. На губах у нее была улыбка, на глазах – слезы. Она радостно бросилась его обнимать. Однако дело оказалось в другом. Днем к Бренерам приходил его соученик по лицей и сообщил, что директор разрешил Борису с завтрашнего дня приступить к занятиям... Мать и сын так переволновались в тот вечер, что долго не могли уснуть.

Когда наутро Борис ушел в лицей, мать отправилась к господину Петкеру, объяснила причину отсутствия сына, просила прощения. Хозяин развел руками и, закатив глаза, тихо произнес:

– Э-э...

Что это означало – трудно сказать. Видимо, все же некоторое недовольство.

С тех пор минуло много лет. Время стремительно летело вперед, неся с собой бесчисленные перемены – для кого-то предсказуемые, для кого-то и нет.

Как же сложилась жизнь Бориса Бренера? Он окончил лицей, уехал в Бухарест, поступил в авиационное училище, но год спустя был отчислен, хотя носил румынскую фамилию. Вернулся в родной Болград. Потом была война. Борис прошел ее, как и миллионы его сверстников. Его выделили из общей массы, оценили бесспорные способности и предложили особую профессию, особый жизненный путь, о котором полагалось умалчивать; успехи на этом пути становились достоянием лишь узкого круга специалистов.

Дело, которым занимался Борис, было ему интересно и даже как бы возвышало его в собственных глазах. Задания он выполнял добросовестно, не уваливая ни от каких трудностей; порой даже рисковал жизнью.

Вопреки жестким обстоятельствам, связанным с работой, Борис не растерял добрых человеческих качеств, дарованных ему природой. Что помогало смотреть на людей объективно, без предвзятости и недоверия. Вообще понимать и принимать людей, не похожих на тебя, имеющих иной образ мыслей, – немалое достоинство. В какой-то мере Борис им обладал.

Преданность делу оставалась для него незыблемой. Но природная доброта позволяла снисходительно относиться к Петкеру – человеку иных понятий и принципов.

Что касается желания вырваться за пределы утвердившихся в сознании стереотипов, то это, как показывает жизнь, удается далеко не всем. Впрочем, так оно, возможно, и спокойнее для человека. По принципу: меньше знаешь – лучше спишь. Бренер был осведомлен не хуже других, однако считал, что обязан выполнять задания независимо от того, будет ли спать вообще...

Ранней весной сорок шестого Борис отбыл из Москвы в служебную командировку. В Бухарест. Впрочем, точнее было бы сказать, что он туда вернулся. В Бухаресте осталось много знакомых, хоть и не очень близких. Среди них были даже именитые. Словом, самые разные... Могли пригодиться.

Как-то перед вечером Борис шел по главной улице, по Каля Викторией. Он бывал здесь и прежде, до войны. Местные жители издавна и не без гордости называли свою столицу «маленьким Парижем». Бухарест был, конечно, не Париж, но свои достоинства безусловно имел. Приезжавшие сюда провинциалы сравнение с Парижем принимали, хотя никогда во Франции не бывали.

Бухарест и в самом деле чем-то напоминал французскую столицу: историческими памятниками, изящными зданиями, но прежде всего кипением жизни на улицах. Особенно в предвечерние часы, когда появлялись мальчишки со «специальными» выпусками газет, с «сенсационными» сообщениями на единственном листке. Сорванцы во весь голос выкрикивали «потрясающие» заголовки, которые не всегда соответствовали содержанию. Но это их не заботило. Главное – создать ажиотаж и привлечь покупателей. Кричащие мальчишки с газетами в руках были той деталью, которая органично вписывалась в общую картину жизни румынской столицы, в ее ритм.

Но было и другое, оно не забывалось: во второй мировой войне Румыния участвовала на стороне нацистской Германии и лишь на последнем этапе вынуждена была разорвать союз с гитлеровской коалицией.

При отступлении войск вермахта Бухарест подвергся налету бомбардировщиков, следствием чего были немалые разрушения. Но все же румынская столица оставалась привлекательным, в меру шумным, гостеприимным, обладавшим собственным неповторимым колоритом городом.

Еще издали Борис приметил на тротуаре перед отелем «Гранд» группу элегантных и оживленно беседовавших мужчин. «Вероятно, – подумал он, – дельцы: маклеры или коммивояжеры. Во всяком случае, состоятельные люди».

Одетый скромно, но вполне современно и даже модно, Борис Бренер счел не лишним прогуляться по улицам деловой части Бухареста. И по правой стороне двинулся к мосту через Дымбовицу, почему и оказался около «Гранда». Но перед ярко освещенным входом в отель он неожиданно увидел знакомого. Увидел в момент, когда тот повернулся к нему лицом. Встреча эта не входила в намерения Бориса, но отворачиваться было поздно. Попытка скрыться могла быть расценена невыгодным для Бориса образом, а этого в его положении нельзя было допустить. Потому он неторопливо и спокойно, ни на кого не глядя, продолжал идти. Однако через мгновение от группы беседовавших отделился человек, нежно взял его под руку и, заглянув в лицо, с искренней радостью воскликнул:

– У-ва, Бора?!

Опознанному оставалось только выразить искреннее расположение к знакомцу:

– Товарищ Попов!.. Очень рад!

Тот рассмеялся, да так громко, что несколько прохожих повернули головы в их сторону. «Попов» находился в прекрасном расположении духа. Прижимая плотнее к своему боку руку Бориса и поубавив громкости, но все же со смехом, он проговорил:

– Во-первых, я снова Петкер!.. Почему бы и нет? А во-вторых? – Он хмыкнул, призадумался, потом неуверенно добавил: – Я опять коммерсант! А что? Земля, как кто-то сказал, таки-да вертится!

Петкер никак не походил на того помятого, заросшего седой бородой, ссутулившегося «товарища Попова», которого Борис встретил в полуразрушенном Кишиневе.

Чисто выбритый, благоухающий отнюдь не местным одеколоном, в добротном демисезонном пальто, из-под которого выглядывали воротничок белоснежной сорочки и аккуратно завязанный, явно дорогой галстук, в роскошной, мышиноного цвета велюровой шляпе со слегка загнутыми вверх полями, он мог вполне сойти за преуспевающего предпринимателя, каким, очевидно, в настоящий момент и являлся.

Петкер не переставал радоваться встрече:

– Но ты молодец, Бора, что приехал! Если б ты знал, как я счастлив тебя здесь видеть! Веришь мне?

Борису оставалось только без конца повторять:

– Спасибо. Мне тоже приятно видеть вас...

– С мамой, конечно, приехал?

– Пока один.

– Понимаю. Хочешь сначала присмотреться, а потом и ее сюда. Умница! Ой, какой же ты все-таки молодчина, Бора-а!

Продолжая улыбаться до ушей, Петкер рассказал, как добрые знакомые, влиятельные коммерсанты, помогли ему добиться того, что банк «Националь» признал его своим вкладчиком: документов-то на прежнюю фамилию у него не было. Благодаря этому был признан действительным и его «конт-чек», а это как-никак подтверждает наличие денежного вклада! Самое важное условие дальнейшей коммерческой деятельности.

– Ты понимаешь, Бора, что это означает? – сияя говорил Петкер, словно речь шла о чем-то большем, чем, например, кислород, без которого немислима жизнь.

Борис слушал и думал, что все, о чем с таким восторгом толкует бывший хозяин, – это, в конечном итоге, результат гибели десятков миллионов советских воинов, победивших гитлеровскую Германию и ту же Румынию, куда Мотя Петкер смог теперь прикатить вместе с семьей. И, судя по его же рассказу, он теперь обладает возможностью не только восстановить, но даже понемногу наращивать свой капитал!

Борис отдавал должное поразительному умению Петкера приспособливаться к самым разным обстоятельствам. Но испытывал и чувство благодарности. Благодарности к этому недалекому и в чем-то наивному человеку. Он не забыл, как тот когда-то взял его на работу и даже предложил жалованье прежде окончания срока «учебы». В общем, он сочувствовал Петкеру и его близким.

Но жизненным установкам старого знакомого никак не соответствовали жизненные принципы самого Бориса, человека с совершенно другим воспитанием и мировоззрением.

Уловив довольно равнодушную реакцию земляка на его откровения, Петкер спохватился:

– Наверное, я тебя задерживаю! Ты куда-то спешишь? Я просто ужасно рад видеть тебя, Бора, дорогой! Почти каждый вечер меня можно найти у отеля «Гранд». Приходи, есть о чем поговорить. Мне нужны умные и честные люди. У меня фабрика! – Он самодовольно расхохотался. – Правда, пока небольшая.

Расставаясь, Мотя Петкер обнял Бориса, как своего, если не сказать – родного, человека. Не мог удержаться и снова повторил радостно:

– А ты все-таки молодчина, что приехал! Слышишь?

Бренер ушел несколько расстроенный. В его положении встреча с Петкером явно была лишней. Для неожиданных свиданий подобного рода он еще не выработал ни верный тон беседы, ни стиль поведения. А следовало, конечно. Надо было заранее подумать и об убедительных причинах своего пребывания в чужой стране, таких, что не вызовут подозрений. Румыния – не Молдавия и Бухарест – не Кишинев. Стоило и это иметь в виду. Стоило также предусмотреть на всякий случай абсолютно правдоподобную версию. Во избежание серьезного прокола...

Со дня встречи у отеля «Гранд» прошло всего несколько дней. И вдруг на узкой улочке Липскань, привлекавшей прохожих сверкающими витринами богатых магазинов и всегда запруженной деловито снующими людьми, в явном возбуждении к Борису снова бросился Петкер. Тот сразу увидел, что лицо у земляка озабоченное. Схватив Бориса под руку, Петкер отвел его в сторону, чтоб никому не мешать, и, захлебываясь от нетерпения, спросил:

– Ты можешь сказать, что тебя заставило приехать?

Борис удивленно посмотрел на него и вместо ответа спросил:

– А что случилось? Вижу, вы чем-то расстроены? Чем же?

– Что значит, что случилось и чем расстроен? Пришел я в тот вечер домой и радостно рассказываю о нашей встрече, а моя жена Моля – ты ее помнишь – говорит: «Тут что-то не так. Подумай сам: чего ему там не хватало? Просто так тащиться сюда? Не поверю...» Я подумал хорошенько и пришел к выводу, что она права. В самом деле, у тебя же там было всё! Правильно я говорю? Потому и спрашиваю, зачем ты тут?

Борис засмеялся:

– Надо было, вот и приехал. Один я такой, что ли? Вас я тоже могу спросить: «Зачем вы тут?»

– Между нами большая разница: ты с медалями за войну, а я бывший ссыльный, хотя никогда не был врагом народа, как некоторые. Потому еще раз и спрашиваю, что заставило тебя сюда приехать?

– Работа.

– Как это понять?

– Очень просто, – спокойно, с легкой улыбкой ответил Борис. – Работаю по линии научных связей. Вам это не интересно, понимаю.

Лицо Петкера вытянулось не столько от удивления, сколько от уважения к деятельности, которой, оказывается, занимается бывший ученик, работавший в его бывшем магазине.

– Значит, ты здесь по службе? Так сказать, в командировке?

– Да. Можно считать, в командировке.

– Выходит, ты приехал не так, как мы с женой и детьми? Правильно я понял?

– Откуда я знаю, как вы приехали? – словно не придавая серьезного значения разговору, Борис опять рассмеялся от души: – Что касается меня, я ответил. А вы считайте, как хотите. Мне все равно. Абсолютно!

Петкер поджал губы, задумался было, но почти сразу же грустно закачал головой из стороны в сторону:

– Получается, моя Моля таки-да права! – изрек он с откровенным сожалением. – А я, идиот, увидев тебя у отеля «Гранд», решил, что ты уехал оттуда, как многие...

Борис взял бывшего хозяина под руку и пытался успокоить, объясняя, что они земляки, знакомы много лет, и каждый должен быть рад, что у другого в жизни все ладится. Конечно, люди разные. Всякий выбирает свой путь. Общего мерила, наверное, не существует. Ничего тут не поделаешь...

Петкер не дал Борису договорить:

– О чем ты, Бора? – Он уже жаждал кончить затеянный разговор. – Безусловно, ты прав! Просто я почему-то подумал, что ты убежал, как очень многие. А очень многие стараются убежать всеми правдами и неправдами. Вот и все!

«Маленьким» Парижем Бухарест называют еще и потому, что он далеко не так велик, как французская столица. Увидеть здесь знакомого – не такая уж редкость, особенно, если живешь в центре. По этой причине Борису не удавалось избегать встреч с Петкером, хотя он к ним совсем не стремился. Тот же, наоборот, всякий раз радовался их свиданиям. Сообщал о планах: собираюсь, мол, расширить ассортимент изделий, выпускаемых фабрикой, и даже намерен пристроить галантерейный цех...

Борису между тем всякий раз казалось, что, делясь с ним своими планами, Петкер ждет его реакции. Видимо, каким-то шестым чувством этот удачливый коммерсант ощущал, что с каждым днем в стране становится все более «шатко». У него в словах иной раз проскальзывало удивление по поводу политической нестабильности, царившей в Бухаресте.

Петкера можно было понять. Людей сбили с толку обещания правителей, собрания и митинги оппозиции. Не проходило дня без демонстраций, забастовок, столкновений.

Как-то по улице мимо площади Святого Георгия тянулась очередная колонна с транспарантами. Демонстранты выкрикивали: «Король и армия – едины!» Их противники, двигавшиеся параллельно, скандировали «Народ и армия – вместе». Понять разницу было не просто, но это не помешало обеим колоннам вступить в драку, закончившуюся появлением машин «скорой помощи».

На тротуаре среди зевак стоял, наблюдая за столкновением, Борис Бренер. На него и набрел в очередной раз Мотя Петкер. Обрадовавшись встрече, он с ходу увел Бориса за угол какого-то магазина и возмущенно спросил:

– Видел, что творится?

Борис отвечал уклончиво и неохотно:

– Люди в растерянности. Вот и нервничают...

– Согласен. Но чем все это может кончиться? – не отставал Петкер. – Ты можешь сказать?!

– Вы спрашиваете так, будто мне под силу разобраться в этом кавардаке.

Петкер закатил глаза:

– Ты мне не заговаривай зубы, Бора. По-моему, ты разбираешься в том, что происходит, не только лучше меня, но и лучше многих других.

Борис хитро прищурил глаза:

– Даже лучше вашей супруги Моли?

– Представь себе, что да! Но почему-то не хочешь со мной поделиться...

– Но как я могу говорить о том, чего не знаю! – усмехнулся Борис. – Вводить в заблуждение?

– Погоди, – прервал его Петкер. – В прошлый раз, кажется, ты сказал, что живешь где-то недалеко от площади Филантропии?

Борис кивнул.

– И, как я понял, вроде бы снимаешь у кого-то комнатку. Правильно я понял, что не квартиру, а именно комнатку?

Борис подтвердил, затем спросил:

– А вы думали, у меня особняк?

Петкер сделал гримасу:

– Не беспокойся, мне все это знакомо – экономия, коллектив, скромность и всякая там чепуха, которой я сыт по горло... Пусть не особняк, не шик и блеск, но все-таки должна же быть у человека квартира. Тем более, что ты занимаешься научными делами!

Борис дал понять Петкеру, что у него вполне приличное жилье и что сам он покамест обыкновенный служащий.

Петкер, сделав для себя кое-какие выводы о положении Бориса Бренера, извинился, что полез не в свои дела, и сразу вернулся к прежней теме.

– Так вот что я хотел сказать: если ты все-таки уважаешь меня, то, пожалуйста, ответь на мой вопрос. Парень ты, слава Б-гу, неглупый и наверняка отдаешь себе отчет в том, что ждет страну. Конечно, прежде всего нас. Ты меня понимаешь?

– Вас я уважаю, вы знаете. – Борис старался говорить как можно убедительнее. – Если над чем-то я и задумываюсь иногда, то над вопросами, которые вам вряд ли будут интересны. У каждого голова болит по-своему.

Петкер сморщил лицо, на мгновение отвернулся. Затем снова устремил взгляд на Бориса:

– Возможно, ты таки-да, прав. У каждого свои интересы и своя головная боль. Хорошо. Тогда ответь, почему король молчит? Он что – ослеп и оглох? Ни звука... Как будто воды в рот набрал!

– Понятия не имею, почему молчит Его величество. Наверное, потому, что нечего сказать. Кругом до черта партий, и каждая тянет одеяло на себя.

– Согласен, кругом бордель. Но у меня фабрика. Ты, пожалуйста, вдумайся хорошенько. Она, конечно, не печатает деньги, но это фабрика. Пока небольшая. Я тебе говорил, что собираюсь ее расширить. Стоит мне вкладывать в нее средства или лучше обождать?

Борис помолчал. И советовать не хотелось, и отговориться было бы нечестно. Он взглянул Петкеру в глаза и негромко вымолвил:

– Думаю, лучше повременить.

– Вот это уже другой разговор! В таком случае ответь на последний вопрос. Если предположить, что король наконец-то скажет свое веское слово, – к нему прислушаются?

– Сомневаюсь... Но, может быть, я неправ.

Вторую фразу Петкер пропустил мимо ушей.

– Ты хочешь сказать, что не-ет?! Я правильно тебя понял?

– Наверное, правильно.

– Даже если он, как говорится, стукнет кулаком по столу?

Борису надоело уворачиваться, разводиться дипломатией; эмоции на какой-то миг взяли верх над трезвым расчетом:

– Как бы ни разворачивались события, все равно ему скоро придется целовать кое-кого в одно место...

– У-ва-а! – схватив парня за руку, в испуге взревел Петкер.

– Королю?!

– Да, ему.

– У-ва! – вновь вскрикнул Петкер, но, опомнившись, тотчас приложил ладонь к губам и тихо спросил: – Неужели такое может быть?

– Может.

Ошеломленный Петкер в ужасе закачал головой, будто стоял у Стены плача в Иерусалиме и молился.

Потом до Бориса донесся шепот:

– Что делается на этом свете, ай-яй-яй!.. Ты знаешь, что такое Советский Союз? Это же целая планета с морями, океанами, тундрами, тайгами, северными полюсами и еще черт знает чем... А ему еще Румыния нужна... Кошмар! Чтоб он околел... – Тут Петкер опять завопил: – Это же просто ужас! Хоть кричи «караул»!

Борис не сразу понял, о ком идет речь. Однако, уловив, резко одернул фабриканта.

– Прошу вас, господин Петкер, без намеков... Чтоб это было в последний раз! – отчеканил он с металлом в голосе. – И давайте на этом закончим... Хватит!

Петкер сник, покраснел, вцепился Бренеру в рукав, боясь, что тот уйдет. Подавленно кивая, сказал:

– Теперь я понял, почему у тебя столько медалей... Не обижайся, Бора, но тот, о котором ты не хочешь, чтобы я упоминал, хорошо сидит у каждого из нас в печенках... Лучше скажи, как в таком случае быть с фабрикой? Кончат с ней или как?

Желая завершить неприятный разговор, Борис раздраженно бросил:

– Чем раньше кончите, тем будет для вас спокойнее и здоровее. В остальном, как говорится, дело хозяйское.

– У-ва! – воскликнул Петкер в ужасе и побелел как снег. – Неужели так страшно обстоят здесь дела?

Борис искренне хотел, чтобы до бывшего хозяина, и без того изрядно настрадавшегося, дошло, что его ожидает, если он не учтет создавшееся в стране положение. Но все-таки постарался немного успокоить его:

– Как обстоят дела тут – не знаю. Вы меня спросили, я ответил. Вот так! Но потом ему стало совестно за свои слова, и он добавил:

– Между прочим, советую поступить, как было сказано, и побыстрее, пока еще не совсем поздно... И больше об этом не будем.

Мотя Петкер, точно онемев, молча кивнул. Сжал локоть Бориса в знак благодарности и поспешно зашагал прочь. Но почти тут же, видимо, опомнившись, что идет не туда, ринулся обратно. Они разошлись, точно два встречных железнодорожных состава: скорый и порожняк. Без гудков. В разные стороны.

Как поступил Петкер после их невеселого разговора, Борис понятия не имел. Некогда было ему вспоминать о нем, да и желания особого знать, как земляк решил проблему со своим бизнесом, не имелось.

Но время шло, дел хватало, события накатывались одно за другим – и хорошие, и скверные, и порой до крайности бессмысленные. На Родине громко осуждалось «преклонение перед Западом», втихаря говорили о грядущей депортации лиц с «неудачной» пятой графой в анкете и еще о многом ином, унижительном, позорном, оскорблявшем достоинство истинных патриотов.

И все это на фоне грандиозных успехов в народном хозяйстве, отмены карточной системы в стране, регулярных снижений цен на продукты и ширпотреб, восстановления всего, что в невероятных количествах разрушила война. Да только ли это?!

Советские армии все еще оставались почти во всех освобожденных ими европейских государствах. Большая часть населения этих стран была благодарна за избавление от нацистского насилия и поначалу с энтузиазмом принимала создаваемый новый режим. Были, конечно, и несогласные. Вступали в спор, доказывали, будто вновь оказались в неволе. Вроде бы «хрен редьки не слаще»...

Мир раскалывался.

Как только Борис Бренер оказывался в незнакомом зарубежном городе, он, по установившейся привычке, старался чаще бывать в самых оживленных кварталах. Обожал маленькие кафе, крохотные лавчонки, подолгу рассматривал витрины крупных магазинов. На трамваях и автобусах он объезжал также и окраины; по ходу ознакомления с местными достопримечательностями хорошенько запоминал переулки, проходные двory, неожиданно выведившие то на улицу, то на бульвар.

При этом особое предпочтение он отдавал запруженным людьми базарам, не прочь был, кроме всего прочего, потолкаться на барахолках, которые в странах, освобожденных от недавней германской оккупации, возникали, точно грибы после дождя.

В Польше мест, где шла торговля, было не счесть. Исходив вдоль и поперек одну из варшавских «ярмарок» и будучи не в восторге от увиденного, Борис побрел по улочкам мимо разрушенных домов с выбитыми стеклами и брел так, пока не добрался до знаменитой в польской столице площади Старе-Място.

Он стоял, устремив взгляд на обломки красивейшего архитектурного творения многовековой давности, и не заметил остановившегося за его спиной человека. Однако тот, понаблюдав за ним минуту-другую, незаметно обошел его с другой стороны, и тогда Борис услышал знакомый голос:

– У-ва, таки Бора!

Видно, подобные совпадения происходят в жизни даже чаще, чем в книгах и фильмах. Старые знакомые обменялись рукопожатием, при этом Борис сразу отметил сумрачное выражение лица своего земляка и поинтересовался:

– Сюда перебрались?

– Да, – неохотно ответил Петкер. – А ты к нам надолго?

– Трудно сказать, – неопределенно ответил Борис. – А что?

– Может, тебя это не интересует, – угрюмо произнес Петкер, – но сразу скажу: поляки не румыны!

– Вполне возможно, – с некоторым безразличием в голосе ответил Борис. – Во время войны мне довелось немало пошагать по этим местам. Правда, с иной целью. – Он грустно усмехнулся. – А вы, господин Петкер, как поживаете?

Петкер замялся. К исповеди, очевидно, не был расположен, но все же дал понять, что понемногу приспособляется к не совсем еще знакомой польской специфике, что с большим трудом удалось найти подходящую для семьи квартиру, что уже наметились кое-какие обнадеживающие дела.

Борис слушал и сочувственно кивал.

– Ну, а что евреев здесь много, – вдруг объявил Петкер, – так ты, наверное, знаешь это лучше моего...

Борис никак не откликнулся на

его слова. Он ждал, что еще скажет бывший хозяин.

Петкер, несмотря на замкнутость Бориса, вероятно, все-таки надеялся и на сей раз получить от земляка дельный совет. Несколько туманно он

изрек:

– С одной стороны, это хорошо, с другой – не очень.

– Почему не очень? – спросил Борис: – Антисемитов много?

– Э-э... – как обычно в таких случаях неопределенно протянул Петкер. – Наши тоже хороши. Это же польские! В Бессарабии их называли «литваками». Нахальноватые, резковатые и очень себе на уме. Никакого сравнения с румынскими и тем более с советскими, кажется, уже до смерти запуганными. Отсюда все беды.

Борис заметил, что впервые такое слышит. Петкер посмотрел на него искоса и, махнув рукой, издал свое привычное «Э-э...»

– Не понял, – попытался изобразить неосведомленность Борис. – Они есть или их нет? Я про антисемитов...

– А где их нет? – парировал Петкер. – Только на севере, где я жил в ссылке, все были одной национальности. Единственное преимущество!..

Борис многозначительно усмехнулся:

– Стало быть, и о чем-то хорошем можно вспомнить?

– Спрашивай у больного здоровья! – обиженно отозвался Петкер и, как когда-то, приподнял штанину: мелькнуло пятно. – Такое хорошее я только своим врагам пожелаю.

Борис понимающе вздохнул, хотел было что-то сказать, но Петкер его прервал:

– Скажи лучше, чего тебя из Румынии сюда понесло?

Бориса задел тон, каким был задан вопрос. Он бросил недовольный взгляд на бывшего хозяина и ничего не ответил. Петкер, видимо, понял, что совершил бестактность.

– Не обижайся, Бора. Не хочу, чтобы ты побывал в моей шкуре. Но хотя бы пойми мое положение, ту «счастливую» жизнь, которой мне и семье довелось жить все эти годы! А за что? Никого не обворовал, никого не обманул, никому ничего не задолжал. Просто потому, что был у меня магазин! А что касается денег... Конечно, хорошо, если они имеются. Но с неба ведь не падают. Мозги иногда так сохнут, что жить становится тошно! С ними тоже не всегда сладко, иной раз мечешься, будто загнанный зверь. Но здесь! Здесь, Бора, другое. Слышишь?

Борис сочувственно кивнул.

– Могу тебя заверить, – горячо продолжал Петкер, – «отцу народов» не удастся согнуть здешних людей в бараний рог! Как, скажем, там, где мы с тобой виделись в последний раз. Главное, тут меньше лживых политиков и больше твердых пилсудчиков. Ты, наверное, слышал, кто это?

– Слышал, – равнодушно ответил Борис. – Последователи диктатора Юзефа Пилсудского. И что?

– Хочешь сказать, что они ничего собой не представляют? – въедливо допытывался Петкер.

– Нет, – пожав плечами, спокойно ответил Борис. – Этого не хочу сказать.

– Ну, а что в Лондоне, говорят, есть какое-то польское правительство Миколайчика, которое не даст стране пойти по румынскому пути, ты слышал? – не дожидаясь того, что Борис скажет дальше, продолжал Петкер. – Это же обнадеживает! Понимаешь, что я имею в виду?

– Ясно. Но вы снова о том, чего вообще не хотелось бы касаться. К тому же о многом из вами сказанного я понятия не имею. Поймите это, пожалуйста, господин Петкер!

Тот закивал головой, дескать, все понимает, однако продолжал в том же духе, вываливая на Бориса все свои сомнения, предположения. Все известные ему слухи. Наконец в упор спросил:

– Теперь скажи: я прав или ошибаюсь?

– Конечно, в чем-то правы. Но есть нюансы...

Петкер не дал Бренеру договорить:

– О, уже спасибо! А в чем я не прав? Мне это важнее. Слышишь, Бора?

Борис объяснил: всякий человек может ошибаться, он и сам тут не исключение. Вскользь заметил, что в подобных сложных случаях, дабы не ошибиться, следует внимательно изучать ситуацию в целом и стараться определить, чем она может обернуться. Чего от ситуации можно ждать.

– Прежде всего, – уточнил Борис, – благоприятствует она вашим интересам или угрожает.

– О! Кое-что проясняется, – радостно вскинулся Петкер. – Спасибо! Есть над чем поразмыслить. Но я бы хотел все-таки знать, что ты подумал, увидев меня в Варшаве?

– А что вы хотели бы услышать? – Борис ответил вопросом на вопрос, словно представления не имел, чем интересуется земляк. – Между прочим, хочу заметить, что вы преувеличиваете мои ясновидческие способности, господин Петкер! Честно говорю вам.

Тот и вовсе обрадовался:

– Тогда и я тоже честно скажу: само твое появление здесь сразу меня насторожило. Сердце остановилось! Не подумай, что я не рад видеть тебя. Совсем наоборот, Бора, дорогой! Но для меня оно было, как бы тебе сказать, серьезным предупреждением. Ты сам сейчас обмолвился, что надо анализировать обстановку. Предвидеть будущее! Правильно я понял твои слова?

– Не совсем, но в целом мысль верна, – ответил Борис. – Однако я еще сказал, что мне, как и многим другим, свойственно порой ошибаться. Это тоже необходимо учитывать.

Петкер жестом остановил Бориса:

– В вопросе, который меня волнует, ты пока не ошибся, слава Б-гу! И я хочу, чтобы ты знал, как я благодарен тебе за тот совет, который ты дал мне в Бухаресте. Помнишь? Я тогда моментально призадумался, когда услышал твой намек – насчет того, что «скоро может быть поздно»! Это же было просто гениальное предвидение! Там вскоре действительно началась сплошная национализация собственности. Грабеж среди бела дня! Хоть кричи: «Гвалт! – Режут!» Ну а то, как ты еще сказал, что всемогущий король, с мнением которого даже бандит Гитлер считался, будет скоро целовать одно место у дорвавшихся до власти грабителей... Это же надо, чтобы все так сбылось!

Борис остановил не в меру разболтавшегося земляка:

– Насчет меня вы сильно перебрали. Преувеличения же – это всегда искажение истины. К чему ворошить прошлое? Какой смысл?

– Наверное, ты все-таки прав, Бора! Черт с ними. Я о другом прошу – посоветуй, как мне быть. Здесь!

– Не будем сейчас! – отрезал Борис. – Я и так очень задержался.

– Одну минуту! – не унимался Петкер. – У тебя проскользнула мысль насчет того, как я понял, что закройщик костюмов для румын заготовил крой и для поляков. Я прав?

Борис, поняв, куда клонит собеседник, вскипел:

– Какой еще закройщик? О каком костюме вы говорите, господин Петкер? Вы, понятно, мануфактурщик и разбираетесь не только в сукнах, но и в портняжных делах. Я же далек от всего этого! Вот, если бы тогда довелось мне с годик поработать у вас в магазине, я, естественно, поднаторел бы и в швейном ремесле.

– Не морочь голову! Ты меня прекрасно понял. Я вовсе не имею в виду портняжек. Закройщиков! Пожалуйста, не делай из меня идиота. Сам знаю, что я такое. Да, да! А он пусть все-таки наконец околеет.

Борис нахмурился, взглянул на часы и с досадой сказал, что должен был бы уже находиться на другом конце Варшавы.

Петкер настойчиво просил о новой встрече, хотел дать свой адрес, номер телефона. Борис сунул ему руку и ушел. Перед тем как свернуть за угол, он оглянулся: Петкер все еще неподвижно стоял, не спуская с него глаз. Казалось, он не в состоянии был сдвинуться с места. Борису стало его жаль, и он приветливо ему помахал. В ответ Петкер вскинул обе руки и, потрясая ими, задрал голову

к небу, будто возносил молитву Всевышнему. На мгновение Борис невольно ощутил себя в его шкуре.

После того как мир окончательно раскололся, наступила своеобразная стабилизация, чему в немалой степени способствовало обладание ядерным оружием каждой из сторон.

Взоры уцелевших и чудовищно пострадавших европейских евреев устремились на Ближний Восток. Если прежде обещаниями молочных рек с кисельными берегами их лишь с трудом удавалось завлечь на далекую и таинственную землю обетованную, то теперь огромное количество представителей «б-гоизбранного народа» пытались любыми путями добраться до небольшого клочка палестинской земли. На протяжении веков евреи и арабы жили там более или менее мирно. Очень редко вспыхивавшие стычки, как правило, не носили ни массового, ни жестокого характера. И те, и другие находили компромиссные решения.

С окончанием второй мировой войны значительная часть эмигрантов, законно и незаконно прибывших в Эрец-Исраэль, старалась во имя будущего преодолеть суровые жизненные условия: бытовую неустроенность, трудности, связанные с освоением древнего, как мир, чужого языка и (особенно для европейцев) неприемлемый религиозный уклад.

Из-за все увеличивавшегося притока людей не хватало жилья. Постепенно, разумеется, стали возникать новые поселения с добротными современными домами, но их тоже катастрофически недоставало...

Англичане, осуществлявшие контроль над подмандатной Британии территорией Палестины, принимали жесткие меры против переселения туда евреев. Но ничто уже не могло остановить широкий поток эмигрантов из разных стран.

Серьезное сопротивление оказали англичанам военизированные еврейские группировки, входившие в уже прославившуюся дерзкими выступлениями подпольную армию «Хагана». «Хагана» взяла под защиту евреев, прибывавших вопреки требованиям Верховного комиссариата приостановить репатриацию. Люди приезжали нелегально, несмотря на санкции с применением оружия.

В ответ на эти санкции последовали весьма ощутимые авианалеты и наземные удары; их наносили англичанам экстремисты, вышедшие из подчинения той же «Хаганы». Это были тайные формирования под общим названием «Иргун». Во главе стояли оголтелый террорист Авраам Штерн и отколовшиеся от него члены группы «Лехи». И те и другие грабили банки с целью финансирования своих отрядов, убивали полицейских, убивали и единоверцев («стукачей»), офицеров и чиновников Комиссариата. Назревала братоубийственная схватка. Чтобы как-то утихомирить население, Штерн был уничтожен. Якобы по наводке самой «Хаганы».

Летним субботним днем 1946 года Британский комиссариат провел широкомасштабную акцию, которую еврейское население назвало «Черной Субботой». На улицах некоторых городов появились танки и бронемшины, закрылись аэропорты, повсюду был установлен комендантский час, арестованы сотни людей...

В Каире специально прибывшими двумя членами «Лехи» был убит министр кабинета Черчилля лорд Мойн. Позже последовала серия диверсий на железной дороге, были пущены ко дну суда британской береговой охраны. Спустя еще некоторое время объединившиеся с «Хаганой» экстремистские в недавнем прошлом группы провели совместную антибританскую акцию: в Иерусалиме взлетела на воздух часть фешенебельного пятиэтажного отеля «Царь Давид». При этом погибли около ста высокопоставленных чиновников английской администрации...

В это предельно напряженное время, когда на земле обетованной нарастало серьезное противостояние, под покровом ночной темноты в порту Хайфы пришвартовался пароход «Трансильвания».

Едва пассажиры покинули судно, молчаливые крепкие парни принялись спешно выносить из трюмов груз, заявленный как «Лекарства, медицинское оборудование». На самом деле в Хайфу прибыли сотни ящиков с гранатами, винтовками, автоматами (плюс полный комплект боеприпасов) и полсотни ручных пулеметов, помеченные у затвора заводской маркой «ZB», что расшифровывалось как «Збруино Брно». И не только. Вскоре очередным рейсом приплыли два с лишним десятка трофейных немецких «Мессершмитов»...

Вряд ли Чехословакия без согласия СССР рискнула бы пойти на такой шаг. Правда, в банковском контракте покупателем числилась Абиссиния. Однако для поставщика не было секретом ни содержимое, ни то, что «товар» адресован еврейскому центру Палестины.

Помощь, оказанную в столь критическое время, высоко оценила лидер главной профсоюзной организации евреев Палестины Голда Меирсон, ставшая позднее политиком с мировой известностью и премьер-министром государства Израиль (под фамилией Меир).

В своих мемуарах Голда Меир с признательностью отмечала: «Если бы не помощь, оказанная по договоренности с Чехословакией, нам бы тогда не выстоять...»

Необходимо добавить, что именно Советский Союз первым в мире в том далеком 1948 году признал государство Израиль – в отличие от США и Великобритании. Признал не только де-факто, но и де-юре! Это многого стоило... Что бы ни говорили о мотивах советской политики того времени, объективно признание возникшего в Палестине государства было чрезвычайно важным политическим фактором для страны и народа. Ведь совсем недавно нацистская Германия, оккупировав почти все страны Европы, вторглась в Африку и на Ближний Восток. Повсюду шло тотальное истребление евреев. Цифра уничтоженных достигла в итоге почти шести миллионов! Уничтожение Палестины тоже входило в планы Адольфа Гитлера, громогласно заявившего: «Только один иудей должен остаться на земле, но лишь как экспонат!»

Если оглянуться на то страшное время, следует воздать должное именно СССР. Благодаря мужеству миллионов его солдат, отдавших жизнь в тяжелейших боях с фашистскими войсками (союзники тогда еще не воевали), евреи как нация были спасены от поголовного истребления.

Это надо помнить.

Тем же первым рейсом «Трансильвании», зафрахтованной советско-румынской компанией «Соврумтранспорт», в Хайфу прибыл наш офицер с очередным заданием от руководства службы, в составе которой работал.

Едва Борис Бренер сошел с трапа и двинулся за пределы порта в поисках ближайшего кафе, как чуть ли не лбом столкнулся все с тем же Мотей Петкером. В этой случайности, видимо, была своя закономерность. Оба обомлели от неожиданности. Борис, конечно, тотчас взял себя в руки и сделал вид, что безмерно рад встрече:

– Как приятно видеть вас здесь!

Петкер, напротив, застыл с окаменевшим лицом и словно лишился дара речи. Он смотрел на улыбающегося (в действительности тоже весьма смущенного) земляка с каким-то неясным, тревожным чувством. Подождав несколько секунд, Борис решил выяснить, почему старый знакомец молчит и смотрит на него со страхом, почему этот прежде всегда румяный фабрикант сейчас смертельно бледен.

– Что с вами, господин Петкер? Здравуюсь, обрадован встречей, хочу, как обычно, поговорить, а вы будто не узнаете меня...

Петкер прикусил губу, крепко зажмурил глаза, точно перед ним стояло привидение, и едва слышно, как бы рассуждая с самим собой, пробормотал:

– Форбрент золст-ты верен*, товарищ Бренер**... Если уже и этого края достигла эпидемия холеры...

Борис недоуменно пожал плечами и, делая вид, будто не понял, что хочет сказать бывший хозяин, пристально посмотрел ему в глаза и сожалением заметил:

– А я, между прочим, был о вас иного мнения. Ведь сам факт, что вы именно здесь, а не там, где, бывало, встречались, уже говорит о многом. Но увы! Господин Петкер, оказывается не петрит...

Петкер вдруг притянул Бориса за пуговицу к себе так близко, – точно хотел его расцеловать. Но постояв так секунду-другую, растерянно спросил:

– В последний раз дать совет можешь?

– Могу, – ответил с подчеркнутым безразличием Борис. – Но, видимо, вы родились в товарном поезде – до вас все доходит с опозданием. А что случилось?

– Это ты меня спрашиваешь: «Что случилось?» Таки-да очень похвально... Как будто не тебе это лучше знать! А я только хочу спросить: куда мне теперь?

Постскриптум

Нельзя делать скоропалительные выводы. Даже самые проницательные умы нередко ошибаются, пытаясь прогнозировать будущее. Жизнь сложнее и непредсказуемее умозрительных схем. То, что выглядит непреходящим, неожиданно оказывается чем-то временным. А что потом? Не стоит загадывать.

Началось новое летосчисление.

Кто мог предположить, что прольется столько крови?! Видимо, все-таки следовало учесть и это при закладке «фундамента».

Невольно приходит на память граф Гогенлое-Бернадот, французский полковник Второго бюро, и другие... Впрочем, «в доме повешенного не говорят о веревке»...

одного из своих парламентских коллег. Миссис Льюис имела значительное состояние и была на 15 лет старше Бенджамина. Блестящий успех у читателей его новых, с социальной подоплекой, романов «Конингсби» (1844 г.), «Сибилла, или Две нации» (1845 г.), «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847 г.) на сей раз способствовал его парламентской карьере. Ему удалось объединить вокруг себя группу аристократов, назвавшую себя «Молодой Англией», и противопоставить ее значительной части тори во главе с Робертом Пилем, занимавшим пост премьер-министра в 1841 – 1846 гг.

Постепенно парламентская аудитория начинает более дружелюбно воспринимать и форму, и смысл его неистовых выступлений против неэффективной репрессивной политики Пилия в Ирландии, против преследования рабочего движения чартистов, а также против попытки Пилия отменить хлебные пошлины. Последнее противоречило интересам английской земельной аристократии. Отмена высоких хлебных пошлин, много лет защищавших интересы местных производителей зерна, значительно ухудшала и без того сложную ситуацию в Ирландии, где голодало множество людей. Не случайно выступления Дизраэли в пользу хлебных пошлин были вознаграждены крупной суммой, перечисленной ему одним очень богатым консервативом. В союзе с лордом Бентинком, одним из лидеров тори, он сумел воспользоваться глубоким кризисом, поразившим партию вследствие инициированного им же самим раскола. Сторонники Р. Пилия вошли в состав реформированной партии вигов, ставшей с середины XIX в. либеральной. Оставшиеся в руководстве тори фигуры никак не могли конкурировать с Дизраэли. Несомненно, успешной политической карьере во второй половине XIX в. способствовали его личные качества: умение держать удар, редкостная работоспособность, огромное честолюбие. Но при всем том его путь к политическому лидерству отнюдь не был устлан лепестками роз. Мало того что он не был аристократом в партии аристократов, он многих шокировал как инородец, крещеный еврей с характерным обликом и манерой говорить, чуждыми публике, отличавшейся знаменитым английским снобизмом.

Однако после ухода Пилия в партии не осталось сколько-нибудь перспективного лидера. В 1848 году умирает лорд Бентинк, дружески относившийся к Дизраэли, и последний становится лидером своей партии в палате общин, а в 1852 году входит в кабинет Э. Дерби в качестве министра финансов.

Последовавший вскоре за этим назначением очередной политический маневр Дизраэли переполнил чашу терпения даже выдавших виды политиков. Он предложил бюджет, уменьшавший налогообложение сельского населения за счет городского. Бюджет отменял ряд охранительных пошлин, которые сам Дизраэли ранее защищал столь рьяно. Теперь же целью чуткого к конъюнктуре, гибкого политика стали принципы свободной торговли, нашедшие поддержку у значительной части торговых и промышленных кругов. Оказавшийся мишенью резкой критики со стороны столь же ловкого его политического соперника, либерала Уильяма Гладстона, бюджет провалился, а правительство Э. Дерби пало.

Через семь лет, в 1858 году, Дизраэли вновь занимает пост канцлера казначейства во втором кабинете Э. Дерби, пробывшего у власти недолго, около полутора лет. Все же и за это время он успел кое-что сделать. Передал английской короне управление Индией, которое до того осуществлялось Ост-Индской компанией. Двор об этом не позабыл. Дизраэли убедил Э. Дерби выступить за допуск евреев в парламент, расширить избирательное право. Скорая отставка кабинета Э. Дерби отнюдь не умерила политической активности Дизраэли. Объектом его критики стала внешняя политика либерального кабинета Генри-Джона Пальмерстона, стремившегося уменьшить степень участия Великобритании в делах других стран Европы. Однако именно такая тенденция пользовалась тогда поддержкой большинства, и результатов Дизраэли не добился. Что касается принятых им в те годы мер для реорганизации партии тори, то тут все удалось. Партия консолидировалась, стала более мобильной, а в конце 50-х получила название консервативной. Многолетнее правление либерального кабинета сковывало инициативу лидера консерваторов, хотя Дизраэли умел ждать. Он приобрел влияние в финансовых кругах. В 1862 году некая испанская еврейка, ярая его поклонница, оставила ему, умирая, все свое большое состояние. В 1868 году он был уже очень богатым человеком, был близок к крупным банкирам, в частности к Ротшильдам, что имело значение для его дальнейших планов.

В 1866 году либералы оказались в меньшинстве в связи с неудачным проектом реформы избирательного права. Разногласия по этому вопросу раскололи либеральную партию, чем не преминули воспользоваться консерваторы. Кабинет Дерби в третий раз оказался у власти, и Дизраэли еще более упрочил свое влияние в нем. В 1867 году министерство Дерби вынуждено было провести парламентскую реформу, которая довела число избирателей до 2 миллионов человек. Но большинство промышленных и сельских рабочих, а также мелкие арендаторы не получили избирательных прав. По-прежнему остались лишены права голоса и женщины. Тайное голосование было введено только в 1872 году.

Все же и такой закон об избирательном праве был значительно радикальнее предложенного Гладстоном и проваленного при содействии Дизраэли.

В 1868 году лорд Дерби, достигший весьма преклонного возраста, подал в отставку. Его место во главе кабинета занял Бенджамин Дизраэли. При нем английские войска торглись в Абиссинию (Эфиопию), но прочно закрепиться там не смогли. Пытаясь поправить бедственное положение в Ирландии, Дизраэли предложил ряд мер: аграрный законопроект, реформу избирательного права и учреждение католического университета. В это время либералы сумели объединиться и, получив большинство в палате, вопреки правительству провели резолюцию об отделении протестантской церкви в Ирландии от государства. По сложившимся правилам Дизраэли должен был выйти в отставку, но отказался и получил согласие короны на роспуск парламента через несколько месяцев, когда подготовят новые избирательные списки на основе

расширенного избирательного права. Дизраэли не сомневался, что новые избиратели из благодарности отдадут ему свои голоса. Но он ошибся. На парламентских выборах 1868 года либералы одержали победу, получив большинство в 120 голосов. Дабы подсластить пилюлю, королева Виктория предложила проигравшему Дизраэли пэрство, но у него хватило здравого смысла понять, что момент для этого неподходящий, и отказаться. Пэрство было отдано его жене, принявшей титул леди Биконсфилд по названию небольшого городка неподалеку от имени Дизраэли. Городок этот упоминался в одном из его ранних романов. Сидя на скамье оппозиции, Дизраэли продолжал писать. В 1870 году вышел его роман «Лотарь», в котором автор обосновывал превосходство англиканской церкви над католицизмом.

Что касается его политического соперника, то он продолжил политику освобождения низших классов. Став во главе либерального кабинета, Уильям Гладстон сумел провести закон, который дал профсоюзам право владеть землей и недвижимостью, защищать перед судом свои гражданские интересы. Гладстон наконец добился права на тайное голосование. Прежняя форма открытого голосования препятствовала волеизъявлению мелких служащих и рабочих: опасаясь потерять заработок, они нередко поневоле голосовали заодно с предпринимателями и хозяевами.

Реформы кабинета Гладстона были решительными и нарушали традиции сложившегося строя. Они вовлекали в общественную и политическую жизнь трудовые слои населения Англии, уничтожали привилегии могущественных корпораций, в их числе – англиканской церкви. Но многое не могло быть сделано в одночасье, что вызывало недовольство низов и усугубляло назревавший в обществе конфликт.

Между тем привилегированные слои – землевладельцы, предприниматели, представители других состоятельных групп – были встревожены «разрушительной» для них политикой Гладстона: уменьшением церковных богатств, отменой системы продажи военных должностей, мерами по сокращению торговли спиртными напитками. Многие были обеспокоены чрезмерной, на их взгляд, уступчивостью Гладстона на Востоке, что могло повлечь опасный для английских интересов распад Османской империи и столь же нежелательное для них усиление России в этом регионе. Военная слабость Англии стала ощутимой и в ходе франко-прусской войны 1870 – 1871 гг., когда все ее вмешательство смогло вылиться лишь в мало кого волновавшие протесты.

При обсуждении проблем ирландского университета Дизраэли бросил Гладстону упрек, в котором отразились все главные опасения высших классов: «Вот уже четыре года, как вы угрожаете нашим учреждениям и тем старинным привилегиям, которые органично присущи нашему обществу. Вы вмешиваетесь во все его сферы. Вы подчинили своему контролю все профессии и занятия. Никто не может быть спокоен за свое имущество, никто не знает, что именно завтра от него потребуют. Вы лишаете общество стабильности». Под сильным давлением Гладстон был вынужден распустить парламент. На новых выборах победили консерваторы. Кандидаты, предложенные рабочими, за исключением двух человек, не прошли вследствие специфики английского избирательного права. Поражение на выборах оказалось столь сильным ударом для Гладстона, что он всерьез намеревался окончательно уйти из политики.

Дизраэли сформировал кабинет, в который наряду с богатыми землевладельцами и аристократами вошли крупные банкиры и промышленники. С этого, четвертого по счету, прихода к власти начинается настоящая популярность Дизраэли в правящих кругах Англии и упрочивается его репутация одного из величайших английских государственных деятелей. В короткое время его кабинет осуществил ряд важных для трудовых слоев населения мер: обязательное начальное обучение детей, отмена наказаний за агитацию среди рабочих, полное уравнивание профсоюзов в правах с предпринимательскими объединениями. Дизраэли добился решения о строительстве дешевого жилья для рабочих и принятия нового законодательства об охране труда малолетних и женщин на фабриках и заводах. По его инициативе был принят закон, запрещающий перегрузку судов, угрожавшую жизни матросов. Все это проходило под лозунгом борьбы с безответственным индивидуализмом либералов и во имя утверждения принципов консервативной партии как партии народного блага. Блага, оберегаемого патриархальной и сильной монархией. Дизраэли был не только крупным политиком, но и мастером социальной демагогии. Ради удовлетворения самолюбия консерваторов, которых он огорчил своим социальным законодательством, лидер их партии занялся возвышением престижа монархии. С этой целью он убедил королеву и членов королевской семьи чаще показываться народу, не пренебрегать патронажными функциями при основании или открытии благотворительных, а также общественно-полезных учреждений, присутствовать на их церемониях. Он уговорил парламент предложить королеве титул «императрицы Индии». В том же 1876 году королева, в свою очередь, пожаловала верного слугу престола в знак признания его политических заслуг титулом графа Биконсфилда, который на этот раз был принят. Семидесятидвухлетний граф Биконсфилд стал членом палаты лордов.

С присущей ему энергией он приступил к реорганизации армии, необходимой для поддержания могущества Великобритании. В сентябре 1874 года англичанам удалось захватить острова Фиджи. Главная британская колония Индия с ее тогдашним 200-миллионным населением была объявлена империей. Чтобы воспользоваться Суэцким каналом в качестве кратчайшего пути в Индию, английское правительство без ведома парламента в 1875 году приобрело у Египта акции канала на большую сумму.

Приобретение было сделано с помощью банкирского дома Ротшильда. Финансовые круги, принявшие участие в операции, надеялись, что Англия уже не выпустит эту страну из сферы влияния и сможет решить в свою пользу давнишний спор из-за нее с Францией.

Опасаясь захвата Стамбула Россией вследствие надвигавшегося распада Османской империи, Биконсфилд занял враждебную по отношению к балканским славянам позицию, невзирая на то что Гладстон в своих речах громил «болгарские ужасы», то есть зверства турок в Болгарии. Зимой 1878 года, когда русские войска совершили переход через Балканы и по обледенелым скалам сумели выйти на ближние подступы к турецкой столице, для ее охраны в Дарданеллы вошел английский флот. Мало того: Биконсфилд распорядился мобилизовать индийские войска и расположить их на Мальте, хотя, согласно их статусу, они не могли быть задействованы на какой-либо иной территории, кроме Индии.

Несомненные успехи Биконсфилда во внешней политике увлекли даже часть либеральной оппозиции. Военные кредиты были одобрены огромным большинством. На Берлинском конгрессе 1878 года, где лорд Биконсфилд присутствовал лично, ему удалось столкнуться с Бисмарком и свести на нет ряд преимуществ, завоеванных Россией в войне с Турцией 1877 – 1878 годов и признанных Сан-Стефанским мирным соглашением 1878 года. Обеспечив свободу проливов, соединяющих Черное море с Эгейским, англичане заперли их для российского военного флота. Успехи Биконсфилда на Берлинском конгрессе Турция была вынуждена вознаградить островом Кипр, который по договору от 4 июня 1878 года перешел под власть Великобритании. Возвращение лорда Биконсфилда в Англию было триумфальным, сопровождалось высокими почестями со стороны короны, лондонского Сити, а также парламента. Военные действия англичан в мае 1879 года также временно оказались успешными, а первоначальные неудачи в войне с зулусами были компенсированы победой при Улинду 3 июля 1879 года. В Южной Африке английские войска в 1877 году захватили Трансвааль, но удержать его сумели лишь до 1881 года.

Окрыленный внешнеполитическими достижениями, в марте 1880 года Биконсфилд распустил парламент, рассчитывая на новых выборах достичь устойчивого большинства. Однако его расчет не оправдался. Убедительная агитация Гладстона, который не терял времени, указывая на то, что блестящая внешняя политика консерваторов слишком дорого обходится налогоплательщикам, принесла на этот раз победу либералам.

Любому политику Великобритании, сколь бы велики ни были его заслуги и какой бы блестящей репутацией он ни пользовался, чрезвычайно сложно долго удерживаться у власти в силу специфики самой политической системы этого государства. В силу постоянного наличия мощной оппозиции, использующей малейший промах лидеров, стоящих у власти. В известной мере англичане продолжили и развили традицию системы социального контроля общества над структурами власти, которая существовала в древних Афинах классического периода. Стабильность власти требовала там большого напряжения сил и высочайшего мастерства политиков, что зависело от степени одаренности политического лидера. Он постоянно должен был утверждать свое право на власть.

В 1880 году Биконсфилд издал свой последний и, как полагают некоторые критики, один из лучших романов. Он назывался «Эндимион». В начале сессии 1881 года он еще принимал участие в парламентских дебатах, но через несколько недель заболел и вскоре умер. День его смерти, 19 апреля, читается консервативной партией и двором как «день подснежника» – по его любимому цветку. Похоронен был лорд Биконсфилд в своем имении, но памятник ему воздвигнут в Вестминстерском аббатстве.

Как при жизни, так и после смерти оценки деятельности этого политика всегда были неоднозначными. Одни превозносят его как величайшего государственного деятеля Англии, другие, его противники, подчеркивают, что он не всегда был принципиален и разборчив в средствах. Уже ближе к нашим дням советский историк из Еревана, ныне покойный Джон Киракосян в книге «Западная Армения в годы первой мировой войны» не удержался от совсем не академического замечания о «еврейских штучках Биконсфилда». Речь шла о переговорах на Берлинском конгрессе по поводу положения армян восточных вилайетов Османской империи. Тогда впервые делегация армян потребовала автономии для армянского населения этих территорий. Переговоры закончились безрезультатно по разным причинам. В итоге не нашлось силы, которая поддержала бы эти требования. Справедливости ради стоит добавить, что досталось от Джона Киракосяна не только Биконсфилду, но и престарелому канцлеру А.М. Горчакову, которого он назвал «выжившим из ума». Не пощадил автор в гневе и собственных соотечественников, лидеров тогдашних националистических партий. События прошлого часто не дают покоя тем, кто приходит в мир спустя много лет после них.

Как оратор Биконсфилд обладал находчивостью и блестящим остроумием. С большим мастерством вел парламентские дебаты. Как писатель, хоть и был популярен, все же не стал классиком, подобным Филдингу или Диккенсу. Несколько его романов, в их числе «Генриетта Тамплъ», «Сивилла», «Танкред», «Эндимион», переведены на русский язык.

глубинные процессы в жизни государств и мирового сообщества, воздействовать на ментальность различных социальных групп и представителей власти, принимающих масштабные государственные решения.

Достижение преемственности довузовской и вузовской подготовки делает возможным создание системы непрерывного образования «школа – вуз». В подобном образовательном пространстве ведется подготовка профессионалов высокого уровня, формируются современные представления о цивилизационных процессах. Характер отношений участников образовательной системы основывается на духовных ценностях, преобразующих исторический опыт и традиции народа в образовательную культуру, усиливающую национальное самосознание и формирующую новый тип мышления, основанный на новом видении мира. Ресурс личностных отношений, общественный диалог придадут еврейскому университету инерцию развития. Начиная с определенного момента, еврейское образование становится саморазвивающейся системой, стимулирующей смежные области деятельности. Реальность появления в России еврейского университета – в сущности, великий знак, свидетельство огромных возможностей, которые таит в себе демократические преобразования в стране.

Модернизация образования, объявленная в России, дает шанс российскому обществу и российскому еврейству сотрудничать с мировым сообществом. Эта новая деятельность еще не имеет современных образовательных технологий. И поэтому реформы образования, осуществляемые сегодня в России и других странах мира, должны быть многомерны – современный мир меняется глубоко и стремительно.

Ускользящая в современном образовании реальность «образца для подражания» заставляет искать в качестве ориентиров новые объединяющие признаки сложного, противоречивого процесса познания и преобразования мира. Еврейское образование должно быть уникально. Опыт дает базу для обретения собственного видения мира, при котором заинтересованность различных слоев еврейского общества в образовании становится совместной деятельностью, и из нее рождаются культурные традиции вообще и еврейские в частности.

Преследование евреев в советский период оттеснило их в определенные секторы социально-экономической жизни. В частности, в фундаментальные науки, в открытые научно-технические разработки, а большинство – в образование, медицину, юриспруденцию, экономику и ряд других областей. Высшее образование, ученые степени и звания были общим устремлением евреев, однако это не означало их общности. Отсутствие еврейской общины усиливало одиночество отдельного человека и трагизм еврейской интеллектуальной элиты в целом. Это стало одной из многих причин исхода 70–80-х годов минувшего века.

Поможет ли человеку современное еврейское образование стать счастливым, найти согласие с самим собой в мире глобальных противоречий? Судьба ведет еврейский народ через многие испытания. Чтобы еврейский университет состоялся не только как явление в сфере образования и науки, но и как явление культурное, нужно многое. И прежде всего в образовательной «предыстории» важна еврейская школа, сочетающая не только качественную довузовскую подготовку выпускников, но и знакомство с еврейской историей и культурной жизнью, позволяющими осознать свою сопричастность к мыслям и делам предков. Это ощущение порой способно защитить ребенка от внутреннего одиночества в веселом хороводе праздника другой культуры. Образование – одна из главнейших ценностей еврейской жизни – должно стать первоосновой культурного развития народа.

Ощутит ли свои новые возможности студент-математик оттого, что он – еврей? Ориентируясь на интересы современного общества, педагогика научилась создавать и организовывать деятельность образовательной среды, усиливая возможности человека. Готовясь стать математиком в еврейском университете, еврей может обнаружить, что не только бит математической информации способен приблизить его к профессиональному мастерству, но и душевная гармония еврейского самосознания, пространство еврейской культуры. Образовательное пространство университета – это, прежде всего, пространство еврейской культуры. Трагичен человек, имеющий еврейские корни, случайно или осознанно дистанцирующий себя от этой культуры. Я не говорю о Жириновском, который превратил эту трагедию в фарс. Существует достаточно много людей, не чувствующих причастность своих родителей или прародителей к этой культуре, а значит, и собственную связь с ней. Эта утрата не прибавляет им «русскости» или свойств другой национальности. Жизнь в многокультурном мире обогащает человека способностью сохранить национальный менталитет и сделать его понятным для окружающих, не ущемляя при этом права и достоинство других людей.

На обломках советской культуры еврейское образование состоится, если оно отразит ментальность народа: мироощущение Шолом-Алейхема и Эфраима Севелы, Самуила Маршака и Стефана Цвейга, Исаака Левитана и Марка Шагала. Собравшись вместе, мы остаемся очень непохожими друг на друга даже в пределах «отдельно взятой Одессы». Находясь в различных уголках планеты, мы осознаем нашу невидимую связь и составляем целое – народ.

Не содрогнется сердце при виде пальм у якутского еврея. Как и не понять москвичам, почему в январе в Иерусалиме мерзнут люди. Евреи живут повсюду, и они – разные. Но болотная мошка Биробиджана не породила у евреев чувства родины, а осушенные болота Израиля превратились в благословенный сад. Существование исторической Родины даже всезнающим тиранам задает загадки.

Талмуд – «устное чтение» – стал, возможно, первой педагогической книгой в истории человечества. Толкование Торы не только возвышало человеческие отношения, диалог Учителя и Ученика расширялся новыми социальными контактами, при которых пространство образовательное и пространство

жизнедеятельности совпадали. Они становились единством, даже если географически дробилась территория, где жили евреи.

Нам необходимо научиться быть лучшими, не противопоставляя себя другим. Выдержав неслыханные испытания, евреи всегда остаются нужными цивилизации. Пройдя через Холокост, страны Европы стараются восстановить еврейскую диаспору. Даже почти полностью вытеснив евреев из СССР, Россия, опомнившись, стремится сохранить «еврейские мозги», всегда восприимчивые к идеям демократии и либерализации общественной жизни. Еврейское образование и культура открыты миру, потому что чаяния и идеалы еврейского народа понятны другим людям. Общечеловеческие ценности делают человека свободным. Еврейские образование призвано дать этот ресурс свободы, сохранив своеобразие образования и культуры. Но при этом оно должно выполнять просветительскую миссию, защищая другие народы от предрассудков и мракобесия антисемитизма. Современный еврейский учитель, возвышаясь до уровня цадика и обладая мужеством Януша Корчака, должен стать другом ребенку, понимать его трудности, принимать во внимание его несовершенство. Учитель не стремится возвыситься над учеником – взаимообогащая друг друга они сближают неизвестное для человека с неведомым для человечества.

Бертран Рассел рассматривал память как знание, способное помочь в реальном мире. Понимание исторического прошлого еврейского народа являет собой образование, ретроспективный опыт которого – основа будущих достижений народа. Еврейский университет выступает как способ достижения национального единства средствами образования, науки и культуры. Наряду с изучением еврейской культуры, организуется такой уклад отношений между преподавателями и студентами, когда актуализируется их совместная работа по освоению духовных ценностей еврейского народа. Важен контекстный смысл постижения еврейской культуры, выраженный в опосредованных формах через артефакты создаваемого образовательного пространства университета, способствующего формированию еврейского самосознания.

«Сможет ли мальчик Мотл стать Соросом?» Старый еврей, еще не забывший идиш, скажет: «Их вейс?» Шолом-Алейхем не показал, как, «накормив Америку», сирота Мотл стал преуспевающим и богатым. Но его доброе и отзывчивое сердце так понятно и близко читателю, что он готов домыслить биографию мальчика Мотла и видеть в нем не просто преуспевающего, но и благородного и очень щедрого человека, готового помочь ближнему. Он знает, как это важно. Всей своей жизнью Мотл подготовлен именно к такому пониманию слова «успех». Отсюда и ответ на вопрос: «Сможет ли мальчик Мотл стать Соросом?» Джордж Сорос, достигнув финансового благополучия, жертвует свои сбережения на образование евреев и неевреев. Он стремится сделать людей добрее, а значит, счастливее. Это сегодняшнее новое понимание успеха может стать идеалом для современной молодежи. Мы с тревогой всматриваемся в новое поколение. Сможет ли оно защитить мир от угроз, сумеет ли передать следующим поколениям боль пережитых трагедий и светлые надежды на счастливую жизнь? Единство еврейского мира разных стран обнаруживается в поразительной схожести зрелого образованного мышления, основанного на понимании общности истории, судьбы, традиций, ценностей.

Неразвитое сознание искажает природу вещей и явлений. Но и само по себе образование – необходимое, но недостаточное условие окрыленности чувств и глубины переживаний, отражающих чаяния народа: оно позволяет разбросанным по всему миру очагам еврейской культуры обрести глубинную внутреннюю связь и солидарность. Мальчик Мотл и Джордж Сорос, разделенные эпохами и условиями жизни, схожи в одном: они являются определенными символами еврейской жизни, они осознанно или неосознанно верят в одни идеалы. Сегодня еврейское образование, выравнивая возможности бедных и богатых, помогает каждому конкретному человеку раскрыть свой талант, позволяет всей нации обрести общие дух и веру.

ЕМУ БЫЛА НАЗНАЧЕНА ОСОБАЯ РОЛЬ

Ààí ààèèò Nààí rà

Я уже рассказывал однажды, как мы с Лазарем приезжали к Эренбургу уговаривать его, чтобы он написал для «Литгазеты» статью, разоблачающую бездарный сталинистский роман Кочетова.

Он отказался. Сказал:

– Не трогайте меня сейчас. Я ведь не отсиживаюсь в тылу. Я печатаю мемуары.

Разговор этот происходил на эренбургской даче в Новом Иерусалиме. Отправились мы туда на редакционной машине и провели там чуть ли не пол дня. Нас накормили обедом и угостили хорошим французским коньяком. Не был забыт и наш водитель. Видимо, удовлетворенный оказанным нам приемом, на обратном пути он полюбопытствовал:

– А у кого это мы были?

Лазарь коротко бросил:

– У Эренбурга.

Он, понятное дело, был уверен, что никаких дополнительных объяснений этот его короткий ответ не требует. Но за первым вопросом тут же последовал второй, совершенно нас ошеломивший:

– А кто это?

С грехом пополам объяснив ему, кто такой Эренбург, мы только молча переглянулись. Но долго еще не могли выйти из шокового состояния, в которое поверг нас этот безмятежный вопрос – такой, казалось бы, естественный в устах совсем молоденького парнишки. Оставшись одни, мы долго еще обсуждали этот, больно задевший нас эпизод. Я склонен был объяснять случившееся классической ленинской формулой: «Страшно далеки они от народа». Мол, все, что нам представляется таким важным, широким массам трудящихся – до лампочки.

Лазарь со мной не соглашался. Он считал, что объяснение казуса лежит в сфере биологии, а не социологии: будь, дескать, наш шофер хоть немного постарше, объяснять ему, кто такой Эренбург, нам бы не пришлось. Ну, а уж будь он его, Лазаря, военного поколения, так только рот бы разинул: «Сам Эренбург? Вот это да-а! Думал ли я тогда, в сорок первом, что приведется мне своими глазами его увидеть!»

Несмотря на эти мелкие разногласия, мы оба сошлись на том, что все это – грустно. Во-первых, потому, как говорили древние римляне, sic transit gloria mundi. А во-вторых, потому что ни он, ни я не подозревали, что племя младое, незнакомое, приходящее нам на смену, так далеко от всего, чем жили мы в наши юные годы. Ведь с 1945-го минуло всего-навсего каких-то там жалких пятнадцать лет.

Реплика Эренбурга «Я не отсиживаюсь в тылу, я печатаю мемуары», помимо того, что точно отражала не только его жизненную позицию, но и реальное положение дел (он со своими мемуарами и правда был тогда на переднем крае), к тому же еще заключала в себе почти исчерпывающий ответ на вопрос, почему его мемуары так и не стали его Historia arcana – до конца правдивой, тайной летописью эпохи?

Мемуары – тихий, спокойный жанр, и пишутся они обычно, когда человек уже отошел от дел. Как говорится, вышел из игры. Эренбург же, когда писал, а особенно когда начал публиковать свои мемуары, не только оставался «в игре», но и оказался (быть может, помимо своей воли) в этой «игре» главным игроком. Можно даже сказать – капитаном команды. Он привык всегда быть в самой гуще схватки. Но, пожалуй, никогда еще, и в самые активные свои годы, не ощущал он с такой остротой, что сражается на передовой, на самом переднем крае. Даже во время войны.

В 41-м Эренбурга вынесла на этот высокий гребень истории некая историческая реальность. Как я уже говорил, волею обстоятельств он оказался чуть ли не единственным идеологом страны, вступившей в смертельную схватку с фашизмом. Но при всем при этом тогда за ним стояла огромная сражающаяся держава со всеми ее армиями, дивизиями, танками, самолетами. А главное – с ее мощнейшим пропагандистским аппаратом. Он был важной – в какой-то момент, быть может, исключительно важной, – но все-таки частью этого официального пропагандистского аппарата.

Сейчас же ситуация была совершенно иная. Один, с двумя-тремя десятками единомышленников за спиной, он снова стал идеологом: своими мемуарами он не только отстаивал определенную, достаточно крамольную тогда систему взглядов, но и формировал новое общественное сознание, к восприятию которого общество, по правде сказать, было тогда еще не больно готово.

То есть общество, может быть, в какой-то степени было к этому и готово. Но на этот раз ему приходилось воздействовать на общественное сознание не вместе с армией единомышленников, не заодно с государственной пропагандистской машиной, а – вопреки ей. Эта задача требовала совершенно иной, новой тактики. И он эту тактику выработал. Он научился (и раньше, конечно, умел, но только сейчас овладел этим искусством в совершенстве) пользоваться сложной системой умолчаний и намеков. Научился хитрить, обманывать, водить за нос не какое-нибудь наше игрушечное литгазетское, а главное, всемогущее, центральное БЮРО ПРОВЕРКИ.

Позже, читая его переписку с Твардовским, его ответы на требования и предложения главного редактора журнала, публикующего его мемуары, я заметил, что частенько он только делал вид, будто соглашается, принимает то или иное редакторское замечание. А на деле, чуть-чуть меняя текст, не только не ухудшал, а иной раз даже – улучшал его, делал свою мысль острее, сильнее, выразительнее.

Мне не трудно было это заметить, поскольку работая в газете и печатаясь в советских журналах, я и сам нередко прибегал к тем же хитростям. С потерями, конечно (и еще какими!), но протаскивал через цензурное сито то, что хотел сказать, и цитировал тех, кого не полагалось цитировать (случай с Пастернаком был не единственным).

Мне чаще, чем Эренбургу, приходилось прибегать ко всем этим уловкам: он ведь был – Эренбург! Пусть опальный, но все-таки маршал по негласной, но всем известной советской литературной табели о рангах, и ему было позволено куда больше, чем мне – рядовому. Да и дело он имел напрямую с главным редактором, да еще с таким неординарным, как А.Т. Твардовский, который к тому же относился к нему с особым пиететом. Когда верный единомышленник Твардовского, член редколлегии «Нового мира» Валентин Овечкин (А.Т. взял его в редколлегию, надеясь, что он будет ему поддержкой), прочитав верстку очередной порции эренбурговских мемуаров, высказал резкое несогласие с некоторыми суждениями автора, Александр Трифонович ответил ему: «...Учить Эренбурга поздно и невозможно, нужно считаться с таким, каким Б-г его зародил».

А я не хотел (не умел) принимать Эренбурга таким, «каким Б-г его зародил». Не понимал, что ему стократ важнее высказать вслух хоть самую малую толику запретной правды, чем вылить на бумагу ВСЮ правду, – и пусть о ней узнают хоть полвека спустя. Мне хотелось, чтобы он высказывался в своих мемуарах в соответствии с классической судебной клятвой: говорить правду, только правду и всю правду. И черт с ними! Пусть не печатают! Самое интересное тут было то, что такое представление о назначении писателя внушил мне не кто иной, как сам Эренбург.

Когда я стал бывать у него чаще, и мы разговаривали уже с достаточной степенью откровенности, я в одном таком разговоре слегка коснулся этой темы. Вообще-то эти разговоры обычно были его монологами. И вопросы, которые он порой мне задавал, как правило, было риторическими. Но иногда, задав такой – по видимости тоже риторический – вопрос, он требовательно смотрел на меня, словно ожидая ответа. И тогда я отвечал. Так вышло и на этот раз. В тот день он был мрачнее тучи. Оказалось, что его дурное настроение вызвано письмами читателей. Два из них он мне прочел. В одном речь шла о том, что в мемуарах, вскользь упоминая о своих близких отношениях с неким «Николаем Ивановичем», он ни разу не назвал его фамилии.

«Я-то догадался, – писал автор этого письма, – что вы подразумеваете Николая Ивановича Бухарина. Я хорошо знал этого прекрасного человека. Мне посчастливилось несколько лет работать с ним. Почему же вы, Илья Григорьевич, постеснялись назвать его фамилию? Неужели вы считаете, что еще не настала пора вернуть доброе имя тому, кого Ленин называл любимцем партии?»

Другой читатель с негодованием вцепился в одну его фразу. Рассказывая об антисемитизме, с которым он столкнулся в юности, Илья Григорьевич мимоходом обронил: «Антисемитизма тогда еще стыдились».

«Почему вы прямо не написали, – возмущался этот наивный читатель, – что теперь антисемитизма у нас уже не стыдятся, что этой гнусной болезнью заражены даже многие члены партии...»

Эренбург этими письмами был не столько оскорблен, сколько удивлен. Он был даже растерян.

– Ну кто они, по-вашему, эти люди? – спросил он меня. – Идиоты?

– Ну почему же идиоты, – сказал я. – Раньше ходили легенды, что вы в случае чего всегда можете прямо обратиться к Сталину. А теперь – помните, вы же сами это нам говорили, – они уверены, что вы с Хрущевым каждый день чай гоняете. Вот они и считают, что если вы чего-то там не написали, значит, – побоялись.

– Неужели они не понимают, – сказал он, и в голосе его дрогнула обида, – что я работаю на пределе возможного!

Особенно, как я понял из дальнейшего разговора, его задело второе письмо. Во-первых, потому что фраза «антисемитизма тогда еще стыдились» представлялась ему исчерпывающей, не нуждающейся ни в каких дополнительных пояснениях: если «тогда» еще стыдились, значит, сейчас уже не стыдятся. Уж куда яснее! А во-вторых, как оказалось, именно из-за этой фразы в редакции разгорелся настоящий бой. Собственно, не из-за всей фразы, а из-за этих вот двух слов: «тогда еще».

Его настойчиво упрашивали их вычеркнуть: «Ведь это же ничего не меняет, Илья Григорьевич!»

Упрашивал, собственно, только один член редколлегии, еврей, до смерти боявшийся любого прикосновения к этой щекотливой теме. (Тут я слегка поколебался: не мог сразу решить, стоит ли называть этого – ныне уже покойного – литератора. Но поколебавшись, решил все-таки назвать: страна должна знать своих героев. Это был Борис Германович Закс.)

– Шабес-гой наоборот, – презрительно сказал о нем Эренбург.

Увидав недоумение на моем лице (я не знал, что означает это слово), он объяснил, что «шабес-гой» (шабес – суббота, гой – иноверец) – это слуга, специально приглашавшийся на субботу, когда правоверному еврею строжайше запрещено не только исполнять какую-либо работу, но даже отдавать распоряжения прислуге. Нельзя было, например, сказать: «Зажги лампу!» Это уже грех. Вот для этого и приглашался «шабес-гой», специально натренированный «субботный иноверец», умеющий угадывать все желания своего хозяина.

– Нет, что ни говорите, а они все-таки – идиоты, – заключил Эренбург разговор о читателях, предъявлявших к нему непомерные и, по его мнению, совершенно дурацкие требования.

И вот тут-то я и сказал то, что мне уже давно хотелось ему сказать.

– Нет, Илья Григорьевич, они не идиоты, – сказал я. – Просто они исходят из того высокого представления о миссии русского писателя, которое вы же сами им и внушили.

Тут, конечно, надо было бы – для ясности – добавить: и которому вы сами, увы, далеко не всегда соответствовали. Но этого я, как вы понимаете, ему не сказал. И так до сих пор и не знаю, понял ли он, что я имел в виду. Да, сказать ему это я не решился. Но в своем праве так думать, судить его этим жестоким судом – не сомневался. А почему, собственно? Ведь и меня тоже какой-нибудь «читатель вероятный» мог бы спросить:

– А вы сами-то почему не назвали автора стихотворения, которое процитировали? Тоже ведь могли бы прямо написать его имя и фамилию – Борис Пастернак, а не прятаться за трусливой фразой «один поэт сказал».

Тогда мне такая простая мысль в голову не приходила. А сейчас вот – пришла. В самом деле: почему я не прощал Эренбургу то, что с такой легкостью разрешал себе? Не только разрешал, но даже ставил в заслугу! Одно могу сказать в свое оправдание. Мне казалось тогда, что я сужу его в точном соответствии с заветом классика судом, им самим над собою признанным.

Недавно я прочел такую историю. Ее рассказал Косте Ваншенкину покойный Коля Томашевский, а Костя пересказал ее в своей книге «Писательский клуб».

Однажды в гостях у Вячеслава Шишкова Константин Александрович Федин сказал мечтательно:

– Если бы мне дали карт-бланш, какой замечательный роман я бы написал о нашей сегодняшней жизни!

– Нет, Костинька, – сказал Вячеслав Яковлевич. – Не написал бы.

– Это почему же? – возмутился Федин.

– Потому что настоящие-то писатели, – сказал Шишков, – карт-бланшу не просят.

В то время я этой истории не знал. Но исходил именно из этого убеждения. И именно на этом убеждении строилось тогдашнее мое отношение к Эренбургу. Ведь это от него я узнал имя Мандельштама! И, может быть, от него впервые услышал, как Осип Эмильевич спустил с лестницы молодого поэта, жаловавшегося, что его не печатают.

– А Будду печатали? А Гомера печатали? А Иисуса Христа печатали? – кричал он ему вслед.

Истинный поэт, истинный художник не скован границами возможного. Даже верхним его пределом. Он не думает о том, где кончается возможное и начинается невозможное: такова его природа. Внушая мне (и, конечно, не только мне) такое понимание роли писателя в мире, Эренбург тем самым как бы давал понять, что и сам тоже принадлежит к этому особому племени безумцев, неизменно готовых, как сказал Пушкин, «для звуков жизни не щадить». И я верил, что он именно таков. Во всяком случае, «выпечен из того же теста». В отличие, кстати, от того же Фебина, к которому я относился тогда с полным уважением, но таких требований почему-то не предъявлял. Потому, наверно, что на своих семинарах он объяснял, как строить сюжет, лепить образ, работать над языком, но ни при какой погоде не взбрело бы ему в голову рассказать нам дурацкую историю про Бальзака, который чуть было не отдал Б-гу душу из-за того, что умер отец Горио.

Да, выдавая на-гора – книгу за книгой – свои мемуары, Эренбург действительно работал на пределе тогдашних возможностей. Нередко даже с боями и неизбежными потерями он этот последний предел переступал. Но именно потому, что он не мог удержаться от того, чтобы хоть намеком коснуться какой-нибудь запретной темы, не боялся то и дело приближаться к «рубежу запретной зоны». Именно поэтому его намеки часто бывали туманными и маловразумительными, нередко превращались в загадку, которую просто невозможно было разгадать.

Вот, например, рассказывает он такой эпизод, относящийся к началу 50-х годов.

«Меня попросили показать один документ знаменитому датскому микробиологу Т. Мадсону. Ему было тогда восемьдесят два года. Он меня любезно принял, угостил хересом, потом начал читать доклад, переведенный с корейского языка на китайский, с китайского на русский, а с русского на английский. Прочитав первую страницу, он отдал мне рукопись: “Спрячьте это, молодой человек, и никому не показывайте – это может рассмешить студента-первокурсника...” Он сказал, что сочувствует нашим стремлениям установить мир, был ласков. А я сидел как на иголках и только ночью улыбнулся, вспомнив слова “молодой человек”, – мне тогда шел седьмой десяток и давно никто меня так не называл».

Боюсь, что тогда (теперь-то и говорить нечего!) мало кто из читателей понял, о чем тут речь. Я, во всяком случае, так бы ничего и не понял, если бы не помнил услышанный мною однажды устный рассказ Ильи Григорьевича. Дело было во время войны в Корее. Таинственный доклад, который Эренбург должен был показать знаменитому датскому микробиологу Т. Мадсону, представлял собой грубо сфабрикованную фальшивку, якобы содержащую доказательства, что американцы ведут в Корее бактериологическую войну. Поскольку обвинения эти не раз повторялись тогда в нашей печати, Эренбург полагал: достаточно сообразительному читателю сопоставить слово «микробиолог» со словами «переведенный с корейского языка», чтобы сразу же догадаться, с какой миссией явился он тогда к Т. Мадсону. И почему, попав по вине всучивших ему этот фальшивый документ в дурацкое положение, едва не сгорел со стыда.

Другой пример.

Вспоминая в своих мемуарах ноябрь 1934 года, он пишет:

«... Я проводил вечера со старыми друзьями... Настроение у всех было хорошее. Говорили, что на предстоящей сессии Советов будет обсуждаться проект новой конституции. Ноябрь казался маем, и я на все глядел радужно.

Как-то я отправился в “Известия”, зашел к Бухарину, на нем лица не было, он едва выговорил: “Несчастье! Убили Кирова”... Все были подавлены – Кирова любили. К горю примешивалась тревога: кто, почему, что будет дальше?.. Конечно, никто из нас не догадывался, что начинается новая эпоха, но все примолкли, насторожились».

В разговоре (а такой разговор у нас с ним был) он рассказывал об этом совершенно иначе. Бухарин, едва только они с Эренбургом остались с глазу на глаз, сказал:

– Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь ОН может сделать с нами все, что захочет!

И после паузы добавил:

– И будет прав.

Затем он предложил Эренбургу закрыться в какой-нибудь из редакционных комнат и быстро написать в номер хоть короткий отклик на это чрезвычайное событие. Эренбург честно пытался выполнить просьбу, хотя в голове его был туман, а на душе – смута. Но спустя некоторое время в комнату вошел Бухарин.

– Поезжайте домой, – сказал он. – Не надо вам об этом писать. Это грязное дело.

О том, почему так быстро и так резко изменилась его позиция, что произошло за те полчаса или час, которые отделяют первую бухаринскую реакцию от второй, можно было только гадать. Но меня интересовал в этом случае Эренбург: что ОН думал обо всем этом в те минуты? И тогда, и потом, в последующие годы, когда для его гимназического товарища события приняли совсем уже крутой оборот?

– А на процессе вы были? – спросил я его, имея в виду, разумеется, тот процесс, главным фигурантом которого был Николай Иванович.

– Да, – сказал он. – Я не хотел идти. Но мне сказали: «Нет уж. Вы пойдите! Посмотрите на своего дружка». И я пошел...

– Ну?! – впилился я в него.

С юных, чуть ли не детских лет загадка больших московских процессов для меня и моих сверстников была одной из главных тем наших сокровенных разговоров. Почему ОНИ признавались в несуществующих преступлениях? Что там с НИМИ делали? Какими дьявольскими способами заставили взвалить на себя чудовищную вину? Пытали? Гипнотизировали?

Поговаривали даже, что на процессе это были не ОНИ, а загримированные, играющие их роли актеры. Но все это были догадки, предположения, слухи. А тут – впервые! – передо мной сидел человек, который САМ БЫЛ на том процессе, видел все своими глазами и – мало того! – хорошо, близко знал одного из главных обвиняемых. Можете поэтому себе представить, сколько невысказанных вопросов вложил я в это свое «Ну?» Но, хоть я их и не высказал, Эренбург прекрасно меня понял. После небольшой паузы он сказал:

– Это был не он.

И, увидав мое перевернувшееся лицо, тут же поправился:

– Нет, нет. Это, конечно, был он. На этот счет у меня не было ни малейших сомнений. Но – не его темперамент, не его мимика, не его движения... Другой человек...

Давить на него, вытягивать из него еще какие-то подробности я постеснялся. Да и, по правде говоря, мне тогда казалось, что он и так уже сказал достаточно много. И все это он рассказал мне – далеко не самому близкому ему человеку – мимоходом, просто потому, что пришлось к слову. А сколько еще неведомых мне, быть может, куда более драгоценных тогдашних своих мыслей и наблюдений он не позволил себе включить в свою «главу о Бухарине», оставив их за кадром.

Ну, это ладно. Это еще понятно: главу о Бухарине (хотя никакой «главы», в сущности, не было – то, что он называл главой, уместилось в две-три странички) он хотел напечатать. Но уж в главе о Троцком, которую он печатать не собирался, которую заранее предназначал для архива, – тут-то, казалось, он уж мог бы себе позволить быть откровенным до конца, что называется, на всю катушку! Нет, не позволил. Мало того. Как выяснилось, он так и не написал эту главу. А то, что написал, тоже пошло не «в архив», а – в печать. В 13-й главе первой книги своих мемуаров, вспоминая о том, как один товарищ по партии предложил ему поехать из Парижа в Вену, где его, возможно, используют для переброски литературы в Россию, он коротко сообщает:

«В Вене я жил у видного социал-демократа Х. – я не называю его имени: боюсь, что беглые впечатления зеленого юноши могут показаться освещенными дальнейшими событиями. Моя работа была несложной: я клеивал партийную газету в картонные рулоны, а на них наматывал художественные репродукции и отсылал пакеты в Россию. Х. жил с женой в маленькой, очень скромной квартире. Однажды вечером жена Х. сказала, что чая не будет: газ на кухне подавался автоматом, в который нужно было бросить монету. Я поспешно побежал и бросил в пасть чудовищу крону. Х. был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии, об искусстве. Это были не мнения, с которыми можно было бы поспорить, а безапелляционные приговоры. Такие же вердикты я услышал четверть века спустя в некоторых выступлениях на Первом съезде советских писателей. Но в 1934 году мне было сорок три года, я успел кое-что повидать, кое-что понять; а в 1909 году мне было восемнадцать лет, я не умел ни разобраться в исторических событиях, ни устроиться поудобней на скамье подсудимых, хотя именно на ней мне пришлось просидеть почти всю жизнь. Для Х. обожаемые мною поэты были “декадентами”, “порождением политической реакции”. Он говорил об искусстве как о чем-то второстепенном, подсобном».

Это не отрывок из главы, а – вся глава. Все, что от нее осталось. Можно, конечно, предположить, что главу, написанную и первоначально предназначавшуюся им для архива, он по каким-то своим причинам решил уничтожить, оставив от нее только этот жалкий огрызок. Но я думаю, что никакой главы и не было – только он и был, один этот длинный абзац. Но даже если это и не так, важно, что и эту «архивную главу» он в конце концов тоже решил напечатать, хотя бы даже и ценой превращения ее в некое подобие ребуса.

Таких примеров жесткого писательского самоограничения (я бы даже сказал – самооскопления) я мог бы привести еще множество. Но приведу только один – самый разительный. Свой рассказ о «деле врачей» и обо всем, что последовало за газетным сообщением об этом «деле», Эренбург заключает так:

«События продолжали разворачиваться. Февраль оказался для меня очень трудным, о пережитом мною я считаю преждевременным рассказывать... Я попробовал запротестовать. Решило дело не мое письмо, а судьба».

Какое письмо? О чем? Кому?.. До этих загадочных строк ни о каком письме не было речи!.. Какое «дело» решила судьба? Поди пойми! А между тем за этими туманными намеками скрывается, быть может, самый драматический из всех драматических узлов, которыми была полна его долгая жизнь.

Иосиф Бродский в одном из своих прозаических сочинений (оно называется «Размышления об исчадии ада»), вспоминая о днях, предшествующих смерти Сталина, говорит, что маленькая их семья в те дни готовилась к отъезду.

«Ибо стало известно, что в результате “дела врачей” (в результате сомневаться не приходилось) всех евреев будут перемещать на Дальний Восток, чтобы тяжким трудом на благо своего социалистического отечества они могли искупить вину своих соплеменников – врачей-вредителей. Мы продали пианино, на котором я все равно не умел играть и которое было бы глупо тащить через всю страну – даже если б и разрешили; отца выгнали из армии, где он прослужил всю войну, и на работу нигде не брали; работала только мать, но и она держалась на волоске. Мы жили на ее зарплату и готовились к депортации, и по рукам ходило письмо, подписанное Эренбургом, Ботвинником и другими видными советскими евреями, которое гласило о великой вине евреев перед советской властью и которое со дня на день должно было появиться в “Правде”».

Сомневаюсь, чтобы такое письмо тогда «ходило по рукам». Но слухи действительно были. Правда, и слухи эти сильно отличались от того, что пишет Бродский. Но он жил тогда в Ленинграде, а я – в Москве. К тому же ему было тогда всего-навсего 13 лет, так что он вполне мог кое-что перепутать: на воспоминания о тех временах могли наложиться более поздние слухи и впечатления.

Мне было тогда – 26. Но и я не могу сейчас точно сказать, когда эти слухи дошли до меня впервые: в последние недели жизни Сталина или уже после его смерти. Но если и после смерти, то – вскоре. Слухов было много. Но все версии действительно сводились к тому, что вызвали тогда (в феврале 1953-го) куда-то наверх всех именитых советских евреев и предложили им подписать письмо, по сути оправдывающее и даже как бы обосновывающее необходимость высылки всех их соплеменников в места отдаленные. Еврейский народ, дескать, погряз в болоте сионизма, буржуазного национализма, а потому должен быть отправлен на «перевоспитание». Кто говорил, что именитых евреев, подписавших это письмо, минет общая еврейская участь. Кто, напротив, утверждал, что, подписав, они тем самым признались бы в своей готовности разделить ее. Это все более или менее совпадает с тем, что рассказывает Бродский.

А вот насчет того, что под тем письмом якобы стояла подпись Эренбурга, мне слышать не приходилось ни разу. Во всех доходивших до меня версиях утверждалось прямо противоположное: подписали будто бы все – и Ойстрах, и Дунаевский, и Ботвинник, и Левитан, и Рейзен, и Ландау, и Маршак, и Гроссман. Говорили, что самый главный еврей Советского Союза – Лазарь Моисеевич Каганович – и тот поставил под этим письмом свою подпись. И только Эренбург – единственный из всех! – категорически отказался его подписать. Рассказывали даже, что Каганович – сам, лично – звонил Эренбургу и уговаривал его подписать. Ничего не поделаешь, мол, надо. А то – еще хуже будет. Но Эренбург и тут устоял. Сказал, что не подпишет, пока сам Сталин не позвонит ему и не скажет, что надо.

Забегая вперед, могу сказать, что в одном из своих разговоров с Ильей Григорьевичем я попытался узнать у него, что в этих слухах было правдой, а что – легендой. Разговор на эту тему начался с того, что он – в какой-то связи – помянул Кагановича. Я спросил, правда ли, что Каганович тогда ему звонил? И вообще, сколько правды во всех этих слухах? От обсуждения главной темы он уклонился. Но разговор о Кагановиче продолжил охотно. В ответ на мой вопрос о том мифическом телефонном звонке он рассказал такую историю, относящуюся к временам более ранним, к 1932 году.

В один из своих приездов в Москву он оказался на даче Горького, на одной из тех встреч писателей с вождями – членами Политбюро, которые время от времени там происходили. Другие приглашенные писатели с вождями были уже знакомы, а он, Эренбург, был там человек новый (жил в Париже, в Москве бывал наездами), и каждый из вождей, знакомясь с ним, считал своим долгом сказать ему что-то приятное. И вышло так, что все (и Калинин, и Ворошилов, и все остальные, кто там был), не сговариваясь, повторяли чуть ли не дословно одну и ту же фразу:

– Только что прочел ваш новый роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». Так смеялся, так смеялся... Одно только вот меня тревожит: не будет ли эта ваша книга какой-то частью читателей воспринята как антисемитская?

Роман этот был не такой уж новый: в Париже он вышел в 1928 году. Но в Советском Союзе напечатан не был. Поэтому вожди, до которых он дошел с большим опозданием, восприняли его как новинку. Роман был озорной, далеко выходящий за рамки советской благопристойности. Да и не только советской. Нарушение приличий начиналось уже с заглавия, с фамилии главного героя. «Ройт» – это «красный», а «шванец» на идише означает примерно то же, что русский эвфемизм «хер».

Роман был написан с легким еврейским акцентом. Был он не только смешным, но и грустным. Лирическим и сатирическим одновременно. А жало художественной сатиры было направлено в самые разные стороны. И в советскую власть. И в еврейский местечковый быт, на фоне которого разворачивалась бурная жизнь Лазика Ройтшванца. Поэтому советские вожди, привыкшие все явления жизни, литературы и искусства определять исходя из своей системы ценностей, могли с одинаковым успехом принять (или высказать опасения, что другие примут) этот роман и за антисемитский.

Из всех вождей, высказавшихся в тот день о его романе, только один проявил некоторую оригинальность. Это был Лазарь Моисеевич Каганович. Когда черед знакомиться с Эренбургом дошел до него, пожимая Илье Григорьевичу руку, он сказал:

– Как же, знаю... знаю... Как раз только что прочел ваш новый роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца». Так смеялся, так смеялся... Одно только вот меня тревожит... – он озабоченно нахмурился. – Не будет ли эта ваша книга воспринята как проявление еврейского буржуазного национализма?

Выдержав небольшую паузу, Эренбург пожевал губами и сказал:

– Он уже тогда был готов.

Тогда я этим, понятно, не удовлетворился, но сейчас понимаю, что это, в сущности, и было ответом на тот мой, главный вопрос.

Вторую историю про Кагановича, которую я услышал от Эренбурга в тот вечер, Илье Григорьевичу рассказал лично Никита Сергеевич Хрущев. Разговор шел о так называемой антипартийной группе, и, вспоминая всех бывших своих соратников, Хрущев особенно «любовно» говорил о Кагановиче. О том, какой это был коварный человек.

Время действия – год 35-й.

Каганович, который был тогда секретарем МК, уходя на повышение в секретари ЦК, рекомендовал на прежнюю свою должность Хрущева, который до этого был секретарем Краснопресненского райкома. Вопрос был практически решен, оставалось только утвердить назначение Хрущева на Политбюро. Накануне заседания Политбюро Каганович провел с Хрущевым еще одну, последнюю беседу, и вот тут Никита ему признался, что в 1922 году, дуриком, проголосовал за какую-то троцкистскую резолюцию.

Каганович сказал:

– Это ерунда. Дело давнее. Ты был тогда еще молодой партиец, неопытный, не разобрался. Хорошо, что ты мне об этом сказал, но больше никому не говори. И на Политбюро не вздумай про это бражничать.

Перед самым заседанием Политбюро Хрущева принял Сталин. Хрущев ответил на все его вопросы, а под конец беседы (тоже – не пальцем деланный) все-таки рассказал про троцкистскую резолюцию, за которую когда-то сдуру проголосовал. Сталин молча кивнул. И вот – Политбюро. Каганович представляет своего подопечного. Аттестует его самым лучшим образом. Высоко оценивает его деловые и политические качества. А под конец вдруг говорит:

– Я должен сообщить членам Политбюро, что в 1922 году товарищ Хрущев проголосовал за троцкистскую резолюцию. Был он тогда молодым коммунистом, у него еще не было достаточного политического опыта, и я бы лично этому факту особого значения не придавал. Однако я все-таки не могу не отметить, что товарищ Хрущев от нас этот факт утаил. И даже сейчас, здесь, перед членами Политбюро он не счел нужным сообщить об этом прискорбном факте своей политической биографии...

Сталин внимательно посмотрел на своего ближайшего друга и соратника и сказал:

– Нам известен этот факт.

Пересказывая сейчас эти две эренбургские истории, я вспомнил один смешной то ли анекдот, то ли какой-то давно читанный (может быть, Шолом-Алейхема?) рассказ. Приезжает в какое-то еврейское местечко по своим коммерческим делам еврей-коммивояжер. Останавливается у местного раввина, которого ему рекомендовали то ли родственники, то ли знакомые. И дает ему на сохранение чтобы не носить их постоянно с собой, все свои деньги. Положим, пять тысяч рублей. Хозяин готов взять у него эту – огромную по тем временам – сумму, но при одном условии: они пойдут к соседям, составят в их присутствии соответствующий документ (расписку), все там распишутся, и только после этого он возьмет деньги.

– Да ладно, зачем это, – говорит приезжий еврей. – Я вам полностью доверяю.

– Нет-нет, – категорически отказывается хозяин. – Только с распиской, и только в присутствии свидетелей. И никак иначе.

Делать нечего. Приезжий соглашается. Они идут к соседям, пишут расписку, соседи заверяют ее своей подписью, прячут ее у себя, и только после этого раввин берет у жильца деньги.

И вот настает день, когда гостю пришла пора уезжать. Он прощается с хозяином, благодарит его за гостеприимство, за доброе отношение, за все услуги, которые тот ему оказывал, и просит вернуть ему его деньги.

– Какие деньги? – удивленно спрашивает хозяин.

– Ну как... Деньги... Пять тысяч, которые я вам дал на хранение...

Хозяин – с тем же хорошо разыгранным удивлением – говорит, что никаких денег он у него не брал, понятия о них не имеет, ни о чем подобном даже и не слыхивал.

– Ну как же, – растерялся гость. – Ведь мы же с вами ходили к соседям. И в их присутствии...

Идут к соседям. И соседи тоже, на голубом глазу, делают вид, что понятия не имеют ни о каких деньгах, впервые о них слышат. И ни о какой расписке тоже знать не знают и ведать не ведают. Гость понимает, что стал жертвой ловких жуликов. Уже ни на что не надеясь, он плетется с хозяином квартиры обратно, собирает свои вещички и собирается покинуть навсегда этот воровской притон. И тут, к величайшему его изумлению, раввин вынимает из какого-то своего тайника аккуратно перевязанную бечевочкой пачку ассигнаций и вручает ему:

– Куда же вы? Вот ваши деньги. Возьмите...

Запихивая дрожащими руками в карман свои деньги, которые он уже считал навеки потерянными, гость в растерянности спрашивает раввина:

– Зачем же вы устроили весь этот спектакль? Да еще и соседей в это зачем-то впутали?

Хозяин пожимает плечами:

– Просто я хотел, чтобы вы увидели, какие сволочи мои соседи.

Вот и Илья Григорьевич, рассказывая мне свои истории про Кагановича, преследовал, по-видимому, ту же цель. Он тоже хотел, чтобы я узнал, какой сволочью был этот ближайший соратник нашего вождя.

Но в том, что Каганович сволочь, я и раньше не сомневался. А на мой вопрос, звонил ли Каганович ему тогда и, если звонил, то говорил ли от своего имени или ссылался на поручение Хозяина, Илья Григорьевич так и не ответил.

Я понял его так, что – нет, не звонил. Но если бы Хозяин намекнул, что надо, – конечно, позвонил бы.

В зловещем сталинском сценарии, где завязкой было убийство Михоэлса, а кульминацией – дело врачей, Эренбургу предназначалась вполне определенная роль.

Но по ходу дела роль эта изменилась. И изменил ее он сам. Как это часто бывает в литературе, а в жизни – тем более, в какой-то момент персонаж вышел из-под авторского контроля. И сумел не только нарушить, но и разрушить первоначальный авторский замысел.

Во всяком случае, в этой истории Эренбургу выпало сыграть совершенно особую, никаким сценарием не запланированную роль. Отказавшись подписать письмо именитых евреев в редакцию «Правды», он написал свое письмо – и не кому-нибудь, а самому Сталину. В письме он объяснял, почему считает затеянную вождем акцию серьезной политической ошибкой.

Надо ли объяснять, что этот предпринятый Эренбургом отчаянный шаг был смертельно опасен. Но на этот счет существует и другое мнение.

На страницах «Лехаима» уже не раз возникала полемика с историком Г.В. Костырченко, который версию о готовящейся высылке советских евреев в места отдаленные называет депортационным мифом. Ссылается он при этом на то, что «несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницилирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка».

Этот аргумент историка неоднократно подвергался критике. Полемицировал с ним и я, говоря, что даже если никакие секретные постановления с подписями Сталина (или Маленкова, или Сулова) так никогда и не выйдут из тьмы архивов на белый свет, не мешает обратиться к многочисленным свидетельствам современников.

Сейчас к тем свидетельствам, на которые я уже ссылался, хочу добавить еще одно – небольшой эпизод из мемуаров Н.С. Хрущева:

«...Сталин ко мне обратился, я секретарь Московского комитета. Он говорит, надо, говорит, организовать, говорит, подобрать рабочих здоровых таких, говорит, и пусть они возьмут дубинки... Кончится рабочий день... Выходят, и пусть они этих евреев бьют там...»

Когда я послушал его, что он говорит, думаю: что такое, как это можно?.. Это погром, собственно. Я сам наблюдал это... Я помню... Это было позором, позором, и поэтому, когда Сталин сказал, вот чтобы палками вооружить и бить, я потом, когда мы вышли, значит... Берия говорит: Ну что, получил указания? Так иронически. Ты, значит, получил? Да, говорю. Говорю, получил указания. Да, говорю, мой отец неграмотный, не участвовал в этих погромах никогда, считалось это позором, говорю. А теперь вот мне, секретарю Центрального Комитета, дается такая директива...»

(Никита Хрущев. Воспоминания. Нью-Йорк, 1982. С. 193, 194)

Переписывая из книги этот рассказ, я нарочно взял американское издание, а не наше, потому что там речь Никиты Сергеевича воспроизведена без всякой редакторской ретуши, точно такой, какой она

сохранилась в магнитофонной записи. Я только позволил себе кое-где расставить знаки препинания. Так вот, переписывая этот простодушный его рассказ, сохраняющий все особенности и даже дефекты живой устной речи, я вдруг вспомнил: нечто подобное я уже слышал однажды. И сразу всплыло в памяти – где, когда, при каких обстоятельствах и в чьей передаче.

Всю эту историю рассказал нам с Лазарем Эренбург в тот самый день, когда мы ездили уговаривать его написать статью о романе Кочетова. В изложении Эренбурга этот рассказ, который он услышал от самого Хрущева, выглядел слегка иначе. В чем-то проигрывая, но в чем-то и выигрывая. Главный выигрыш состоял в том, что по пересказу Эренбурга точнее можно было установить время происходящего: было все это в одну из самых последних встреч соратников со своим вождем. И выразился Сталин (в изложении Эренбурга) будто бы так:

– Я не понимаю, почему рабочие в конце рабочего дня не избивают евреев!

В пересказе Эренбурга отсутствовала реплика Берии и ответ на нее Хрущева. Рассказывая эту историю Эренбургу, Хрущев сказал, что это было так страшно, что все они, оцепенев, молчали. И выйдя от него, так были ошеломлены этой сталинской «директивой», что никто из них не произнес ни единого слова: сделали вид, что ничего этого как бы не было.

Костырченко в своей книге о тайной политике Сталина делится с нами такими своими мыслями о сложной и противоречивой натуре бывшего вождя:

«По складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической амбивалентности, которая, возможно, и ускорила его конец. Показателен в этой связи эпизод, описанный композитором Т.Н. Хренниковым. В конце 1952 года Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно заявил: “У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!”»

(Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. С. 678)

Если бы, вспомнив это ценное свидетельство Т.Н. Хренникова, автор «Тайной политики Сталина» не прошел и мимо свидетельства другого, не менее важного свидетеля – Н.С. Хрущева, ему, быть может, пришли бы в голову на сей счет и какие-то другие мысли.

Я вот, например, подвергнув этот рассказ Никиты Сергеевича небольшому «домашнему анализу», снова – в который уже раз! – подумал, что Сталин вовсе не был ни патологическим антисемитом, ни тяжелым параноиком. А был он всего лишь политиком. Политиком, правда, совершенно особого склада.

В этой его «директиве» секретарю МК я вижу отчетливый след все того же плана, того же гениального сталинского сценария: под воздействием все нарастающей антисемитской пропаганды в стране повсеместно начинаются эксцессы, самые что ни на есть настоящие еврейские погромы, и тогда вождь, сохраняя верность принципам пролетарского интернационализма, дает указание выслать уцелевших лиц еврейской национальности в места отдаленные, спасая их от справедливого народного гнева.

Тут я слышу раздраженный голос читателя:

– Да что вы привязались к этому Костырченко? Может быть, все дело просто-напросто в том, что он плохой историк!

Да нет! В том-то и дело, что не такой уж плохой. Обыкновенный!

Просто он не жил в то время, а я жил. И поэтому мне просто смешно читать вот такие его рассуждения по поводу письма, которое Эренбург написал Сталину, обосновывая свой отказ подписать обращение именитых советских евреев в редакцию «Правды»:

«Поддержать обращение в “Правду” должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, ученых, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения. Однако в ходе сбора их подписей, в котором активную помощь сотрудникам ЦК и редакции “Правды” оказывали академик Минц и начальствующий журналист Хавинсон-Маринин, произошел некоторый сбой: Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем ряду, заявив Сталину, что он не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства и потому должен быть обозначен отдельно. Коллизию эту разрешили быстро, предоставив Кагановичу копию письма, которую тот и подписал как персональное обращение в “Правду”... Возникла и заминка с Эренбургом, который, прежде чем поставить свой автограф, решил заручиться благословением Сталина, направив ему записку, в которой как сторонник полной ассимиляции евреев намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку... Что ж, будучи искусным пропагандистом сталинской политики на Западе, Эренбург был очень ценен для режима и потому, особенно не тревожась за свою безопасность, мог позволить себе некоторые вольности... Незадолго до того он немало потрудился, прикрывая от критики Запада шовинистическую политику Сталина».

(Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. С. 680, 681)

К этому письму Эренбурга Сталину, его содержанию и роли, которое оно сыграло в дальнейшем развитии событий, я еще буду возвращаться не раз. Сейчас же хочу только обратить внимание на поражающее своей наивностью заблуждение автора насчет того, что человек, который «был особенно ценен для режима», мог позволить себе некоторые вольности, «не тревожась за свою безопасность». Ведь главная особенность режима, созданного Сталиным, как раз в том и состояла, что в стране не было ни одного человека – это не

метафора, буквально НИ ОДНОГО! (включая, кстати, и самого Сталина), – который мог бы не тревожиться за свою безопасность.

Чтобы это мое утверждение не выглядело голословным, приведу рассказ К.М. Симонова о XIX партсъезде, последнем, на котором присутствовал и выступал Сталин.

Константин Михайлович, к свидетельству которого я сейчас хочу обратиться, был на том съезде сперва рядовым делегатом. И первую речь Сталина (не ту официальную, что была напечатана в газетах, а совсем другую, никогда не публиковавшуюся) он слушал вместе со всеми делегатами съезда:

«Говорил он от начала и до конца все время сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, – все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению, частицу этого оцепенения я испытал на себе. Главное в его речи сводилось к тому (если не текстуально, то по ходу мысли), что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что делал он...

Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо».

Поговорив немного о своей старости, Сталин, как свидетельствует Симонов, совсем уже свирепо заговорил о Молотове и Микояне. Что именно он о них говорил, не так важно, поэтому эту часть симоновского рассказа я опускаю и прямо перехожу к той его части, где говорится, как собравшиеся в том зале эту сталинскую речь слушали.

«В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица. Они не знали так же, как и мы, где и когда, и на чем остановится Сталин, не шагнет ли он после Молотова, Микояна еще на кого-то. Они не знали, что еще придется услышать о других, а может быть, и о себе. Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они – сначала Молотов, потом Микоян – опустили один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там – Молотов дольше, Микоян короче – пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться...

После той жестокости, с которой говорил о них обоих Сталин, после той ярости, которая звучала во многих местах его речи, оба выступавшие казались произносившими последнее слово подсудимыми, которые, хотя и отрицают все взваленные на них вины, но вряд ли могут надеяться на перемену в своей, уже решенной Сталиным судьбе. Странное чувство, запомнившееся мне тогда: они выступали, а мне казалось, что это не те люди, которых я довольно много раз и довольно близко от себя видел, а белые маски, надетые на эти лица, очень похожие на сами лица и в то же время какие-то совершенно не похожие, уже неживые. Не знаю, достаточно ли я точно выразился, но ощущение у меня было такое, и я его не преувеличиваю задним числом».

Но это было еще только начало. Главное случилось потом, когда съезд закончил свою работу и собрался пленум только что избранного нового Центрального Комитета. Симонов стал на том съезде (как он пишет, это явилось для него полной неожиданностью) кандидатом в члены ЦК, и все, что происходило на том «судьбоносном» пленуме, он слышал собственными ушами и видел собственными глазами.

Вот его рассказ.

«... Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить... Сталин, говоря эти слова, смотрел на зал, а сзади него сидело Политбюро и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание. И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение – не то чтобы испуга, нет, не испуга, – а выражение, которое может быть у человека яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя... Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже из-за спины Сталина слова: “Нет, просим остаться!” или что-то в этом духе, зал загудел словами: “Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!” Не берусь приводить всех слов, выкриков, которые в этот момент были, но, в общем, зал что-то понял и, может быть, в большинстве понял раньше, чем я. Мне в первую секунду показалось, что это все естественно: Сталин будет председателем в Политбюро, будет Председателем Совета Министров, а Генеральным секретарем ЦК будет кто-то другой, как это было при Ленине. Но то, чего я не сразу понял, сразу или почти сразу поняли многие, а Маленков, на котором как на председательствующем в этот момент лежала наибольшая часть ответственности, а в случае чего и вины, понял сразу, что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что это проба, прощупывание отношения пленума к поставленному им вопросу – как готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря...

Когда зал загудел и закричал, что Сталин должен остаться на посту Генерального секретаря и вести Секретариат ЦК, лицо Маленкова, я хорошо помню это, было лицом человека, которого только что миновала

прямая, реальная смертельная опасность... Почувствуй Сталин, что там сзади, за его спиной, или впереди, перед его глазами, есть сторонники того, чтобы удовлетворить его просьбу, думаю, первый, кто ответил бы за это головой, был бы Маленков; во что бы это обошлось вообще, трудно себе представить».

(Константин Симонов. Глазами человека моего поколения. М.: 1989. С. 245, 246)

Вот теперь и судите сами, мог ли Эренбург не опасаться за свою безопасность, когда сочинял и посылал Сталину свое письмо, в котором пытался объяснить ему абсурдность и опасность акции, затеваемой – тут не могло быть ни малейших сомнений – по его (Сталина) личному указанию.

– Нет, совсем не обязательно. Многие очень хорошие режиссеры никогда не играли на сцене либо играли в юности, в ранней молодости. Примеров приводить не буду. Если соотносить режиссера с какой-то другой профессией, то это, скорее всего, – композитор. Это дирижер. Это, скорее всего, не актер, а архитектор...

Пусть не покажется обидным, но по-моему, артист – это исполнитель, а режиссер – сочинитель. Я не раз, даже на репетициях, на занятиях, высказывал мысль о том, что артист существует только во времени. Все, что будет после него, превратится в легенду, байку.

И еще по теме «режиссер – актер». Я всегда считал, что талантливый актер не будет искать причину своих неудач в режиссере, равно как режиссер, любящий свое дело, найдет в актере то, что он сам в себе не всегда или вовсе не видит.

Райхельгауз слывет режиссером-деспотом, таким свирепым Карабасом-Барабасом. Не скрою, я «подслушал» несколько его репетиций и всего этого не узрел, даже не заподозрил. Но, может быть, деспотизм необходим режиссеру? В сегодняшней Москве нигде нет такого «звездного» коллектива, как в «Школе современной пьесы». Не назову в подтверждение этому ни одного имени – боюсь кого-то упустить. И все же о режиссерском деспотизме я спросил у Иосифа Леонидовича. Он улыбнулся:

– Начну с того, что я циник. Уверен, это нужно режиссеру. Когда я работаю с актерами, больше всего думаю об их возможностях, об их таланте, чего можно от них добиться в том или ином спектакле. И все остальное, скажем, красота, возраст, характер, меня, если и интересуют, то гораздо меньше. Когда-то Анатолий Васильевич Эфрос давал определения нам, своим ученикам. Так вот, обо мне, знаете, как он отозвался? «Райхельгауз – это наивный нахал». Думаю, что после сказанного разговор о моем деспотизме уже теряет смысл.

Впрочем, все равно понятно, что создать театр со своим репертуаром, своим «лицом», театр, признанный не в одной России, но и за ее пределами, мог только человек, обладающий сильным характером.

Ему еще не исполнилось шестнадцати, когда он случайно попал в Одесский ТЮЗ, популярный в городе театр. Первой его работой на сцене была роль петлюровца в пьесе «Как закалялась сталь». Там же он играл лирических героев. За два года до этого, в четырнадцать лет, он громкогласно объявил в семье о том, что не хочет больше учиться в школе. «Тогда отец привел меня на свою автобазу и оформил электрогазосварщиком. В жару, лежа на асфальте, я сваривал железяки. Так отец установил систему координат и точку отсчета...»

После Одесского ТЮЗа был театральный институт в Харькове, откуда юный Райхельгауз вскоре был отчислен «за профнепригодность». Немногим позже уехал в Ленинград, поступил в театральный институт. И из него был исключен с той же формулировкой. Мама приехала в Ленинград, чтобы выполнить указание отца: привезти Иосифа в Одессу, пусть возвращается на автобазу. «Представьте себе, каково было вернуться в Одессу и всем родственникам и знакомым рассказать, что меня выгнали... Мы с мамой сидели в номере гостиницы “Октябрьской”, она обдумывала, как поступить, и все время плакала. Как раз в эти часы я сочинил маленький литературный этюд “Капли дождя”...»

*- Υοί ἀδῖά-οἰαὸὲ, ἀδῖά-ι ὀπίεά, ἀδῖά-εὐὸἀδῖαὸὲ
В ἀἀδῖά ἰά ἰἀἀῖά Νῖε:-ἀῖεἀεἀὸῖῖ, -ὸί ἀἀὸῖῖἀὸὲ
ἀῖεῖ ἀῖά ἰῖ-ἀδῖά ἰ ὲ:-ὲά..*

«Ночь. Тихо. Стучат капли о жезь окна – в комнату стучатся. Огни в окнах напротив. Зачем они, ведь люди должны спать? Где-то далеко-далеко оставшийся в живых паровозик отбивает последние песни свои. Посмеиваясь над ним и не дав на себя взглянуть, пропел самолет.

Ночь. Тихо. Стучат капли о жезь окна – в комнату стучатся. Вдруг звонок. Поднимаю трубку – на том конце ошиблись.

Ночь. Тихо. Плачут капли на жести окна – в комнату просятся... Эй, на том конце! Ошибитесь еще раз! Я вам стихи читаю».

«Я уговаривал маму оставить меня в Ленинграде, но у нее уже было два билета в Одессу. Представьте себе, как было трудно что-то изменить. Но мама, водившая меня в детстве в музыкальную школу, наверное, сердцем поняла, что нельзя, не следует меня забирать из Ленинграда. Если бы не решительность мамы в те дни, я не был бы тем, кем стал сегодня».

Иосиф Леонидович однажды сказал: «Мой девиз: “отпусти судьбу” и тогда повернешь туда, куда нужно. Чаще всего я поступаю именно так. Ведь в театре “Современник” я оказался тоже волею случая, волею судьбы. Но когда Галина Волчек и Олег Табаков пригласили меня в “Современник” штатным режиссером, – я был самым счастливым человеком на свете...»

А в Одессе я учился на четвертом курсе ГИТИСа, когда режиссер Владимир Пахомов позволил мне поставить в своем театре пьесу Арбузова “Мой бедный Марат”. К тому времени она обошла уже едва ли не все театры СССР, а в Одессе была поставлена впервые и, конечно же, произвела такой фурор, который можно произвести только в Одессе. Среди “комментариев” запомнил один: “Какой-то студент из Москвы с невозможной фамилией Райхельгауз выпустил в нашем Одесском театре имени Октябрьской революции жуткий спектакль “Мой бедный Марат”. И был этот комментарий в главной одесской газете “Знамя

коммунизма”. Поверите или нет, но именно после постановки “Бедного Марата” в Одессе у меня впервые возникла идея о создании театра современной пьесы».

Я заинтересовался: не мешает ли р

ежиссеру фамилия Райхельгауз? Вот что он мне ответил: «Если бы я поменял фамилию, то считал бы это предательством по отношению и к отцу, и к деду. Дед искренне считал Талмуд не только главной, но и единственной книгой в жизни. То есть вопрос театрального псевдонима для меня никогда не существовал. Вы не первый, кто меня об этом спрашивает. Когда-то подобный вопрос мне задал Дмитрий Дибров. И знаете, как я ответил? “Райхельгауз – это мой псевдоним. Я взял его давно, настоящая моя фамилия – Алексеев” (как известно, это фамилия Станиславского). Шутка эта получила распространение, но повторяю: от своей фамилии, от своих предков не отказывался и не откажусь».

Ощущал ли Иосиф Леонидович антисемитизм?

«Покривлю душой, если скажу, что не ощущал. Я не раз в прежние годы – в особенности в молодости, ощущал на себе неприкрытый антисемитизм. До 1989 года был “невъездным”, хотя работы мои шли во всем мире. Я ненавидел и до сих пор ненавижу коммунистов за тот лицемерный режим, который существовал при них, за их игры в дружбу народов. Волнует ли меня еврейская тема? Как вы уже поняли, от своего народа, от своей фамилии я не отказываюсь, но я – человек русской культуры, русского искусства. И всегда говорю об этом вслух.

Ощущаю ли антисемитизм сегодня? Наверное, да. Но в моем творчестве это мне не мешает. Я даже думаю, что это хорошее противодействие, контрапункт, который дает возможность находиться в форме».

«E maeaei ep, y ia maeaii

ni oeei ui. I i i tai oi iae ep, aiee e getaeio ai mai aie ei u.

B au i tai deaioe aai iai aei ei oi de: aiee i dei adia a i iao aade aai ea yo i i a Neaeo o ae: getaeio ai i a: ei aoi y oi aia, ei aia epae caai aap o aai y ou cai i aiae»

Однажды я пригласил И. Райхельгауза встретиться со студентами Педагогического колледжа имени Маршака, директором которого являюсь. Он охотно согласился. Большой актовый зал оказался переполненным. Конечно, самым интересным эпизодом этой встречи, длившейся почти два часа, было чтение Райхельгаузом стихов Пушкина, Тютчева, Багрицкого, Окуджавы. И хотя сам Иосиф Леонидович себя актером не считает, в действительности так чувствовать поэзию и читать стихи может только истинный, прирожденный артист. Верю, когда-нибудь будет выпущен диск «Читает Иосиф Райхельгауз». Маэстро ответил на десятки вопросов студентов, и в каждом звучала мысль о близости профессий педагога и режиссера. Возник вопрос о гении и злодействе. Иосиф Леонидович ответил однозначно: «К сожалению, я не согласен с Пушкиным. По моему мнению, гений и злодейство совместимы. Я бы мог привести вам немало исторических примеров в подтверждение этому. Скажу так: злодейство начинается тогда, когда люди забывают десять заповедей».

Кто-то спросил, может ли художник быть плохим человеком. На что Иосиф Леонидович ответил не задумываясь: «Да. Но в этом случае словосочетание “плохой человек” требует особого разъяснения. Настоящий художник настолько уходит в себя, углубляется в свое дело, что становится крайне и откровенно нетерпимым ко всему и ко всем, что мешает его работе, и поэтому может показаться плохим, невыносимым человеком».

Не представляю себе сегодняшнюю Москву без этого театра на углу Неглинки и Трубной; без человека, который им руководит и благодаря которому в нем царит совершенно особая атмосфера. Незабываемая. Делаящая театр непохожим на другие.

*Èàèìé àùèà á ìíáúúá àá
ìíçüàì èé -
Áá á èàíèàèè èèè áàèáàèè?..*

В самом начале Великой Отечественной войны жена Меера, писательница Ревекка Рубина, дочь и теща были эвакуированы в Тамбов – город, куда семья старших Аксельродов попала еще в первую мировую войну. Сам художник остался в Москве и трудился над антифашистскими плакатами и иллюстрациями к Окнам ТАСС. Вскоре режиссер С. Эйзенштейн пригласил его для работы над фресками для знаменитого фильма «Иван Грозный»; съемки шли на «Мосфильме», эвакуированном в Алма-Ату. В Алма-Ате воссоединилась вся семья Меера. Художник создал там серию рисунков «Зверства немцев», писал пейзажи, портреты, сюжетные полотна. В 1944 году в Алма-Ате устроили его персональную выставку. В том же году он с семьей возвратился в Москву. Здесь ему пришлось соглашаться на любые заказы; к примеру, для одного из московских институтов от нарисовал огромное панно – наглядное пособие «Разделка мясных туш».

После войны М. Аксельрод несколько лет иллюстрировал прозу Шолом-Алейхема. По-прежнему много ездил. Так появились пейзажи Крыма, Кавказа, Центральной России, позже – Вильнюса, Риги, Таллина, Закарпатья. В 60-е годы им была создана серия «Гетто». Она состоит из шести частей. Среди женских лиц на картинах угадываются лица его жены и дочери, как бы символизирующие причастность оставшихся в живых к пережитому евреями.

В 1966 году в Москве открылась групповая выставка пяти художников (М. Аксельрод, М. Горшман, А. Лабас, А. Тенета, Г. Шульц). Работы Аксельрода были на ней представлены очень широко. Художник ежедневно посещал выставку. Нервное напряжение, волнение, усталость, бесконечные встречи сказались на его здоровье: сразу после закрытия выставки он попал в больницу.

*Èèíò ù òàì àðèíèà èðáíí ùá
Èýáíì ìíòòòáò æáí ù.
Òèí-èè Ñòááí áè Áçèè
Çííáì íáíææáí ù...
Ñòáí ù áíí ùòí èèè ðááííò ùç,
Çà í èá-àì è ì í èáíèà çàááí ùç.
Áíò ìíí - ì áááç ðáíò ááèó
Ñì ìòðýò òðè ì í èí èáí ùç.
À ñòáòíè óááí æí èè á áí èíí èòá-
xàò ù ðá áí èúò ìòáí ù.
Ñòáòíè óááí æí èè á áí èíí èòá
Ñì ìòðèò áàòíèèá ìí ù.*

Последние два-три года жизни М. Аксельрод работал с огромной отдачей. Серия картин «Воспоминания о старом Минске» – ностальгия по временам молодости. Художник использовал давние свои акварельные и карандашные наброски. В эту же пору написаны превосходные пейзажи Крыма и Подмосковья...

Скончался Меер Аксельрод в 1970 году. После его смерти, по словам Елены Аксельрод, «музеи будто спохватились и бросились покупать его работы, за ними начали охотиться коллекционеры, отечественные и иностранные». В нашей стране произведения Аксельрода именно тогда приобрели Третьяковская галерея, Русский музей, Музей изобразительных искусств им. Пушкина и множество провинциальных музеев. В 1972 году в Москве прошла первая большая ретроспективная выставка.

*...Ááá ìíí íèáí ùç ñèèò?
Ááá ñè-àò ù íà òíðáí?
Òù ìòèèèááí èèèò,
Çàòáðýíí ùé áíí ááí
Òù áðííèòù èèèòù íá ìí íá
Í áðáá òíèèò ìí óíí èè.
È çááò òíèèèí Á-á
xòí ìí á òááý ááí òí èè.*

В 1993 году в Иерусалиме появился альбом «Meer Akselrod». Альбом репродукций. Составитель и автор текста – дочь Елена.

Разумеется, Меер Аксельрод очень хотел, чтобы его единственная дочь, у которой были бесспорные способности к рисованию, стала художником. Но, она, как сама признается, «сдуру не поддавалась, ленилась». Отец смирился лишь тогда, когда у Елены обнаружился явный литературный талант. Да и было в кого! Ведь ее мать – прозаик и литературовед, а дядя – поэт. Елена окончила филологический факультет педагогического института. Она автор шести сборников лирических стихотворений. Писала стихи для детей, переводила поэзию и прозу. Ее работы печатались во многих журналах и альманахах: «Новом мире», «Юности», «Дружбе народов», «Континенте», «Апреле», «Дне поэзии» «Новом журнале», «Иерусалимском

журнале)... Стихи Елены Аксельрод входят в российские и американские антологии русской поэзии. С 1991 года она живет в Израиле.

*...B è óüýí èà èç ðíää Ááðáàí à
Èèöîí ááèà è ìíì ùñéíí -èñòà
B ñáíí èòèà, ý äðþ íò ñðàí à
B áèèáí ñèéó ì áñòá-áé í èùáòà,
Ááá èáñéí áùá ñáá-è í áá ñááí ò í þ,
Ááá ì àòù óüá è ñèèèéí ò í èñò
Oáéí áá,
B òà, í à -üèó èíòí í òüýó çáçáü
æáèòüá
Áçíéáóò í áí áæáü è ì áí ý ñáéáò...*

Елена – лауреат премии Союза писателей Израиля, член ПЭН-клуба. О ее творчестве выдающийся писатель Григорий Канович сказал, что ему присущи «сила неподдельной... исповедальности, чуткость к малейшим движениям души, умение в обыденном, неприметном увидеть отражение всемирных тревог и забот», что оно отмечено «высоким мастерством»...

Е. Аксельрод часто бывает в Москве, и тогда в столице проходят ее творческие вечера. В октябре 2002 года состоялась презентация новой книги стихов поэтессы в выставочном зале на Солянке, где были представлены также и картины ее отца из нескольких московских музеев. А в Литературном музее, в то же приблизительно время, открылась выставка работ ее сына, Михаила Яхилевича. Внука Меера Аксельрода.

*«Áüá -æíááé,
èí òí ðíá í ááí èþáèòü», -
Ñèáçæé ì í è í òáá,
èí ááá ì í ýáèéñý áí óé...*

Михаил окончил постановочный факультет школы-студии МХАТа. Рисовать он начал еще в детстве, разумеется, под руководством деда. Оформил более 50 спектаклей в театрах России, Казахстана и Израиля. В Израиле живет с 1991 года. Его живописные работы выставлялись во многих странах. В Израиле Михаил Яхилевич основал группу художников «Месилот» и руководит ею. В 2000 году он стал лауреатом премии Иерусалимского фонда имени Булата Окуджавы, которая вручается деятелям искусства, выходцам из России, за особый вклад в дело интеграции репатриантов в израильскую действительность.

Выставка в Литературном музее была посвящена вышедшей в Израиле книге «Стена в пустыне», созданной М. Яхилевичем вместе с матерью: стихи на ее страницах чередуются с его живописными работами. В предисловии писательницы Дины Рубиной к «Стене в пустыне» говорится: «Новая книга стихов Елены Аксельрод полна исконным и неистребимым трагизмом – трагизмом существования человека на земле – “меж стеной и тучей”, трагизмом, преследующим каждого из нас и делающим эфемерным любое благополучие».

Название сборника метафорично – речь ведь идет об отчуждении, об одиночестве. Оно стало в какой-то мере и пророческим, ибо через год после выхода книги государство Израиль воздвигло стену между иерусалимским районом Гило и палестинской деревней, откуда террористы обстреливали этот район. Муниципальные власти пригласили Михаила Яхилевича с группой израильских художников (А. Баратынский, Л. Зарембо, М. Моргенштейн, С. Островская, Ю. Шульман, Е. Ямпольская) сделать росписи на «защитной» стене. На московской выставке, кроме многочисленных живописных работ М. Яхилевича, были представлены и фотографии этих росписей.

Меер Аксельрод своим творчеством обогатил еврейскую культуру; его потомки, дочь и внук, вносят в нее свой собственный заметный вклад.

Да не будет он помянут

Ī ēōāēē Yāēūōōāēī

*Ēñāyēūōōāī ēā
Ōīōōāāā ēēñēōōñā
Āī āōēēāīī-ēōāēēūñēēē
ōāōñīōēōī.*

хāñ «х».

*Ñīāñāī āīīāyī ēōñāy
āīōēāōōēōāēīāyī ūñēū —
Ī. : Āēēāy, 2003 — 207ñ*

*хōīīī fāēō āūōūāīēāāāāōēēñēēī, ÷āī ...
ñōīī āīīññāōīīīōī-ōāīīūōēīēāēē,
īīāāīāyūēō āāōōīīāōāīāāīāī ā-āīīūēōāēñ?
Ē. Ōāī ēōñī Ā. Īñī āōāīōā*

*Ē ēīōāññāīāīāññā āyōñī āñāīūāōī, ÷ōīīīī - āñāīūā
īōīāññāñ āīīññāññāññāññā
Ī. Āēēñēīā*

Че Гевара умер, но комплекс его живет. Всегда существовали люди, которые не желают и не умеют взрослеть, которые хотят «отказаться от своего возраста и поколения» и до старости играть в подростков Савенко, как взявший псевдоним «Лимонов». Люди, которые помнят только одно: надо всегда быть против, хотя они давно уже забыли, против – чего? Люди, которые способны сказать о себе «я все время шел на гребне революции» – и не почувствовать ни пошлости этой фразы, ни пошлости такой жизненной позиции.

Они считают, что им известен рецепт вечной молодости и не устают напоминать читателю о своих молодых подругах. «Русые волосы Алисы развевались на ветру, как знамя» – чем это хуже баек Лимонова про девочку-панка? Пошловатое, конечно, ну так и Эдичка вовсе не эталон вкуса.

Впрочем, разбирать стилистические красоты И. Шамира мне хочется меньше всего. Что бы ни говорили его клакеры, он вполне посредственный публицист, мостящий сомнительными красотоми дорогу от штампа к штампу. Да и не в стиле дело. Прочитав любые его 10-15 страниц, вы знаете содержание остальных двухсот наизусть. Занудство неизбывное. Единственное развлечение – по первым строчкам очередной статьи угадывать, что там будет дальше. Хотя и это забавно так себе – ошибиться-то невозможно.

Оно, собственно, и понятно: левацкий дискурс за пределами листовки абсолютно непродуктивен, поскольку не предполагает развития мысли. Его теоретики лет сорок мусолят два с половиной нехитрых тезиса, устаревших еще до рождения. Поэтому леваки всего мира похожи друг на друга, как счастливые семьи. Их мир черно-бел до полной безоттеночности. Они до сих пор рассказывают друг другу об угнетателях и угнетенных, эксплуататорах и эксплуатируемых, империализме и поработенных народах, буржуазии и пролетариате. Насущная проблема современности – как относиться к Чечне исходя из взглядов Ленина на национальный вопрос. «Давно мне не приходилось читать таких книг», – сокрушается, рецензируя «Хозяев дискурса», Саша Брумел в «Русском журнале». Давно, Саша, ох, давно – эдакого уже лет двадцать не издавали, спрос хромал.

А ведь было время – дядюшка Сэм с крючковатым носом и пальцами, как у Фредди Крюгера, скалился с каждого прилавка. А рядом она, заветная, – брошюрка «Осторожно, сионизм!» Жаль, Клим Петрович Коломыйцев из галичевой песни не дожил до наших дней – «Гилея» непременно тиснула бы полное собрание речей классика «мировой антибуржуазной мысли» в соответствующей серии – между Изей Шамиром и каким-нибудь виртуальным индейцем. А то что же это – распустились все. У меня вон компьютер слово «антибуржуазный» все норовит подчеркнуть. Исключительно несознательная машина...

Так вот, о Шамире. Спорить с ним по существу – занятие абсолютно бесполезное. Конечно, его книга – это мешанина из откровенной лжи, полуправды и вырванных из контекста фактов. Но доказать тут ничего нельзя, поскольку простейшие логические законы в этом мире не действуют. Поклоннику Шамира ничего не стоит в развитие тезиса об «израильской прессе, давно переплонувшей сталинскую “Правду” по части пропаганды и официоза», сослаться на информацию из ведущей израильской газеты «Гаарец». Зачем следить за руками – Брумел и так во всем согласен с Шамиром. Шамир – с Брумелем. А Цветков и Тарасов – с ними обоими. Полный консенсус. Точно как в старых «Куклах»: «Пора объединяться! Как, вы уже объединились? А с кем? Со мной? А я с вами. Мир тесен!»

Основное свойство левацкого дискурса, основанного, как и всякая пропаганда, на внушении, а не на убеждении, – превращение строгих терминов в пустые означающие, в полые оболочки, заполняемые любым содержанием по желанию автора-иллюзиониста. Вот, например, рассказывает Шамир из статьи в статью о «геноциде палестинцев». И бесполезно спрашивать, что же это за странный геноцид такой, в результате которого за пятьдесят лет численность уничтожаемого народа многократно возрастает?! Ведь у Шамира уже наготове новый оборот, совершенно бессмысленный, но хлесткий, а главное, очень практичный – «ползучий холокост». Холокост этот может ползти сколько угодно, Шамир не стесняет его конкретными сроками, это не немецкое плановое хозяйство. А наш автор тем временем будет ездить по миру с лекциями о зверствах сионистских агрессоров.

«Борьба с оккупантами – это не классическая и даже не вольная борьба, это в первую очередь убийство солдат оккупационной армии, а во вторую – убийство гражданских лиц страны-оккупанта». То есть и самого Шамира, и той самой Алисы с русыми волосами. Смело. Впрочем, Шамир не любит тель-авивские ресторанчики, которые того и гляди взорвут «борцы с оккупантами». Он предпочитает кафе в столице Палестинской автономии Рамалле: там «замечательный арак и десятки закусок». Выйдя из кафе, он напишет статью, в которой с восхищением расскажет, как португальский нобелиат Сарاماго сравнил израильских солдат с нацистами, а Рамаллу, где Арафата несколько дней продержали под домашним арестом, – с Освенцимом. А получив за статью гонорар, вернется к своим арабским друзьям – неторопливо потягивать арак в безопасном освенцимском кафе.

Шамир & Со хорошо усвоили главное правило пропаганды: все зависит от «выбора слов», лексика – всегда важнее синтаксиса. Достаточно назвать террористов, взрывающих рейсовые автобусы, «партизанами», их руководителя – «дряхлым стариком-инвалидом», гнездо террора – «мирным и беззащитным городом», превращенным в Аушвиц, а солдат правительственной армии – «оккупантами», чтобы картина мира резко изменилась. Поэтому леваки традиционно придают больше значения плакатной экспрессии высказывания, чем его логической непротиворечивости. Публицистика Шамира всегда строилась именно по такому рецепту.

Итак, в Нью-Йорке большинство белых – евреи; в США – диктатура, подобная сталинской и гитлеровской; дома в Москве и тель-авивскую дискотеку «Дольфи» взорвали израильские спецслужбы (по другой версии, московские взрывы были заказаны «высокопоставленным россиянином»: источник информации – «доктор Борис Березовский»); Буш – член организации под названием «Церковь Антихриста»; главный компонент идиша – турецкий... Да, этот «левый марш» производит клиническое впечатление, если подходить к нему с классическими представлениями о норме и ее нарушениях. Но на людей, способных критически отнестись к прочитанному тексту, это и не рассчитано.

Поклонники Шамира, да и вообще благодарные потребители левацкого чтива, делятся на две группы. Первая – люди из той же тусовки, заранее готовые принять на веру все, что скажет «свой». Вторая группа состоит из тех, для кого работы Шамира стали откровением в силу слабого знакомства с предметом разговора. Конечно, если впервые узнать о реалиях Ближнего Востока из книги Шамира, то в ней вполне можно усмотреть и «педантичность», и «точность», и опору на «авторитетные источники». Чем еще можно объяснить четыре фактические ошибки, виртуозно втиснутые сетевым рецензентом в одну короткую фразу об «интифаде, начатой арабами после посещения премьер-министром Израиля Э. Бараком священной для них мечети Аль-Аксы в сопровождении тысячи охранников»? На случай, если тому же автору захочется еще что-нибудь написать на эту, совершенно неизвестную ему тему: не премьером, а лидером оппозиции, не Барак, а Шароном, не Аль-Аксы, а Храмовой горы, и, конечно, без «тысячи охранников». И не «Волгу», а сто рублей, и не по лотерее, а в преферанс... Сочувствую дикторам Армянского радио, нелегко им приходится.

Впрочем, рецензент не так виноват, как может показаться на первый взгляд. То есть Барака с Шароном он, конечно, самостоятельно перепутал, но на страшилках про то, как Шарон «ворвался в мечеть», стоит копировать Шамира. Не виноват автор отзыва еще и потому, что просто подпал под обаяние шамировского метода – в промежутках между фантазиями писать по памяти, не усложняя себе жизнь проверкой того, о чем говоришь. Вот, например, загадка – что это такое: «Еврей-финансист купил себе титул лорда и вместе с ним – легенду о чудовищном ухе»? Не узнали? Не расстраивайтесь, я тоже не сразу узнал. А это Шамир пересказывает рассказ Честертона «Лиловый парик». Айзек Грин, правда, не еврей, не финансист и ничего не покупал. Но в остальном – все так.

С литературой у Шамира, пожалуй, еще хуже, чем со всем остальным. Я даже не об оценках и мнениях вроде: Сорокин – лучший писатель в мире, а «На смерть Жукова» Бродского – «вершина русской патриотической поэзии, восполняющая “Маршалов” Куняева». Никакой полемики, факты и только факты. «Мандельштам, Пастернак и Бродский приняли православие», Коржавин – бард, а письмо Че Гевары – «маленький кусочек пелевинского “Чапаева и Пустоты”». При всем при том Шамир вовсе не недоучка какой-нибудь: языки знает, «Улисса» переводил и русский Агنون – его заслуга. Но зачем стараться, если пишешь для тех, кто тебе и так верит?

На самом деле, конечно, проблема не в Шамире и не в шамирах, проблема – в нас. Леваки на глазах становятся подлинными «хозяевами дискурса». Вернуть в застольной светской беседе цитатку из Ульрики Майнхоф – ах, как это стильно. В модном «Фаланстере» весь коридор увешан рекламой шамировского шедевра. Газетные обозреватели как один утверждают: «Книга... наделала не меньше шума, чем второй том книги Солженицына “Двести лет вместе”» («Консерватор»); «Общественность в очередной раз взволнована этим возмутителем спокойствия» («Завтра») – и то и другое недалеко от истины. «Ex-Libris» печатает пространное интервью с героем дня (я раньше думал, что таким тоном только дикторы ТВЦ с Лужковым беседуют); тот же «Консерватор», жуя Шамира за отдельные перегибы, тем не менее противопоставляет борца с «глобалистским дискурсом» некоему «трусливому транслятору “общечеловеческих ценностей”»...

Конечно, это не революция, а постмодернизм. Споры между председателем Мао и Пол Потом о том, поддаются ли жители мегаполисов перековке на месте или же единственный способ справиться с «огромным городом-упырем» – это выслать его население «в провинцию на перевоспитание», для мальчиков и девочек, читающих книгу Шамира, – только буквы на бумаге согласно единственно верному учению Владимира Сорокина. В тексте главное – энергетика, это нам уже по поводу «Господина Гексогена» сообщили.

Вот только убитые спорщиками миллионы китайцев и камбоджийцев погибли, так и не узнав ученого слова «симулякр».

Мы разучились называть вещи своими именами. Когда лимоновские шпанята скандируют «Сталин! Берия! ГУЛАГ!», мы говорим об эстетическом жесте, игре или, в крайнем случае, провокации, забывая, что игра, использующая в качестве сырья кровь миллионов жертв, называется мерзостью, а организаторы и участники этой игры – мерзавцами. А что происходит, когда пепел сожженных или штабеля замерзших трупов становятся ли-те-ра-ту-рой, давно уже рассказал кумир молодости Шамира – лагерник Юлий Даниэль в повести «Искушение».

У Шамира достойные предшественники: «Блестящий Бодрийяр был прав: мы не нанесли удара сами, но его нанесли от нашего имени, к нашей радости» (это, как вы догадались, об 11 сентября). А за пару десятилетий до Бодрийяра другой высоколобый людоед, узнав о захвате террористами очередного пассажирского самолета, уронил: «Разве могут быть невиновны люди, летающие лайнерами такого класса?» На этом фоне Шамир смотрится вегетарианцем, порой он даже изображает сомнения: «Конечно, погибшие были невинны, или по крайней мере, их вина не была доказана» (это о взрыве на иерусалимском базаре). Впрочем, тут же, естественно, следует «но», и – см. выше, о правилах борьбы с оккупантами.

У подобных персонажей не берут подобострастных интервью, с ними не спорят, не полемизируют, их нельзя ни опровергать, ни рецензировать. При встрече с подобными текстами и их авторами принято отворачиваться и зажимать нос. «Официальный Израиль старается меня замолчать, не упоминать ни к добру, ни к худу. Такая вполне традиционная еврейская позиция: “да не будет он помянут”».

Искренне рад. Выходит, это только мы такие небрежливые.

ЕВРЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ, ИЛИ «КАЙФ ЦУ ЗАЙН А-ИД»*

אי עוֹדֵה לְדֵעוֹתָא

בְּאַהֲבַת עֵינֶיךָ וְדַעוֹתֶיךָ.

אֲדַבְרֶנּוּךָ אֵלַי וְיִנְיֶנּוּ.

אֲדַבְרֶנּוּךָ וְדַבְרֶנּוּךָ אֵלַי וְ

כֹּה אֵלַי.

אֲדַבְרֶנּוּךָ י עַד –

דִּנְיֹוֹתַי / א': דַּאֲרֵיךְ 2003 – 432 ה'

Книга раввина Телушкина «Еврейские ценности» посвящена рассмотрению вопросов этики. А это само по себе крайне непопулярно в обществе, предпочитающем этике – эстетику, а эстетике – эротику. Кроме того, книга написана американцем и потому вызывает у нас естественную настороженность. Ведь одно из распространенных коллективных предубеждений – это то, что американская этика вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности, известная нам по голливудским фильмам, сводится к набору банальностей, устаревших еще в XVIII веке, и оттого особо жутко впечатляющих: нечто среднее между «Общественным договором» Руссо и «Моральным кодексом строителя коммунизма».

Если посмотреть в оглавление книги, то настороженность интеллигентного читателя еще усилится. Чего стоят названия глав, вроде «Указывайте источник информации», «Предоставляйте политическое убежище» или «Услышав, что кто-то собирается в долгое путешествие, удостоверьтесь, что он взял с собой деньги на благотворительные цели!» А «Наполните мир добром» или «Уважайте умственно отсталых людей» – это же темы пионерского сбора! И уж совершенное возмущение человека, воспитанного в России, вызывает название главы «Не следует предлагать гостям слишком много вина и других спиртных напитков». Сразу вспоминается персонаж Юрия Никулина из «Операции Ы»: «Разбить? Поллитру?! Да я тебя!..»

Но не верьте оглавлению, дамы и господа. А лучше совсем его не читайте. Чего вы в книге р. Телушкина точно не найдете – это как раз политкорректной жвачки пионерско-голливудского разлива. Излагаемая автором система ценностей далеко не тривиальна. Вот лишь несколько примеров – первые, попавшиеся под руку.

«Узнать, искренна ли вера человека, можно по его поведению на торговой площади, а не в синагоге. Как писал раввин Цви-Хирш Койдоновер (ум. 1712)... только тот, на кого можно положиться в делах, может считаться благочестивым человеком».

«Если вы думаете, что для Б-га ваши отношения с Ним важнее вашего обращения с другими людьми, вы поступаете подобно “набожному глупцу”. Рабби Исраэль Салантер предостерегал: довольно часто усердные личности вскакивают с постели среди ночи (чтобы прочесть молитву Слехот) и так шумят при этом, что другие члены семьи просто не могут спать. Они и не знают, что теряют больше, чем получают».

«Злись, сколько хочешь, но пусть слова относятся только к ситуации, которая рассердила тебя. В этом случае ты не скажешь ничего, что может навсегда обидеть другого человека. Слова типа “всегда”, “никогда” и стремление к обобщению негативного заставляют людей говорить вещи, которые трудно простить и невозможно забыть».

«По еврейской этике человек не должен предлагать что-либо, если у него есть причина ожидать отказа. Такое поведение расценивается как Гневат даат (воровство мыслей), попытки обмануть другого человека, убедить его в том, что хочешь для него сделать больше, чем действительно намереваешься. В Талмуде можно найти несколько примеров такого обмана. Например, Раввин Меир говаривал: “Человек не

должен приглашать друга за стол, если он отлично знает, что тот откажется. Также не должен он предлагать подарки, если знает, что они не будут приняты”».

«По еврейской традиции... удовольствия не возбраняются. Талмуд учит: в Мире Грядущем человеку придется отчитаться за все хорошее, что он видел, но не съел. Рабби Элиезер очень старался следовать этому – он откладывал деньги, чтобы позволить себе попробовать каждое блюдо хоть раз в году... Великий лидер немецкого ортодоксального движения Шимшон-Рафаэль Гирш, настаивая на путешествии в Швейцарию, сказал: “Когда я предстану пред Всемогущим, мне придется ответить на много вопросов. Но что я отвечу, когда меня спросят: Шимшон, видел ли ты Мои Альпы?”»

«Однажды раввин Авраам Карелиц (“Хазон Иш”) собрал в своем доме миньян на послеполуденную молитву. Вдруг ему напомнили о том, что у него назначена встреча. Тогда рабби сказал: заставляя человека ждать, мы крадем его время. Нельзя молиться в краденое время... Вы можете считать себя хорошим человеком, который просто иногда опаздывает. Но, согласно еврейской этике, если вы постоянно заставляете людей ждать себя, это делает вас вором».

«Многие родители считают, что у детей не должно быть секретов, поэтому они без стука заходят в детскую. Но такое поведение противоречит еврейской традиции... В Брейшис, 3 рассказывается о том, как Адам и Ева нарушили запрет Б-га и отведали плод с Древа познания. “Тогда воззвал Г-сподь к Адаму: где ты?”... Конечно, всеведущий Б-г знал, где находились Адам и Ева, но Он не хотел, чтобы его приход стал для них неожиданностью. Поведение Г-спода является для нас образцом учтивости и хороших манер. В следующий раз, когда будете заходить в детскую, не забудьте постучать».

В русской народной традиции считается большим успехом выдать дочь замуж за еврея: «потому, что не пьет, не бьет, и все в дом несет». Но приверженность еврейским ценностям в отношениях между полами имеет и некоторые дополнительные важные преимущества, помимо упомянутой триады. Вот лишь два примера.

«Талмуд рассказывает, как между раввинами разгорелся спор о том, что следует говорить на свадьбе. Школа Гилела считала, что танцующие всегда должны петь: “Как красива и стройна невеста!”. Школа Шама не соглашалась: следует описывать невесту такой, как она есть. Мнение школы Гилела стало законом. Следует восхвалять красоту всех невест. В любом случае, для своего жениха невеста – самая замечательная девушка».

«В Торе рассказывается об Ицхаке и Ривке: “Ицхак мецахек эт Ривка ишто” (“Ицхак делает так, чтобы Ривка, жена его, смеялась”). По контексту можно понять, что это намек на секс. Сделать жену счастливой, играть с ней, ласкать и увеселять ее – это описания и предписания Торы, а не новый образ мышления или правила, основанные на здравом смысле».

Книга р. Телушкина предлагает ответы и на некоторые неприятные политические вопросы. Например, очень многие образованные евреи на Западе являются сторонниками пацифистского движения, а в России выступают против военных методов борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Читая книгу р. Телушкина, мы обнаруживаем, что это на самом деле совершенно нееврейский подход. Так, в главе «Кто мудр» он рассказывает, что наиболее последовательный пацифист, Махатма Ганди, призывал не сопротивляться Гитлеру. «Если бы войска союзников... последовали совету Ганди, нацисты захватили бы весь мир и убили всех евреев... Мудрость... заключается в способности предвидеть зло, которое могут причинить слова или поступки. Хорошие намерения не всегда хороши, очень важна мудрость решения».

Отрицает пацифистскую пошлость и талмудическая заповедь: «Если кто хочет убить тебя, убей его первым», напоминает р. Телушкин: «Хотя жизнь каждого из людей – величайшая ценность, тот, кто убивает невиновных, не имеет права жить. Книга Шмойс учит, что если при подкопе замечен вор, хозяин имеет право убить его... Согласно Талмуду как отдельные люди, так и целая нация имеют право напасть первыми на того, кто собирается их уничтожить».

Но самое интересное в книге р. Телушкина даже не столько изложение этической системы еврейства, сколько авторское мировосприятие – утраченное, к сожалению, современными интеллектуалами «наивное» отношение к окружающему миру. «Наивное» – разумеется, не в смысле «примитивное», ни, тем более, «простецкое». Это та особая эстетизированная наивность, которая позволяет взрослому человеку увидеть мир глазами ребенка и усомниться в общепризнанных истинах, проклятых собственной банальностью. Мир Агнона и Башевиса-Зингера, и Шагала. Чтобы войти в такой мир, надо быть очень образованным (а не просто образованцем) и знать, что есть Б-г. А еще совершенно необходимо, чтобы для человека «быть евреем» стало не проблемой (как, к сожалению, для многих битых «совком» соотечественников), а – удовольствием.

Раввин Телушкин, для которого быть евреем – очевидное удовольствие, обнаруживает и приводит в книге огромное количество совершенно прелестных отрывков из жизни других, столь же радостно живущих евреев.

Вот история о раввине и враче Аврааме Тверски, лечившем одного священника от алкоголизма. Врач прописал больному препарат «антабус», от которого пациент чувствует себя смертельно больным, если примет что-либо, содержащее алкоголь. Несчастный священник не мог принимать лекарство, потому что во время мессы он должен выпить глоток вина. Раввин Тверски позвонил своему другу кардиналу Райту, объяснил ситуацию и попросил разрешить священнику пить сок вместо вина. Бюрократическая машина Ватикана заработала – и в конце концов последовало распоряжение от Папы, чтобы все священники, страдающие от алкоголизма, использовали во время мессы виноградный сок.

«Доктор Тверски пишет в заключение:

1. Папа совершил мицву.
2. Кардинал совершил мицву.
3. Я совершил мицву.

И с этого дня спасены все священники, рискующие впасть в алкогольную зависимость из-за мессы».

По-моему, ради одного такого текста стоит прочитать книгу р. Телушкина. А таких текстов у него, поверьте, десятки. Жаль, что некоторые фрагменты книги переведены не очень точно. Больше всего ошибок в транскрипции и переводе ивритских вставок. Видно, что переводчик вообще не работал со знающим иврит консультантом. И в нескольких местах это привело к достаточно серьезным «ляпам». Понятно – такой подход совершенно неприемлем при работе над книгой по еврейской традиции, насквозь пронизанной ивритом.

ЛЮФТМЕНЧ*

Èçäàÿéü Çàí àíëéé

Леопольд Барштейн, скульптор, одиноко сидел у себя в студии, предаваясь унылым сожалениям о своих несбывшихся мечтах, когда почтальон принес ему письмо, надписанное крупным, корявым и незнакомым почерком. Начиналось оно так: «Ангел Б-жий!»

Барштейн усмехнулся горько: «И ведь, как назло, бес совсем меня допек!» Он не сразу взялся за письмо, подозревая в нем одно из тех несчетных денежных прошений, какими обернулся период его сионистской благотворительности на Ист-Энде. Он только глянул в конец, отыскивая имя по-восточному велеречивого автора. Там значилось: «Неемия Зильберман, дантист и ресторатор». Смех Барштейна сделался чуть добродушной, чувство юмора у него пока еще осталось. Тотчас взору его представилась статуя дантиста-ресторатора, в мраморе, на пьедестале. В одной руке изваяние держит рог изобилия, в другой – щипцы. Он стал читать письмо.

«Майнорис, 3 а, Ист-Энд
Ангел Б-жий!

Нижайше припадая к высочайшим и чистейшим стопам Вашим, честь имею просить вашего душевного благородного благодатного снисхождения и человеколюбия, дабы облегчить меня своей великодушной участливой либеральной гуманной теплой сердечной милосердной помощью от жестоких стеснений и лютых скорбей, коим всечасно подвергаюсь. Я потерял все свое состояние, будучи разорен Россией. В настоящее время я не имею средств для своего зубоврачебного поприща, взаимно же и ресторации моей препятствует отсутствие каких-то несчастных нескольких фунтов стерлингов. Нахожусь в полной неизвестности, что могу я предпринять в теперешней моей горестной доле. От людей я слышал о многих Ваших великодушных подвигах добродетели и безмерных щедротах. А потому прошу и умоляю доброго и благородного участия Вашего и милостивой гуманной доброй великодушной помощи Вашей и не откажите в моей скромной просьбе, и, пожалуйста, ответьте как только возможно скорей согласно Вашей безмерной щедрости и не оставьте в многобедственном его ущербе покорного Вашего слугу,

Неемию Зильбермана,
Дантиста и Ресторатора».

Этот бурный речевой поток смысл последние остатки тоски Барштейна; статуя, рожденная его фантазией, неостановимо ссыпала вокабулы из рога изобилия. «Да это же вопль лексикона в беде!» – бормотал он про себя, смакуя и перечитывая письмо.

Он потешил себя ответом в наипростейшем слоге. Просил подробностей о бедах и обстоятельствах Зильбермана. Обращался ли тот в Русско-еврейский фонд, именно затем и созданный, чтобы оказывать помощь жертвам гонений? Знаком ли ему Джейкобс, дантист, практикующий с ним по соседству?

Джейкобс был соратник Барштейна по сионизму, большой любитель поспорить в укромном уголке, и этот маленький болтун вдруг разрастался в грозную фигуру соперника брату-дантисту.

С обратной почтой на студию Барштейна обрушился новый взрыв «лексикона в беде».

«Майнорис, 3 а, Ист-Энд.

Высокочтимый и истинно ангельский мистер Леопольд Барштейн!

Честь имею всенижайше Вас благодарить, ибо Вы благоволили изволили любезно ответить на мое письмо. Последние десять лет я не имею здесь большого успеха в насущных своих притязаниях. Одно время я зарабатывал себе на пропитание зубоврачебной практикой, покуда не объявилась жестокая, злостная, суровая и беспощадная конкуренция, я же не имею ни воспомоществования, ни протекции, ни родни, времена же меняются, и мы меняемся вместе с ними, без денег же в этом жестоком мире шагу не ступишь, но имей я сейчас в моем плачевном и отчаянном распоряжении четыре фунта стерлингов на мою ресторацию, я был бы спасен, тогда как, ничего не зарабатывая, совсем впаду в последнюю крайность и погибну, пропаду здесь, будучи разорен в России, и будьте так великодушны, помогите мне в своем гуманном милосердии, а если будет у меня пятнадцать фунтов стерлингов, я уеду отсюда в рассуждении хлеба насущного, а если будет у меня тридцать фунтов стерлингов, поехал бы я в Иерусалим, ибо здешние лютые невзгоды и ужасные потрясающие душу треволнения меня научили, что незачем здесь дольше оставаться. В Русско-еврейском фонде я не бывал и не представляю себе даже, где бы он такой мог находиться, а если это тот, что в еврейском доме на Леман-стрит, так я не имею ни протекции, ни рекомендации, ни знакомства и кто же за меня замолвит словечко? Бедность редко сопутствуема бывает достоинством и добрыми друзьями. Люди говорят, что Джейкобс, дантист на Мантел-плейс, нехороший человек, да я и на своей шкуре в этом убедился, он создает невозможную конкуренцию. Прошу Вашего благородного милостивого сердечного снисхождения и жду согласно Вашей всеместной доброй репутации скорейшего ответа и сильной помощи.

Покорнейший Ваш слуга, с почтением остаюсь
Неемия Зильберман,
Дантист и Ресторатор».

Письмо бросало новый, неутешительный однако, свет на положение вещей. Отнюдь не свежая жертва русских утеснений и преследований, Неемия, оказывается, уже десять лет прожил в Лондоне, и если Россия и была изначальной виновницей его невзгод, он их как-никак уже десятилетие преодолагает. Представленная им идея будущего была не менее туманной, чем его прошлое. Четыре фунта могут его срочно выручить, он станет продолжать свою деятельность в Лондоне. С пятнадцатью фунтами он готов где-то там начать новую жизнь. С тридцатью окончит все свои печали в Иерусалиме. Подобная туманность, кажется, влекла за собой необходимость личной встречи, и на другой день, вставши поутру не в духе, Барштейн разбил в сердцах гипсовую форму, нацепил шляпу и отправился к Майнорис. Но тщетно искал он дантиста, как, впрочем, и ресторатора под номером 3 а. То было убогое угловое строенье, пытавшееся протиснуться на равнодушно-важную улицу. Наконец, бесцельно послонявшись взад-вперед, он постучался в ветхую дверь. Всклоченная особа в длинных сергах, отворив ему и неблагосклонно его оглядывая, объявила, что Зильберманы занимают две комнаты в третьем этаже.

– Как! – вскричал Барштейн. – Так он женат?

– Уж надо думать, – сурово отвечала хозяйка, – небось, одиннадцать детишек у него, не меньше.

Барштейн вскарабкался по узкой голой лестнице, где миссис Зильберман и ее потомство приняли его с превеликим испугом и со всеми церемониями. Семейство заполняло всю переднюю комнату и перетекало в заднюю, бывшую, очевидно, своего рода кухней, ибо миссис Зильберман оттуда выскочила с засученными рукавами и сопровождаемая скворчаньем сковородок. Мистера Зильбермана не было дома, как ему, оправдываясь, сообщило из-под парика маленькое блеклое создание. Барштейн с любопытством огляделся, надеясь отчасти обнаружить свидетельства зубо-врачебной и ресторанной деятельности. Но увидел он только жалкую поломанную мебель, просиженные камышовые кресла, деревянный стол, треснувшее зеркало, покосившуюся полку растрепанных книг да шкаф, по-видимому на ночь обрабатываемый в ложе для половины семейства. Зубо-врачебное же кресло даже и в виде руины не было представлено. Глаза Барштейна скользнули по отставшим книжным корешкам – иные и впрямь были «лексиконы в беде». Он заметил русско-немецкий и немецко-английский словари. Тут, наконец, скворчанье сковородок ощутительней проникло в его слух.

– Вы повар этой ресторации? – спросил он.

– Ресторации! – отозвалась женщина с досадой. – Мне что? На свою семью стряпать мало? И где же я вам деньги на ресторацию возьму?

– Но ваш супруг упомянул..., – пробормотал Барштейн, несколько смешавшись.

Вопли отпрысков на кухне на миг отвлекли внимание родительницы, оставив Барштейна в окружении юной любопытствующей толпы. Из кухни доносился стук тумачков и подзатыльников, шепот, хныканье. Затем несчастная женщина явилась снова, неся нечто, видом напоминавшее стиральную доску. Поместив ее на одно из бездонных кресел, она просила его сиятельство присесть. Сегодня в школе отменили последние классы, посетовала она, не то семейство бы оказалось малочисленной.

– И где же супруг ваш лечит зубы? – осведомился Барштейн, опускаясь с осторожностью на доску.

– Я знаю? – отвечала женщина. – Он приходит, он уходит.

В тот же миг, к великому облегчению Барштейна, он как раз пришел.

– Святой ангел! – вскричал он, припадая к полю Барштейна и почтительно ее целуя. То была тощая, унылая фигура длиной чуть не в два метра, еще удлиняемая несообразно высоким выпуклым цилиндром и потертым, неимоверно долгополым сюртуком. Жена, несказанно обрадованная, кажется, его явлением, тотчас погнала свой выводок на кухню и прикрыла за собою дверь, оставив Барштейна наедине с верзилой, который, столбом стоя перед ним, окончательно воспарял к небу от восторга.

Барштейн пытался отрезвить его вопросом:

– Где вы занимаетесь своей зубо-врачебной практикой?

– Ах, не беспокойтесь обо мне, – отвечал Неемия в восторге. – Дайте же мне на вас посмотреть! – и в восхищенном взоре отразилось самое пламенное благоговение.

Барштейн однако, чувствуя себя одураченным, ответил строго:

– Где вы занимаетесь своей зубо-врачебной практикой?

Вопрос, кажется, не сразу дошел до по

трясенной души Неемии, но наконец он отвечал проникновенно:

– А где я вам найду болящих? В России я с этого жил. Тут нет знакомых.

Скромность его словаря удивила Барштейна. Не иначе и впрямь источником тех вдохновений был лексикон. Без него Ниагара обратилась в ручеек. Он вообще, кажется, боялся слово молвить и предпочитал смотреть большими увлажненными глазами.

– Но вы тут худо-бедно продержались десять лет, – указал ему Барштейн.

– Вот видите, как милосерд Г-сподь! – радостно отозвался Неемия. – Ни разу он не подвел меня и моих детей.

– Но что вы предпринимали? – осведомился Барштейн.

Впервые тень укоризны мелькнула во взоре Неемии.

– Спросите лучше, что предпринимал Всевышний.

Барштейн в этом почувствовал упрек. С ролью святого ангела кому ж приятно расставаться.

– Но ваша ресторация? – спросил он. – Где она?

– Здесь.

– Здесь? – эхом откликнулся Барштейн, снова озираясь.

– А где же еще? Тут самые лучшие виды для кошерной ресторации. Сотни и сотни вновь прибывших изгнанников живут вокруг – бедные молокососы, у которых ни кола ни двора. Куда пойти покушать они не знают, а супружница моя, благодаренье Г-споду, по части стряпни мастак.

– А, так ресторация ваша – лишь идея.

– Ну да, совет, какой я дал самому себе.

– Но хватит ли у вас посуды, скатертей? Можете ли вы себе позволить покупать еду, которая, возможно, не будет употреблена?

Неемия воздел руки к небу.

– Не будет употреблена! С моим семейством!

Барштейн невольно расхохотался. И он смягчился, заметив, как выразительны и артистичны воздетые руки Неемии, – уж конечно, они бы сладили с щипцами.

– Да, – сказал он, – тут вы, пожалуй, правы. Но как вы предполагаете открыть ресторацию в третьем этаже, где ни один прохожий ее даже не заметит?

Говоря это, он вспомнил однако, что сам жывал в гостинице Сицилии, состоявшей исключительно из одного верхнего этажа. Быть может, нравы гетто сходны с сицилийскими.

– Так высоко, как ресторация, я сразу не взлетаю, – объяснил ему Неемия. – Но тут такое большое пустое помещение. Что мне с ним делать? Ночью, положим, мы почти все тут спим, а днем – все даром пропадает. Еще я получаю от своих друзей из России и Америки еженедельно по несколько газет на идише и древнееврейском, а одну даже здесь приобретаю. Прочту и что? – опять пустая трата. А потому я дал себе совет: устрою-ка я тут читальню, и молодые люди, у которых ни кола ни двора и некуда пойти, станут приходить сюда по вечерам, а если будут приходить, тут уж ничего не стоит заставить их поесть и выпить. Сперва я только кофею их буду потчевать и сигаретами, а уж потом моя супружница им такого настряпает, что где польской кулинарии! А когда наша клиентура слишком разрастется, я откуплю у Бергмана большой модный ресторан на Уайтчепел-роуд. Он мне показывал уже, сколько это на вскидку обойдется, – и всего-то навсего двести фунтов стерлингов. И если ваше всемилостивое благородие...

– Я двести фунтов не осилю, – вмешался встревоженный Барштейн.

– Нет, нет, Всевышний, тот осилит, – успокоил его Неемия. – У вас я ничего не прошу.

– В таком случае, – заметил Барштейн сухо, – я нахожу ваш план прекрасным. Ваша мысль о постепенном достижении успеха вполне разумна: кое у кого из молодых людей, вполне возможно, даже и зубы разболются, – однако же не постигаю, чем я-то вам могу служить – разве что парочку газет подкинуть.

– Ну! Или я не говорил, что вы посланец Неба! – глаза у Неемии снова загорелись. – Но нет, никаких мне газет не надо. Мне довольно и того, что ваши святые ноги стояли в моем доме. Я думал, вы пришлете деньги. Но прийти сюда собственными своими ногами! Теперь я могу говорить, что разговаривал с ним с глазу на глаз!

Барштейн был тронут.

– Пожалуй, вам понадобится стол побольше для читальни, – заметил он.

Высокая фигура тряхнула высоченной шляпой.

– Для моего поприща мне не хватает только газа.

– Газ! – в недоумении откликнулся Барштейн. – Вы, стало быть, предполагаете продолжать свою зубоврачебную практику.

– Газ нужен мне для ресторации, – просветил его Неемия. – Разве молодые люди слетятся сюда иначе, как на веселый огонек? И всего-то требуется газ за пенни.

– Ну, если это стоит только пенни... – начал Барштейн.

– Пенни вы бросаете в автомат, – уточнил Неемия. – Ну и еще счетчик понадобится, ну и цена горелок.

Он подсчитал, что четыре фунта обратят эту комнату в залу, залитую светом, который привлечет всех бездомных мотыльков по соседству.

Ах, вот откуда взялись те четыре фунта, сообразил Барштейн, едва к нему вернулась способность соображать. В конце концов, не напрасно он нанес Неемии свой неожиданный визит, въяве доказавший, что тот отнюдь не Крез, и если четыре фунта могут не только спасти обширное семейство, но озарить светом надежды все соседство...

Он открыл кошелек, висевший у него на часовой цепочке. Там оказалось только три фунта десять шиллингов*. Пошарив по карманам, он наскреб еще восемь шиллингов.

– У меня вот немного не хватает... – пробормотал он.

– И неужели же я вам не поверю! – воскликнул Неемия с упреком, и, когда, чтоб поместить деньги в брючный карман, он задрал полу длиннющего своего сюртука, Барштейн заметил отсутствие жилетки.

Месяцев шесть спустя, когда Барштейн решительно позабыл обо всем происшествии, он получил еще одно письмо, которого стиль тотчас освежил его память.

«Наипочтеннейшему, Несравненнейшему, Высокочтимому, Славнейшему, Многоискуснейшему, всеместно Знаменитому, Благороднейшему и Первейшему Скульптору из скульпторов.

Майнорис, 3 а, Ист- Энд

Достопочтенный и милостивый государь мой!

Имею честь и удовольствие благодарить Ваше благородное, высокоизбранное, невозбранное добросердие и за гуманное, милосердное, либеральное, нескверноствяжательное, человеколюбивое воспомоществование Ваше, облегчившее меня в великой, плачевной безутешной и горестной нужде моей, ибо разорен, беден и наг пребываю из-за жестокой и цинической России, где вседневно и всечасно лютые скорби и потрясающие душу тревобления превозмогают, и света белого там не видя, я скорей готов податься в Берсию, нежели в Россию. В недавнем времени получив от милостивейшей Вашей милости четыре фунта стерлингов, я был избавлен и спасен от бесчисленных бед и невзгод, каковые меня ныне одолевают, выхода же из них никакого я не наблюдаю и только гибну тут. Здесь я не могу даже заработать на хлеб насущный, научно в совершенстве владея разнообразными языками, обладая знаниями в неологии и архаилогии, и наилучший выход для меня отправиться в иную страну, хотя бы и в Берсию или Турцию. А потому осмеливаюсь беспокоить Ваше милостивое благорасположение скромной и неотложной просьбой дать мне уехать отсюда как только возможно скорей соответственно с Вашим гуманным либеральным милосердием.

Покорнейший слуга Ваш, с глубоким моим почтением остаюсь

Неемия Зильберман,

Дантист и Профессор Словесности».

Ах, значит, «Академия Словесности» развилась из газа, не ресторация. Лексикон, однако, снова был в беде. Единственным выходом казалась эмиграция.

Но где она, эта Берсия? Возможно, Персия имеется в виду? Но с какой стати Персия? В чем обольщенья этой экзотической страны и что будет там делать миссис Зильберман со своим изобильнейшим потомством? – Прежняя мысль Неемии о Иерусалиме казалась куда более понятной. Но не пребывает же он по сей день под пятою Оттоманского султана. В упорных жалобах Неемии на разорившую его жестокую Россию Барштейн тоже обнаружил мало нового.

Несколько дней скульптора неотступно мучила тоска из-за невзгод Неемии и необходимости найти время на поездку в Майнорис. Но у него была увлекательная работа, и прежде чем он сумел от нее оторваться, еще более бурный словесный шквал обрушился на его голову.

«Майнорис, 3 а, Ист-Энд

Сим имею честь, – гласило новое письмо, – осведомляя относительно моего решенного, скорейшего и ожидаемого отбытия, припадать к благородным милосердным гуманным либеральным стопам Вашим со скромной безотлагательной просьбой в горьких скорбях моих и несчастном моем положении, не откажите анонимным сбором воспомоществовательных средств соответственно великодушной Вашей милости в размере хотя бы пятнадцати фунтов, если не двадцати пяти, в кругу почтеннейших и уважаемейших Ваших знакомых, дабы отправиться в иную страну, хотя бы в Берсию и зарабатывать там на пропитание зубоврачебной практикой или же другими научными либо филологическими знаниями. Жестокая и беспощадная конкуренция здесь во всем. Здесь у меня ни зубоврачебного поприща, ни зубоврачебной практики, ни зубоврачебных занятий, ни родни, ни заработка, ни протекции, ни рекомендации, ни денег, ни друзей, ни связей, я разорен в России и здесь я гибну, я здесь в отчаянии, унынии и безнадежности. Не знаю, что мне предпринять и что могу я предпринять в своей ужасной нестерпимой жестокой крайности и в горестных моих невзгодах. Мне многие люди говорили, что этот попечительский совет редко помогает людям, а больше цепляется, выискивает одни пороки и недостатки и вешает на человека всех собак. Мне там делать нечего, а в русско-еврейском фонде это да, видел я как-то господина Ащера Ааронсберга, так он мне не оказал симпатии. Прошу, умоляю и заклинаю Вашу гуманную милость ответить мне как только возможно скорей согласно безмерно благодетельной Вашей милости.

Ваш покорнейший слуга

Неемия Зильберман,

Дантист и Профессор Словесности».

Едва в студии стал меркнуть свет, Барштейн кликнул экипаж и поспешил в Майнорис.

3

Голос Неемии пригласил его войти, и, повернув дверную ручку, он увидел фигуру, венчанную цилиндром, уныло распростертую на драном кресле за чтением газеты при свече. Неемия вскочил с радостным воплем, и долгая тень его склонилась перед гостем. Весь, от цилиндра до длинных пол, он протянулся все тот же, и тот же неземной восторг озарял его увядшие черты.

Барштейн, однако, убрал собственные свои полы от нацеливаемого поцелуя.

– Где газ? – спросил он сухо.

– Увы, компания отобрала счетчик.

– А горелки?

– А что еще нам было кушать? – бесхитростно ответил Неемия.

С внезапным подозрением Барштейн воздел глаза к потолку. Но некие следы проводки он обнаружил. Однако же не мог припомнить, были ли они там прежде.

– Значит, молодые люди так и не пожаловали?

– Прийти-то они пришли, и они читали, и они кушали. Но они не платили.

– Надо было правило поставить – деньги на бочку.

И снова легкая тень упрека и удивления набежала на бледные и грустные черты.

– Неужели же я буду притеснять братьев моих во Израиле? Куда же им было податься, бедным, как не ко мне?

И снова Барштейн почувствовал, что его ангельская репутация в опасности. Он поспешил переменить разговор.

– Почему вы хотите уехать в Берсию? – спросил он.

– Зачем это мне хотеть уехать в Берсию? – был ответ Неемии.

– Вы так пишете, – Барштейн показал ему письмо.

– Ах, так это я написал, что скорей поеду в Берсию, чем в Россию. Господин Ашер Ааронсберг все грозит, что отошлет нас обратно в Россию.

– Предположим, – заметил Барштейн сурово. – Но где расположена эта Берсия?

Неемия пожал плечами.

– А я знаю? Моя Ревеккочка начертила ее карту и получила премию в пять фунтов, и мы жили на них два месяца. Такой талантливый ребенок моя Ревеккочка.

– А-а, так Всевышний вам кое-что подкинул?

– Так разве я в Нем сомневался? – с жаром отозвался Неемия. – Иначе, обремененный столь многим множеством детей...

– Это бремя создали вы сами, – не удержался тут Барштейн.

И снова такая боль мелькнула во взоре Неемии, как будто он вдруг углядел пальцы из глины горшечной* под сияющими штиблетами Барштейна.

– Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю, – ответил Неемия древнееврейской цитатой. – Разве же это не первойшая заповедь Торы?

– Ну ладно, вы, стало быть, собираетесь в Турцию, – уклончиво ответил скульптор. – Вы, очевидно, Палестину имеете в виду?

– Нет, Турцию. В Турцию, вот куда должны отправиться мы, сионисты, и там трудиться во благо Палестины. Разве многие чиновники султана не евреи? Если уж мы их обратим в убежденных сионистов...

Соображение было весьма любопытно, и Барштейн неожиданно для себя сел за стол и принял его обсуждать. Почтение, с каким Неемия впитывал его слова, трогало Барштейна и приводило в замешательство. Ему неловко было от лицемерья божества, в какое превращался он сам в душевном зеркале Неемии. И ведь невозможно было заподозрить собеседника в лъстивости речей, ибо о вождях сионизма тот говорил, если это только мыслимо, даже с большим обожанием и со слезой во взоре. Длинная фигура еще больше истончалась, еще бесплотней становилось тощее лицо, когда он развивал свой план завоевания Палестины, и Барштейн только все более утверждался в своем прежнем мнении о его простоте и искренности.

В конце концов, однако, Барштейна осенило, что возможность влиять на окружение султана у Неемии не так уж очевидна и куда существенней вопрос, как сам Неемия, его жена и «одиннадцать детишек, не меньше» найдут средства к существованию в Турции. Он посвятил Неемию в свои сомнения.

Неемия их отмел.

– Неужто же Всевышний не найдет нам средств к существованию в Турции, как в Англии находит? – спросил он. – Да, и в Турции тоже не спит Хранитель Израила.

Вот тут-то слово Люфтменш впервые и промелькнуло в голове Барштейна. Неемия – не земной человек, соприкасающийся с грубой вещественностью. Он человек воздушный, порхающий на легких крыльях по эфиру. Да, он говорит о потрясающих душу тревожениях, но это скорее беды лексикона, живее ощущаемые в рапсодии словесных композиций. В худшем случае они – лишь облачка на синеве. И что в них общего с туманом, который так часто застит небо от взгляда самого Барштейна? Ни на минуту Неемия не упускает из виду эту синеву, ни на минуту не забывает о возможности счастливого исхода. Сам пессимизм его, в сущности, лишь маскирует оптимизм, потому что все его невзгоды – личные невзгоды, которые можно разрешить с помощью «каких-то несчастных нескольких фунтов», какой-то новой крохой с руки Провиденья; а не то безличное отчаяние из-за устройства мира, каким омрачается жизнь, стоит только о ней задуматься. Как прожил Неемия свои первые десять лет в Англии? Кто скажет? Но у него хватило смелости оторваться от дома своего детства и пуститься на неведомые берега, а там уж, всеми правдами и неправдами, одолевая несчетные невзгоды, то и дело рискуя погибнуть, на опасной грани небытия, он кое-как превозмогал дни, недели, месяцы и годы, бесстрашно внося притом в будущее вклад – ценней, быть может, чем те мертвые камни, которые он, скульптор, только и оставит по себе на этой земле. Каждое новое свое дитя встречая радостью и псалмопением, ни разу, ни на миг, не утратил Неемия крепкой своей веры в жизнь, веры в Творца и в самого себя.

Да, но глубже даже, чем уважение к себе, его уважение к другим. Непробиваемый идеалист, он живет в окружении сияющего человечества, и каждый человек для него подобен Б-гу. Ведь не гиперболы ради он обращается к вам «Ангел». Ум и доброта – вот его путеводные звезды. И какая смелость воздушная в земных делах, что за гибкость неукротимая! Когда-то там он был дантистом, значит, так тому и быть вовек!

Еще даже скатерти у него нет, а уж он себя считает ресторатором! В равной мере наслаждаясь счастливыми воспоминаниями и предвкушением будущего, он весело скользит между двух этих золоченых берегов. Человек поверхностный сочтет его никчемным, но если взглядеться в него поглубже – разве это не образец для подражания в науке жизни? Разве он не живое воплощение древней еврейской мудрости о беззаботной полевой лилии?

– Вы не поедете в Берсию, – в художническом порыве вскричал Барштейн. – Тринадцать человек никак не могут туда добраться за пятнадцать фунтов или даже за двадцать пять, но за такую сумму вы можете здесь открыть небольшое дело.

Неемия пожирал его взглядом. «Посланец Б-жий!» – только и мог он выдохнуть. А затем высокий печальный человек воздел руки к небу и разразился длинной тирадой на древнееврейском, из которой Барштейн лишь явственно различил упоминание об овне, который запутался рогами в чаще и тем спас жизнь Исааку*.

Барштейн терпеливо выждал, пока успокоятся благочестивые уста.

– Так какое дело вы, по-вашему..? – начал он.

– Неужто же я буду указывать ангелу? – ответил Неемия вопросом на вопрос, сияя увлажненным взором.

– Может, подыщем что-нибудь такое, в чем дети бы вам могли помочь? Сколько старшему?

– Я у жены спрошу. Салома! – Явилось мрачное создание.

– Сколько лет Мойшеле? – спросил Неемия.

– А ты что? – Не помнишь, что ему двенадцать стукнуло в прошлый Суккос**?

Неемия заломил свои длинные руки:

– Благие Небеса! Так он скоро начнет готовиться к бар-мицве!*** И что же он будет читать? Где моя Тора?

Миссис Зильберман выдернула ее из ряда лохматых книг, и Неемия склонился над свечой, листая страницы и предоставляя другим волноваться о его будущем.

Барштейн адресовался к его супруге:

– Как вы полагаете, какое дело мог бы здесь открыть ваш муж?

– А разве он не зубы лечит? – ответила она вопросом на вопрос.

Барштейн обратился к трепетно листающему книгу Неемии.

– Желаете вы снова стать дантистом?

– А-а, да откуда же я тут желающих найду?

– Вывесите объявление, – сказал Барштейн, – насчет больных зубов. Думаю, хозяйка ваша позволит вам его повесить на входную дверь, особенно если вы займете еще комнату. А я куплю вам инструменты, получше обставлю помещение. И вы можете разложить свои газеты: ведь людям приятно будет сюда заглянуть как бы в читальню! – тут он улыбнулся.

Неемия повернулся к жене.

– Ну что? А я тебе не говорил, нет? Что он милостивый архангел? – вскричал он вдохновенно.

4

Барштейн сидел перед кафе в Риме, потягивая вермут в обществе пианиста Розеновского, русского еврея, и художника Шнеемана, еврея из Галиции, когда снова получил известие от Неемии.

Он с нетерпением ждал важного письма и поручил своему помощнику тотчас же по получении доставить ему это письмо из студии. Так что, когда тот появился, он буквально вырвал у него из рук конверт. Но покосившаяся надпись мигом развеяла все его мечты, напомнив про позабытого люфтваффелю. В сердцах он швырнул письмо на столик.

– Э нет, уж ты прочти! – восстали недоумевающие друзья.

– Могу себе представить, что там такое, – проворчал Барштейн. Здесь, в блаженном воздухе гордой античности, под ярким солнцем юга, он не мог сочувствовать тощему благочестивому Неемии, который снова вляпался, конечно, в очередное свое потрясающее душу треволение. Хватит! Больше ни единого пенни несчастному обороту! Пусть за ним присматривает Провидение!

– И что – хорошенькая? – полюбопытствовал Шнееман.

Барштейн покатылся со смеху. Злость как рукой сняло. Нет! Представить себе Неимию в юбке, в роли чаровницы!

– Сам читай, пожалуйста, – сказал он.

Шнееман в комическом ужасе замахал на него руками:

– Как? Разве может джентльмен такое себе позволить? Нет, уж ты прочти нам, что твой ангел пишет.

– Но ангел – это я, – захохотал Барштейн, распечатывая письмо. Он читал послание вслух, изнемогая от смеха при каждом взрыве вокабул «словаря в беде». Розеновский и Шнееман корчились в таких же спазмах, и даже итальянцы за соседними столиками, решительно не понимая причин этого веселья, им заразились и покатывались и визжали вместе с полоумными иностранцами.

Ваше Поистине Ангельское Высочордие Мистер Леопольд Барштейн!

Ныне я имею честь вновь Вас просить и умолять о милостивом великодушном сердечном благородном воспомоществовании Вашем, о новых благих щедротах Ваших в моем поистине бедственном и безутешном положении, ибо не имею заработков на моем зубо­врачебном поприще, равно как и ни протекции не имею, ни рекомендации, ни практики, взаимно же здесь и отчаянная жестокая конкуренция. Я разорен в России и никаких средств не имею, дабы отпраздновать еврейский Новый Год. Соответственно Вашему великодушному архангельскому даянию я превозмогал свое зубо­врачебное поприще вплоть до сих пор, но с превеликой трудностью, далее же не располагаю никакими средствами, вследствие чего терплю крайнюю, лютую и горестную нужду. А потому прошу и умоляю и взываю к Вашему прославленному, истинному, либеральному, гуманному добросердечному великодушью, да не оставите меня и удостоите меня ответом согласно Вашей великой милости и доброй истинной гуманности. С новым Вас годом,

Ваш покорнейший слуга,
с почтением
Неемия Зильберман,
Профессор Словесности».

Чтение кончилось, слово было за Шнееманом.

– Значит, скоро Рош а-Шона? – сказал он вдруг.

Память о гетто вдруг засосала троих артистов, когда они стали с усилием припоминать, когда же еврейский новый год, это торжественное время земных фанфар, небесного суда.

– Ох, да ведь это же сегодня! – крикнул наконец Барштейн. Трио с печальным юмором переглянулось. О, могло ль присниться гетто такое безразличие к небесному трибуналу, вечно решающему, кого казнить, кого помиловать!

Барштейн поднял бокал:

– Ну так с Новым Годом!

Все дружно чокнулись.

Розеновский вытащил столировую банкноту.

– Пошли-ка это бедолаге, – сказал он.

– Ого! – расхохотался Шнееман. – Ты, видно, веришь до сих пор, что «милостыня уберезет от смерти»– Ладно, почему бы не спастись и мне? – и он тоже вытащил сто лир.

Острый глаз Барштейна однако углядел, что, кажется, за смехом Шнеемана и жестом Розеновского прячется старинный суеверный трепет.

– Да вы же только укрепите моего люф­тменча в его упорной вере в Провидение, – сказал он, принимая новые дары. – Опять он станет возглашать, что ему пожаловано доброе решение Небесного Суда!

– А разве нет? – хмыкнул Шнееман.

– Наверно, так и есть, – проговорил в раздумье Розеновский. – Qui sa?*

Yādāṭā A. Nōdēö

СТРАШНАЯ И УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Ń Āi-īēēē
ī dī xāōūāōāōāōīōp āāōīp āīdīāā dēī ā, pō ēīdīīō ēāēāōīōp, īdī īāōāōāāī ūā ōdāāū ē īdī
ēāñāōō īābīīā*

Èç āāōāēīēēō ī āōīāī ūō ī īōēāīā

Ōāāīōō ēōqū ē:ōñīēīāāō

В Риме, престольном граде царства Эдома, стояла с незапамятных времен огромная башня неопикуемой красоты. И были в ней ворота на все четыре стороны света. И были эти ворота накрепко заперты засовами и замкнуты множеством тяжелых замков, так что ни один человек не мог проникнуть в башню.

И никто не знал, что в ней находится. И с древнейших времен был обычай, строго сохраняемый, что каждый новый царь, при воцарении своем, навешивал по одному замку на каждые из четырех ворот. И ни один царь не знал, зачем это делается, но все строго выполняли обычай, ибо так велось с незапамятных времен, из поколения в поколение.

Вот однажды умер царь Эдома. И жил в то время в городе Риме человек неизвестного рода, который поднялся из праха и стал большим вельможей. И все слушались его, ибо он умел словами покорять сердца человеческие. И когда собрались волхвы и старейшины, и мужи знатные, чтобы выбрать нового царя, то все постановили посадить на трон царский вельможу неизвестного рода. И все пошли к нему и сказали:

– Да живет господин наш веки! Мы избрали тебя царем над нами.

И тот ответил и сказал:

– Я дам благоволение мое стать царем над вами, если вы дадите мне обещание и подкрепите подписью и печатью своею, что исполните то, что пожелаю от вас.

И сказали они:

– Пусть господин наш поведает нам волю свою.

И ответил им человек неизвестного рода:

– Я не раскрою уст моих, пока не дадите обещания за своей подписью и печатью, что выполните то, что пожелаю.

И дали они согласие свое. И тотчас посадили нового царя на золотой трон, и возложили ему на голову корону, и воскликнули: «Да живет наш царь во веки!» И устроили большой пир, и пили, и веселились.

На другой день новый царь призвал к себе волхвов и старейшин, и мужей знатных и сказал им:

– Желание мое: знать, что находится в башне с четырьмя запертыми воротами. И вы должны открыть мне одни врата, дабы я мог проникнуть в башню.

Услышав сие, волхвы и старейшины, и мужи знатные сильно испугались и в один голос ответили:

– Мы страшимся исполнить волю властелина нашего! С древнейших времен ни один царь не открывал врат башни сей, но каждый еще навешивал по одному замку к прежним. И если мы теперь нарушим священный обычай предков, мы навлечем большие несчастья на головы наши и на все царство наше.

Тогда царь, сильно разгневавшись, сказал:

– Не вы ли обещали и подтвердили подписью рук своих, и печатью своею, что исполните желание и повеление мое? И если теперь вы не сделаете, как велю вам, кровь ваша на головах ваших!

И видя, что царь непреклонен в воле своей, волхвы и старейшины, и мужи знатные, поникнув головами, ответили:

– Да будет по слову царя и властелина нашего!

И созвали они искусных слесарей, и велели им снять с одних ворот все замки, и отодвинуть все засовы. И когда сие было исполнено, царь вместе со слугами своими и царедворцами пошел к башне. И открыл он ворота, и вошел. И как только переступил порог башни, ворота с великим шумом закрылись, и никто из людей, бывших с ним, не мог проникнуть туда. И остался царь в башне один.

И, подняв глаза свои, увидел он перед собою огромный сад, как рай цветущий, и в нем множество деревьев, приятных для глаз и хороших на вкус. И пошел царь римский по саду. И увидел он посреди сада большое озеро, красное и густое. И понял он, что полно оно крови. И увидел, что посреди озера, на поверхности его, лежит большая корона железная, а со всех сторон тянутся к короне руки человеческие. И рук этих такое множество, что они подобны молодому лесу. И некоторые сплетены между собою, как корни деревьев старых. И сильно удивился царь тому, что видел, ибо не понимал, что означают протянутые из кровавого озера руки и почему корона железная держится недвижно над озером и не погружается вниз, как подобает предмету железному. И вернулся он к воротам, и хотел выйти из башни. Но ворота не раскрывались. И крикнул он гневно:

– Я, царь римский, повелеваю вам раскрыться!

И ворота раскрылись.

И царь вышел из башни, и вернулся во дворец свой, и никому не сказал о виденном.

И вот, на второй день снова собрал он волхвов и старейшин, и мужей знатных и повелел им открыть вторые ворота. И снова не хотели они, страшась гнева предков своих. Но царь опять говорил с ними грозно, и они открыли также вторые ворота.

И вошел царь в башню. Но ничего не мог видеть вокруг себя, ибо там был мрак густой, подобный мраку египетскому. И, сделав несколько шагов, ощутил он под ногами своими тела человеческие. И, нагнувшись, коснулся их и увидал, что они не потеряли тепла своего. И удивился он, что тела, лежащие тут множество лет, сохранили теплоту свою и не издают зловония, подобно телам мертвых. И стал ждать, что будет. И вот, по прошествии малого времени, вдруг зажглось множество свечей. И стало светло как днем. И увидал царь, что он в храме иудейском. И в нем купол высекали до небес. И весь храм удивителен благолепием своим. И, как только светло стало, неподвижно лежавшие вскочили на ноги и начали молиться с большим проникновением. И прислушался царь, и понял, что это молитва Ад-наю, Б-гу сынов Израиля. И от сильного устремления молитвенного у молящихся лица сделались пылающими, и из уст вылетали искры. И когда молитва дошла до середины, то от пламенности ее начали пролетать молнии. И раскрылся купол храма. И показались витающие ангелы. И спустились они все ниже к храму. И увидал царь, что несут они на крыльях своих некоего мужа, ликом светлого, в ризах белоснежных. Но когда молитва дошла до конца своего, и осталось произнести последний «Аминь», все молящиеся пали наземь, как сраженные. И сомкнулся купол храма, и погасли свечи, и снова настал мрак, подобный мраку египетскому. И подождал царь еще малое время. И настала пора молитвы вечерней. И повторилось все, как при прежней молитве. И прошла ночь. И утром, при молитве, опять повторилось то же. И царь не стал ждать. И пока было светло, вышел из башни.

На третий день велел царь открыть третьи ворота. И вошел он. И увидал комнату круглую, и стены ее выложены черным камнем. И посреди комнаты стоял большой ларец кованого золота такой искусной работы, какой глаз человеческий не видал. И хотел царь открыть ларец, дабы узреть, что в нем. Но не мог поднять крышки его. И воскликнул:

– Я, царь римский, повелеваю тебе открыться!

И тотчас крышка ларца поднялась. И увидал царь, что ларец полон доверху травами разного вида, вырванными с корнями. И все травы зеленые на вид и пахучие, и корни их сохранили сочность и свежесть свою. И перевязаны травы пачками, пачками по десяти трав в каждой. И сосчитал царь пачки. И было их шестьдесят раз по тысяче. И сильно удивился царь, что вырванные из земли травы за множество лет не потеряли ни зелени своей, ни пахучести, ни сочности. И не знал, что сие означает. И вышел из башни.

На четвертый день велел царь открыть четвертые ворота. И вошел он. И увидал пред собою дворец царский, из мрамора красного сложенный. И вошел внутрь. И были там комнаты одна великолепнее другой, украшенные золотом и серебром, жемчугом и камнями драгоценными. И прошел царь шесть комнат. И, войдя в седьмую, увидал там длинные столы серебряные, покрытые золотыми скатертями и уставленные множеством лучших яств и самых тонких вин. А на возвышении стоял трон царский, из одного сапфира высеченный. Но не видал царь во всем дворце ни единого живого существа. И вот, когда наступил вечер, вдруг послышался сильный шум, и раздалось вострубление труб и рогов, и звуки тимпанов, и победные клики. И приближался шум шагов. И царь, поняв, что приходит множество людей, спрятался позади трона, дабы, оставаясь невидимым, узреть все, что произойдет.

И вот, раскрылись двери. И вошло множество воинов и военачальников, и царедворцев в расшитых золотом одеждах. И впереди них шел некий муж в одеянии царском, с короной на голове. И все воздавали ему почести царские и величали кесарем. И, войдя в седьмую комнату, сели за столы и ели, и пили, и веселились. После пира воссел кесарь на трон царский. И все пали перед ним на лица свои и громко кричали:

– Да живет наш бог, великий кесарь, владыка всего мира, веки!

И все, что повелевал кесарь, воины и царедворцы исполняли с большой поспешностью. И вот, когда настала полночь, кесарь, поднявшись с трона, крикнул громким голосом:

– Повелеваю принести корону железную и возложить на главу мою!

И едва слова сии сошли с уст его, все царедворцы и воины вскочили на ноги, накиннулись на кесаря, стащили с трона, сорвали с него корону и одеяние царское и самого его растерзали на мелкие части. И тотчас все исчезли – и люди, и части растерзанного кесаря. И царь римский опять остался один во дворце. И дивился он тому, что видел, ибо не понимал, что это значит. И вышел из башни.

II

После сих происшествий созвал царь всех волхвов и звездочетов, и других мудрецов. И рассказал им, что видел за все четыре дня в четырех частях башни, и сказал:

– Воля моя, чтобы вы пояснили мне все, что я видел. Если же не сделаете по слову моему, я велю предать вас лютой казни.

Тогда волхвы и звездочеты, и чародеи, пав ниц перед царем, сказали:

– Да живет царь веки! Мы готовы исполнить волю твою. Но то, что ты видел в башне, очень удивительно и чудесно, и всё сие – дела давних времен. Поэтому мы не можем сразу дать тебе ответ. Дай нам тридцать дней срока, чтобы мы имели время совершать наши волхования, вопрошать богов наших, гадать по звездам и по внутренностям животных. Тогда мы ответим тебе на всё, что ты спрашиваешь.

И сказал царь:

– Да будет по слову вашему! Даю вам тридцать дней. Если же по истечении сего времени не раскроете перед глазами моими тайны башни четырехвратной, кровь ваша на головах ваших!

И ушли волхвы и звездочеты от царя. И стали волхвовать и вопрошать богов своих, и гадать по звездам и по внутренностям животных. Но ничего не узнали. И когда прошло тридцать дней, пошли они в

капища богов своих и плакали, и молились, и раздирали ризы свои, и посыпали главы пеплом. Ибо видели, что беда на них обрушилась, и пришел конец их.

И жил в те поры в Риме старец древний годами. И было у него семеро сыновей. И все они были волхвами и звездочетами. И было меж ними заведено, что каждый день один из них приходил к отцу, спрашивал о его здравии, ухаживал за ним и исполнял все его желания. А в последний из тридцати дней никто из сыновей не пришел к старцу. И удивился он. И, собравши остаток сил своих, побрел на костылях к старшему сыну. И, придя в дом его, спросил:

– Что в нынешнем дне отличительно от прочих дней? Почему нынче никто из вас не пришел ко мне, не спросил о здравии моем и не ухаживал за мною, как вы обычно делаете?

И ответил ему сын и сказал:

– О отец мой! Несчастье великое обрушилось на головы сыновей твоих. Знай, что раньше, чем солнце закончит круговорот свой, нить жизни нашей будет прервана. И, дабы не огорчать сердца твоего горькими стенаниями, никто из нас не явился к тебе по обычаю нашему.

И рассказал отцу про случившееся. Выслушал отец слова сына и сказал:

– Печаль затмила взоры сыновей моих, а почтение к престарелому отцу рассеяло мысли их! Сыны мои забыли, что я волхв, как и они. И, хотя я стар годами, но должен вместе со всеми волхвами держать ответ перед царем. И вот повеление отцовское мое: завтра вы поведете меня к царю и поставите в рядах ваших. И кто знает, что родит день грядущий! Может быть, мне удастся отвести меч от глав ваших и превратить печаль вашу в радость, а стенания – в торжество.

И сын с великим почтением ответил:

– Как сказал отец наш, так будет сделано!

И вот, когда с восходом звезды утренней во дворе царском собрались волхвы и звездочеты, а с ними и все знатные мужи Рима, и множество народа, пришли также семь братьев-волхвов и принесли на плечах старого отца своего.

И вышел к ним царь и, сев на трон свой, сказал:

– Тридцать дней, вам данные на волхование и гадание, минули с восходом дня нынешнего. Теперь вы должны раскрыть перед очами моими тайну того, что видел я в четырехвратной башне.

И старший из волхвов приблизился к трону и, пав на лицо свое перед царем, ответил и так сказал:

– Да живет царь вовеки! Рабы твои, волхвы и звездочеты, повинны пред тобою головами своими! Мы свершали волхования, вопрошали богов наших, гадали по звездам и по внутренностям животных, и по другим приметам. Но не было в силах наших снять покров с тайны виденного тобою в башне четырехвратной. Делай с нами, что пожелает сердце твое.

И, вспылив гневом ярости, царь воскликнул:

– Клянусь главою моею, что очи ваши больше не увидят звезд, по которым вы гадать не умеете, и уста ваши не произнесут заклинаний, которые остаются без ответа! И раньше чем взойдет звезда вечерняя, тела ваши сделаются добычей зверей лесных и птиц хищных.

Тогда выступил старый волхв и, преклонив колени пред царем, сказал:

– О владыка мой, царь римский! Да утихнет ярость гнева твоего и остановится длань, занесенная над головами рабов твоих, ибо волхвы и звездочеты неповинны в неведении своем. Знай, царь, что четырехвратная башня воздвигнута величайшим чародеем, владевшим тайною времен. И, дабы скрыть дела рук своих от звезд и духов, воздвигал он башню в те мгновения, когда день поведывает дню речение свое, а ночь шепчет ночи думы свои. И в часы сии замирают лучи звезд, и ослабевают власть духов над землею. И все, что творится в мгновения сии, остается сокрытым от мудрейших и искуснейших волхвов и звездочетов.

Выслушав речь старца, царь римский ответил:

– Старец! Речи твои свидетельствуют, что ты мудрее других волхвов и тебе ведомо то, что сокрыто от взоров их. И если ты постиг тайну строения четырехвратной башни, должен ты знать, кто воздвиг ее и что сокрыл он в недрах ее.

И старец снова сказал:

– О царь римский! Великой мудростью своей постиг ты, что мне ведомо сокрытое от взоров других. Знай, что тайна башни с давнейших времен ведома лишь одному человеку, который, когда наступает час смерти его, передает ее другому, самому достойному. Ровно сто лет назад тайна башни была доверена мне отшельником пустыни. И ныне, видимо, настал час кончины моей. И я избираю тебя хранителем тайны. Повели же всем, стоящим здесь и находящимся во дворце твоём, удалиться на расстояние выстрела от трона твоего. И тогда раскроются уста мои.

И царь повелел удалиться всем на расстояние выстрела. И когда сие было исполнено, старец начал рассказывать.

III

– Да будет ведомо тебе, царь римский, что четырехвратная башня воздвигнута царем Нимродом. И построена она не руками человеческими, а силою волшебства. Когда Нимрод воцарился над всем миром, сказал он в сердце своем: «Я – бог». И все поклонялись ему и приносили жертвы. И вот, боясь, чтобы после смерти его не воцарился над миром другой, который разрушил бы жертвенники, ему поставленные, и стер бы в памяти людей имя Нимрода, воплотил он всю мощь всемирного владычества своего в железной короне своей. И от

этого обрела она тяжесть невероятную, так что величайший богатырь не смог бы сдвинуть ее с места даже на расстояние волоса. И воздвиг Нимрод вокруг короны башню, и сделал в ней ворота на все четыре стороны света, дабы она была открыта для всех, и дабы никто, проникнув в нее через одни ворота, не мог сказать: «Я переступил порог башни, и она – моя!» Но, дабы оградить корону от множества взоров человеческих, сделал он, чтоб ворота раскрывались только для царей и владык земли. И вот, когда умер Нимрод, во всех царствах стало ведомо про корону железную – кто ее возложит на главу свою, тот воцарится над миром. И стали со всех четырех концов света стекаться цари и князья. И все с жадностью великою хватались за корону железную, чтобы поднять ее. Но ни единый из них не мог сдвинуть ее с места. И от натуги сильной поднимавшие сами погружались в землю, сперва по колено, потом по пояс, а затем – и с головой. И оставались над землею только руки, которые не переставали с жадностью великой тянуться к короне и цепляться за края ее. И так продолжалось множество лет. И погибло множество царей и властителей. Но устремлявшихся к короне железной от сего не уменьшилось.

И вот настал день, и воцарился кесарем в Эдоме муж, духом сильный и сердцем жестокий, по имени Нерон. И пошел он, по примеру других, в башню четырехвратную, чтобы поднять корону железную. Но, увидав вокруг нее великое множество из земли протянутых рук человеческих, понял он мудростью своею, что одной силою рук нельзя поднять корону Нимрода. И призвал он из страны египетской старейших и мудрейших волхвов и, поднося им дары великие, просил открыть ему, какими силами можно поднять корону железную, чтобы самому не погрузиться в землю.

И волхвы египетские, свершив волхование свое, поведали кесарю так:

– Знай, кесарь, что тайна поднятия короны железной сокрыта от звезд и духов. И доверил ее Нимрод лишь недрам каменным. Начертал он ее на свитке и, взойдя на высочайшую из вершин недоступных Гор Тьмы, выдолбил в камне отверстие и вложил туда свиток. И завалил отверстие сие скалою невероятной величины и тяжести. Однако мы великою силою волхования нашего добыли свиток и принесли его тебе.

И Нерон-кесарь, взяв свиток, развернул его. И прочитал в нем запись, начертанную словами халдейского наречия. И запись гласила так:

«От меня, бога всего живого и властелина мира, Нимрода, кесарю страны Эдома, Нерону – мир! Да будет ведомо тебе, кесарь, что корону всемирного владычества нельзя поднять ни силою рук, ни победностью меча, а только хитростью и вероломным лукавством. И вот, дабы овладеть короною железною моею, разошли гонцов своих к царям и властелинам всех семидесяти народов и племен мира. И пиши каждому льстивые письма, восхваляя его мощь и силу. И предлагай каждому, чтобы он купно с тобой тайно от других поднял корону мирового владычества, дабы вы оба разделили царство всего мира. И сделай все сие с большой мудростью и сугубой осторожностью, дабы один властелин не знал, что посылаешь гонца к другому. И, когда все цари земли соберутся к тебе, введи их в башню разными воротами. И разными путями и тропинками поведи их к короне железной. И, когда все они в один час сойдутся у короны железной и увидят друг друга, они, вместо того чтобы подымать ее, нападут друг на друга с яростью превеликою и перебьют друг друга мечом. И от крови их образуется вокруг короны озеро кровавое. И корона всплывет наверх озера. И тогда пойдешь ты в башню и без труда подымеешь корону. И, возложив ее на главу свою, обретешь царство всей земли.»

И Нерон-кесарь исполнил все с большой мудростью и лукавством. И, когда собрались цари и властители и, обступив корону, перебили друг друга мечом, образовалось озеро кровавое, и корона поднялась на поверхность его – Нерон-кесарь пошел в башню и протянул руку, чтобы поднять корону. Но не мог сдвинуть ее с места, ибо она и на озере кровавом лежала крепко, и не потеряла от тяжести своей.

IV

И снова собрал Нерон-кесарь волхвов, и просил указания, почему не исполнилось начертанное в свитке, и корона железная осталась недвижной по-прежнему?

И волхвы ответили Нерону-кесарю так:

– Знай, кесарь, что неудача твоя по твоей вине, ибо не точно исполнил ты начертанное в свитке.

И удивился Нерон-кесарь, и спросил:

– В чем отступил я от указаний, данных в свитке? Укажите – и я исправлю ошибку содеянную.

И ответили волхвы:

– Указано было тебе, кесарь, собрать властелинов всех семидесяти народов и племен земли. Ты же пропустил один народ, не призвав властителей его. И от того корона железная не потеряла от тяжести своей.

И стал Нерон-кесарь доискиваться. И нашел в летописях своих, что созданы были цари и властители шестидесяти девяти народов и племен. И, перечислив их по одному, увидел он, что пропущен был народ Израильский.

И, созвав волхвов, сказал им Нерон-кесарь так:

– Истинны слова уст ваших: не всех властелинов созвал я, ибо пропущен был мною народ Израильский. Но как мог я призвать властелина народа сего, когда он не имеет ни земли, ни царства своего и блуждает среди народов мира без собственного владыки.

И ответили волхвы, и сказали:

– Знай, кесарь, что над народом Израиля не прекратилось владычество дома царя Давидова. Посему, вот тебе слово наше: собери из потомков Давидовых десять мужей и поведи их в башню к короне

*Èàè ì fàò fèdùòùì òí òèòàí èy fàtè,
 Àfèè fèfàt ààùàà àùòùààòíy ààç àí èè ì fàé?
 Nèòòàé òà: è ì fè, fùí Yàí à,
 Àí àí èè ì òí òèòàí èp ì fàí ó ì óè àí òù Nàèdà!
 Àí ò í àðíà Èpòàèy òàííyí í úé,
 Nòàùí í àðíàí à è í èàí àí àèàùtèé.
 Í fàí àáí í í ò òààí ì òí çyààpùàé,
 Í fèdùààpùàé èèòí çàí èè àíàé.
 Í àò ì òàààèà òàíí òí òò òàí àí èp àá,
 È fàò èíò òààèàí èy òí àò àá.
 Bàò òò è óy'áàòò,
 À àçtèáàò mèí òà - è àí fàí ì òí òàòò òò...
 Í í çí àé, fùí Yàí à, ì óè mèdòòàpùèé,
 Í òèéí í è òòí è fèfààí ì fèì, èàíòùí Dèì à!*

И глава отрубленная продолжала речь свою, и сказала:

– Каждый из сынов Израиля имеет травку свою. И пока травка растет и сохраняет зелень свою и пахучесть, до той поры жив человек, с нею связанный. Но вот засохнут корни травки, и стебель ее согнется, и пожелтеет вид его, и потеряется пахучесть. И в тот же миг иссякнет жизнь из тела израильянина того, и будет он праху подобен. И еще знай, кесарь страны Эдома. Каждая травка сынов Израиля имеет свой вид, отличающий ее от всех трав земли. И вот, дабы истребить род израиля до последнего, разыщи травки жизни сынов Израиля. Ищи их в местах высоких и местах низких, в полях тучных и на равнинах бесплодных, на склонах гор и в расщелинах скал. И, найдя, вырывай с корнем и собирай. И веди им счет точный. И, когда соберешь шестьдесят раз по десять тысяч, знай, что число исполнено. Ибо таково число сынов Израиля. И вот, когда травки пожелтеют и иссякнут соки корней их, придут конечная гибель дома Яакова и исчезновение колен Израиля.

И Нерон-кесарь, выслушав прорицание, вернулся в страну свою и разослал во все четыре стороны земли слуг своих, в злаках полевых сведущих, дабы они собирали травы жизни сынов Израиля. И каждый принес с собою всяких других трав земли. И по прошествии малого времени вернулись слуги его. И каждый принес с собою горсти трав, вырванных с корнями. И считал Нерон-кесарь травы, но не мог сосчитать.

И вот, травы сами стали приближаться одна к одной и образовали пачки по десять, по десять. И испустили из себя нити, и перевязывались пачками. И когда собралось шестьдесят тысяч пачек, понял Нерон-кесарь, что вырвал корни жизни сынов Израиля до единого. И достал из сокровищницы царской ларец золотой, красоты неопикуемой. И вложил в него травы, и отнес в башню. И вернулся к себе, веселый и радостный сердцем, ибо был уверен в близком достижении мирового владычества.

И прождал Нерон-кесарь год целый. И вот, по истечении года, пошел он в башню, дабы увидеть засохшие травы, без труда поднять корону железную. Но, открыв ларец, он к превеликому изумлению своему увидал, что травы все зелены и пахучи, и корни их свежи и сочны, точно не были вырваны из земли.

И, увидав сие, воспылал Нерон-кесарь великой яростью, и воскликнул:

– Вижу я, что лживы и обманчивы были прорицания главы отрубленной! И вот, клянусь жизнью главы моей, что истреблю мечом весь народ Израильский.

И послал он воинов своих по стране Эдома и по всем другим странам земли. И приказал истреблять мечом сынов Израиля от старца до младенца, мужчин, женщин и детей, а добычу предать разграблению. И началось повсеместно истребление сынов Израиля. И падало их великое множество.

И вот, когда близко было истребление дома Яакова, перед тронном Нерона-кесаря появилось множество духов в образе воинов, и начальников, и старейшин. И с весельем и вострублением трубным возвестили они, что покорили для Нерона-кесаря все страны и царства земли. И повели его в башню четырехвратную. Но когда Нерон-кесарь повелел принести корону железную и возложить на главу его, окружавшее его воинство набросилось на него, стащило с трона и в единый миг растерзало на мелкие части.

И с того дня каждый вечер повторяется сие. И вот, когда вельможи и волхвы, и мужи знатные Рима увидали, что Нерон-кесарь, войдя в башню, не возвращается более, поняли они, что злая участь постигла кесаря. И постановили, дабы эта участь не постигла на предбудущее время и других кесарей, запереть все четверо ворот башни. И еще постановили, чтобы каждый новый царь при избрании своем на царство навешивал по одному замку на каждые из ворот. И сделали так. И волхвы, собравшись и прочитав свиток Нимрода, порешили, чтобы тайна башни и всего случившегося с Нероном-кесарем было на предбудущее время ведомо только одному волхву, который передавал бы ее перед смертью достойнейшему из товарищей своих. И сделали так.

VI

И вот, когда старец, поведывавший царю римскому тайну башни четырехвратной, закончил речь свою, он весь ослабел и стал умирать. Но царь римский бросился к нему и, сильно тряся его, с великой мольбой просил сказать ему тайну трав жизни сынов Израиля.

И старец, еле разжав помертвевшие уста свои, чуть слышно прошептал:

– Травы жизни сынов Израиля сохранили зелень свою и сочность корней потому, что оставались связанными пачками, пачками. Если бы Нерон-кесарь рассеял травы по всем четырем концам земли по одной, по одной...

И, не докончив слов своих, испустил дух.

И царь римский с великой поспешностью сошел с трона своего и пошел в башню через третьи ворота, и приблизился к ларцу, и раскрыл его.

И вот, когда он протянул руку и начал срывать связи с трав жизни сынов Израиля, – из ларца вдруг выскочил телец двуглавый, вида устрашающего и, уставив на царя римского взор огненный, издал крик, подобный рыканью львиному. И от рыканья сего пал царь римский, сраженный насмерть. И наполнилась башня дымом. И всколыхнулось бурным волнением озеро кровавое. И корона железная опрокинулась, и пошла ко дну. И из храма потомков Давидовых раздался последний «Аминь».

«Азбука» і ед. 1918 ǎǎ

ВЕК СВЕТЛОВА

יְהוֹשֻׁעַ עֵטוֹ

О нем говорил Шкловский:

– О, Миша – уже цадик... – В том смысле как обращались к Михоэлсу – ребе.

Словарь местного языка, изданный при жизни Светлова (вскоре после гибели Михоэлса), четырехтомный толковый словарь, опускает и ребе, и цадика. Правда, раввин присутствует. С примером из Куприна и комментарием мелкими буквами: «от др.-евр. Rabbi – мой учитель».

В современном глоссарии и ребе, и цадик – синонимы: а) учитель, б) праведник.

Светлов, разумеется, не был святым. Но воплощал идеал порядочности.

При любых обстоятельствах, – писал современник, – в любом обществе спокойно и правомерно оставался самим собой... В нем не было ни одной фальшивой ноты.

Помню, как студенты Литинститута выступали в Московском университете. Была там Белла Ахатовна Ахмадулина, второкурсница, 19 лет. И такого же возраста университетский филолог прочел пародию Александра Архангельского:

*В аеае ннн ай
Ееде: аеее мн
Е мн йеи ноддй йу
Аанн а ййдеае.
Надддй йа аеей
Й йде: ай й йа
Аааеб ннн йнн е
Еей йа йа нодд а..*

Не ручаюсь, что бедный филолог добрался до конца. Боюсь, Белла Ахатовна не позволила. Между тем безымянный мальчик, нарочито картавящий «под Светлова», совершал отчасти акт гражданского мужества. Ведь то, что мы знали тогда по опыту, сейчас открыли документы.

Запрету подверглись шесть изданий пародий Архангельского, начиная с книги «Пародии» (М., 1927) и заканчивая книгой «Избранные пародии, эпиграммы, сатира» (М., 1946)... Тираж последнего издания «задержан по указанию Управления пропаганды и агитации... В пародии на Маяковского совершенно неуместно высмеиваются патриотические мотивы... В эпиграфе к пародиям Б. Пастернака пропагандируются клеветнические высказывания последнего... Очевидна сатирическая ограниченность имитаций... острая критика нередко подменяется дешевым зубоскальством».

Клопные трупы

Усеяли пол.

Вдруг дверь отворилась,

И Гейне вошел.

.....

Гляжу я на гостя –

Он бел, как стена,

И с ужасом шепчет:

– Спасибо, не на...

Да, Гейне воскликнул:

– Товарищ Светлов!

Не надо, не надо,

Не надо стихов!

В общем, Белла Ахатовна возмутилась. И грудью (буквально и фигурально) защитила поэта. В наступательном порыве прямо-таки вытеснила зарвавшегося филолога. А пылкая сопроводительная речь свелась к трехчленной сегодняшней формуле: Светлов – это святое!

По случайным обстоятельствам я, Пинхас Коц, затесался на поэтический семинар. Вне всякой связи с «деревенской прозой», которой тогда вроде и не было, предложил Светлов, глава семинара, побеседовать о Григоровиче.

– О ком? – удивился кто-то. – А по какому поводу?

– Повод, выпад... – сказал Светлов. – Просто я человек с высшим образованием. – И, может быть, прибавил: Незаконченным.

Хотя, кажется, кончил Литературный институт. Не тот, где учились мы, – имени Горького, а прежний, двадцатых годов – имени Брюсова... И вот толковал о Григоровиче.

Который Дмитрий Владимирович (1822 – 1899). Отец – хорошего дворянского корня, да на беду очень рано угас. Сирота воспитывался, как Обломов, в симбирском поместье, натурально, мамой и бабушкой – француженками. Русский язык перенял у дворовых. И этому полуфранцузу обязана местная литература «Деревней», «Антоном Горемыкой»... Организовал рисовальную школу, художественный музей, приветствовал молодого Чехова...

Где-то повыше помянули мы Куприна с примером из справочника на слово раввин. Вот он, пример:

Формулу присяги читал православным – священник, католикам – ксендз, евреям – раввин.

А теперь – частное послание того же автора (Александра Ивановича Куприна), никак не рассчитанное на публикацию:

Каждый еврей родится на свет с предназначенной миссией быть русским писателем.

Избранный народ! Идите в генералы, инженеры, ученые, доктора, адвокаты... но не трогайте нашего языка!

Эх! Писали бы на своем (многоточие) жаргоне и читали бы сами себе вслух свои вопли. И оставили бы совсем русскую литературу!

Краткую лекцию о Григоровиче, полуфранцузском бытописателе местной деревни, завершил Светлов, почудилось нам, неожиданно. Для вас, читатели, из-за купринских откровений, чуток отпадает эффект внезапности. А мы вдобавок его и потопчем – эффект – посредством Горького.

Приблизительно в эпоху студенчества, аккуратно в семинарский период, раздобыл я изъятую брошюру – М. Горький, «Будем на страже». 1931 год. На последней странице Государственное издательство политической и партийной литературы «Московский рабочий» рекламировало свою продукцию.

Карл Радек (Крадек, Собельзон) за восемь копеек разоблачал вредителей. А. Лозовский (не Соломон Абрамович, а полный партийный псевдоним Алексей Лозовский) за двадцать лет до собственной скамьи подсудимых учинил расправу над реформистами – «Итоги процесса меньшевиков», 29 страниц, 6 копеек. Государственный обвинитель Крыленко (подпольная кличка – товарищ Абрам) оглашал «Приговор над контрреволюционной организацией», 128 страниц, 18 копеек

Соблюдая такой же листаж и за ту же, в общем, цену (40 копеек) Алексей Максимович Горький (на страницах 12-й и 13-й) пишет:

Литератор, которого, казалось бы, профессия обязывает быть грамотным, сообщает: «У нас, при общем взгляде на литературу, как будто и нет талантов. Печатаются евреи, кричат о них, редактируют о них. Просто тошно».

И мне тошно, гражданин, от вашего дикого невежества. Ибо кричат у нас (предъявляются местные фамилии на -ов. – П.К.). Вы, гражданин поэт, думаете, что, например, Бабель или Уткин и другие талантливые евреи хуже такого гуся, как вы? Ошибаетесь, гражданин! Ошибаетесь по малограмотности своей!

Но дело не в малограмотности. На каком-то году революции (8-м? 9-м?) попали Светлов да Уткин в некую (в кавычках – эпитет Светлова) «махровую» компанию, где хозяева и отдельные гости – с интеллигентским, простите, радушием – интересуются: на каком, дескать, основании оба, извините, поэта причисляют себя к русским писателям?

– Я, – парировал Уткин, – по фамилии. На птичьих правах.

Вот вам и точка. Жаль, не последняя. Ибо на тот семинар забрел мимоходом жовиальный провинциал – ныне покойный знаменитый прозаик и сценарист, тогда едва ли тридцатилетний Фридрих Марксович Партос (как изредка представлялся с харьковским или днепропетровским апломбом). И говорит, то бишь бормочет... Будущий, излагаю, классик Фридрих Марксович невнятно пролепетал о живом классике – Светлове:

– В сущности, он да Уткин – национальные авторы, хотя и писали... пишут по-русски...

Так ли, нет – судить специалистам. Мы же, с присущей нам скромностью, откликаемся на хронологический факт: не всякий ведь год Михаилу Аркадьевичу Светлову исполняется сто (100!) лет.

В литературных кругах

I

Есть убийственная формула Михаила Афанасьевича Булгакова:

Нельзя одновременно подметать трамвайные пути и устраивать судьбу каких-то испанских оборванцев...

Но почему оборванцы – испанские? Просто ли оттого, что всякая картинная нищета, живописные лохмотья связаны у нас с югом, Средиземноморьем? И прилагательное «испанский» (шпанский, гишпанский) продуцировало существительное «шпана»...

А Швондер из «Собачьего сердца» попрошайничает ради немецких детей. Там, в Германии, произошла революция, установилась Баварская Советская республика, планировался – вслед за Гамбургским восстанием – всеобщий коммунистический переворот.

При чем тут Испания? Тихая, мирная. Счастливо избежавшая «мировой бойни». Известная в двадцатые годы разве что «испанкой» – гриппом, эпидемия которого охватила Европу... До испанской войны, до смуты и передрыг – переть и шагать!

В Москве, однако же, обретался автор, который, помимо Булгакова, обратился к Испании. И поведал нам о приятеле, что

Пел, озирая родные края:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

В поздней заметке «История одного стихотворения» (1957) Михаил Аркадьевич Светлов говорит:

В двадцать шестом году проходил я днем по Тверской (где теперь Театр имени Станиславского). В глубине двора увидал вывеску: «Гостиница «Гренада»». И появилась шальная мысль: дай напишу какую-нибудь серенаду.

Всякая местность, в какой-то степени, знаковая, но Гренада, конечно, – символ романтики, «название, – полагал Набоков, – особенно заманчивое для русского воображения».

Чтоб далеко не ходить – Чехов («Дама с собачкой»):

Обыватель живет у себя в Белёве или Жиздре – и ему не скучно, а приедет в Ялту: «Ах, скучно! Ах, пыль!» Подумаешь, что он из Гренады приехал.

А глава в «Двенадцати стульях» – От Севильи до Гренады! Ведь это то самое, что напевают Ипполит Матвеевич Воробьянинов и профессор Преображенский в «Собачьем сердце». Музыка – Петра Ильича Чайковского, слова – Алексея Константиновича Толстого с будущею «светловскою» рифмой:

*Î ò Ñààèèùè àì Áðàí ààù
Â òèòì ñù ðàèà íí-àé
Ðàçààð òñý ñàðàí ààù,
Ðàçàààòñý çàí í ì-àé.*

Заметим в скобках, что у графа Толстого стук, но предводитель дворянства с профессором в один голос выводят звон... Закроем скобку.

Весьма соблазнительно угадать, что знаменитая «Гренада» и есть источник Булгакова:

*В òàòó í íèèí òé,
Î í òàè àí àààòóí
× ò í á çàì èþ á Áðàí ààà
Èðàòóñý í àí í ò ààòóí*

Спору нет, важно разрешить аграрный вопрос в Пиренеях. А кому, извините, подметать трамвайные пути на бульварном кольце?

Все бы хорошо, да только Светлов, вы слышали, шел по Тверской в 26 году, а «Собачье сердце» – 25 года. Хотя в той же заметке («История одного стихотворения») уверяет Светлов, что, «с пылу с жару» прибежавши с «Гренадой» в редакцию, застал... Есенина.

Возможно, чего-то путает. «Гренада» напечатана в «Комсомольской правде» 29 августа 1926 года. И тотчас достигла Парижа. В новогодней открытке Марина Ивановна Цветаева просит Пастернака:

Передай Светлову, что его «Гренада» – мой любимый (чуть не сказала: мой лучший) стих.

Маяковский читал «Гренаду» в Политехническом, где Булгаков вроде бы не бывал, но сражался с поэтом на бильярде. Отчасти в ответ на «Собачье сердце» сочинил Маяковский «Клопа» (с поминовением Булгакова в справочнике умерших слов: буза, бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков)... А в процессе бильярдных баталий вдруг прогудел басом, играя кием:

*Î ò ààòó Áèàèñàí àðí àñé,
È Òàðèèèá í ò ààòóí
Áààí í èù í í-èñ àí íèè
Áù í à-àèè í àòóí?*

Александровск – нынешнее Запорожье, о чем киевлянин Булгаков худо-бедно слышан. Ну и спросил, укладывая шар:

– А правда, Владимирович, давно ли запорожцы испанизировались?

И Маяковский достал из широких штанин не «Комсомольскую правду», а машинописный листок. Вот, мол, что, Михаил Афанасьевич, сотворил ваш земляк и тезка – прежний малороссийский житель Михаил Светлов...

*È í íàí òñ àòí ñí ó ýçíéó
Òù í á ààù
Èàòóí è è ðàèèð-èàíé, –
В ààù í á í ðí ò àññ ð Î ÁÓ,
À àññ èèòóí
Ñèðí í úé ñù Áàðèè-ààí*

Михаил Аркадьевич Светлов родился 17 июня 1903 года в городе Екатеринославе (покамест еще Днепропетровске).

II
Νῆ-εὐαῖ, ὄτ ἴί ἰ ἰεὲὸνῖ
Ἐ αῖὶ αἰὸ γὰ ἀῖαῖ..

Дело происходит в Москве, в Литературном институте, на поэтическом семинаре Михаила Аркадьевича С. Место действия – актовый зал. На сцене, за спиной С – трибуна. Висят какие-то многолетней давности кумачи.

Из присутствующих отмечу дежурного... или как оно называлось? В общем, каждый участник семинара по очереди обязан вести журнал и фиксировать, так сказать, событийную сторону: кого обсуждают, какие суждения...

Вот он-то – по нашей терминологии – дежурный. В таком звании его и оставим. Разве что с прописной буквы. Хотя помним, конечно, фамилию, паспортные данные, псевдоним... Даже виделись лично... по телевизору... когда бывший Дежурный в качестве поэта-песенника...

Да нет, хороший парень! Сын столичного директора, выдававший себя за одессита и остряка. И мы уж полжизни бережем некую шутку, которую надеемся употребить. Бывало, спросишь покойного: «Ну, что новенького?» Ответ: «Шнурки от ботинок».

Вот этот самый Шнурки от Ботинок...

Но прервемся на краткий миг. Сейчас появится С.А. – Современный Автор, две строчки которого выставлены в эпиграфе. А куда позволим себе предварительное замечание.

В эпоху, скажем, недоиздания Джойса и переиздания Пруста некоторые обучались литмастерству по «Разгрому» Фадеева. Там один герой – Морозка, другой – Метелица, но спутать их совершенно невозможно. Имеется еще командир с неудобнопроизносимой фамилией (так среди полезных сельхозугодий встречаются «неудобья») и его помощник Бакланов, подражающий своему кумиру.

Тот из-за ранения не в состоянии вертеть шеей – разворачивается всем корпусом. Ну и Бакланов то же. И с большим литературным мастерством в романе объявлено: внешние-де замашки отпадут, а суть перейметя.

Говорят, человек – прообраз Бакланова из «Разгрома» – сделался скульптором. И очутился на Колыме. Заодно с неудобным командиром, который загнулся в военном году... то бишь его загнули, чтоб чересчур не радовался немецким победам.

Смекаете, да? Он – красный партизан и представитель неудобья – симпатизировал Гитлеру!

И это не менее (и не более!) удивительно, чем судьба Бакланова-прототипа. Который чего-то там изваял. И быстро прославился. Схлопотал премию. Плюс обратный билет в Европейскую Россию... Да местные бедолаги нагрянули к нему в мастерскую аккурат накануне отъезда.

Но памятник, по слухам, осталась. В Магадане или в Норильске. В Находке или в Совгавани. В Сучане на Суковом болоте... Там стоит человек с несгибаемой шеей.

О ней-то и пойдет речь. Шея у С была худая и длинная. Когда со временем – на короткий срок – он сделался местной правдой и совестью, изумленному глазу с внезапностью открывалось, до чего ж она, наша правда, картавая да кривая. С утиной головкой на лебединой шее.

Но пора уж впустить С.А. – Современного Автора. Вот он – по контрасту – двухметрового роста с жидкими глазами прибалта. И едва отворил дверь, – нельзя ли, спрашивает, почитать?

– Валяйте! – сказал С.

Вполне возможно (а нам и желательно), чтоб это свершилось в тот день, когда на доске объявлений вывесили приказ об отчислении Современного Автора из института... за непосещение. А он возьми да и посети!

Для полного эффекта тут бы и полный зал. Да не было. Так, редкими шашечками (если снимать с верхней точки). А впереди – по первой горизонтали – С, С.А. (Современный Автор) и покойный Шнурки от Ботинок. Этих – лучше «с пуга». Общим планом. Наездом через наплыв. И конечно, синхронно. В прямом эфире. В режиме реального времени.

То, что на телевидении именуется «текст», отыщите вы в каком-нибудь сборнике Современного Автора. «Зрительный ряд» – две головы и две шеи, связанные между собой законом «Разгрома»: С – за неудобного командира, а Шнурки от Ботинок – в роли Бакланова.

И вот, куда длилось стихотворение или, в нашем телесюжете, гремел закадровый голос, Шнурки от Ботинок наклонился вперед, а голова С падала навзничь, и он предложил Современному Автору, окликавая его по имени:

– Хотите, я сделаю вам стишок?

Нет, стихотворение, – сказал С.

А «стишок», – так позволяла себе Анна Андреевна Ахматова, которая, кстати (или некстати), говорила об С: «Я понимаю, почему вас все любят».

Современный Автор тоже, вероятно, любил. Однако же кивнул удрученно.

С попросил читать медленно, смолкая после каждой строфы. И в паузе выносил приговор: не надо... Нам понадобилось четверть века, чтобы почитание С сменилось почтением к С.А. (Современному Автору).

– О! – вдруг сказал С.

У него между прочим был сосед с неудобной фамилией. Однажды, передавал Шнурки от Ботинок, сосед прибегает с потрясающей новостью: в полночь Спасская башня бьет одиннадцать раз.

– А в полдень? – спросил С.

– В полдень не знаю, а в полночь – одиннадцать!

Идут проверять. Визуально очень изобразительно. Главная площадь, глянец булыжника... Неудобная фамилия задирает голову, С кладет на плечо. «Бам!» – бьют часы. «О!» – говорит фамилия. «Бам!» – бьют часы. «Раз!» – говорит фамилия... Словом, прослушав двенадцать строф, С дважды воскликнул: о!

Мы были счастливы. Шнурки от Ботинок скрѣбал перышком, заполняя журнал.

*N:éòàÿ, ÷òí íí ì íéèòíÿ
È áúí áàò çà áúí,
Í áíéè ÿáíí èè ì áééóú,
Í áíéè (òà-òà) è ì áú.
À ÷òí íí ì íá(òà-òà, òà-òà),
Áíæèøéí íááíéúóíé
Ñ (òà-òà-òà) ááááÿíííþ,
Èíòí:áííé áóóíé.*

Вот все, что оставил С от работы С.А. (Современного Автора).

– Знаете, Михаил Аркадьевич, – вздохнул тот, – мне очень нравится ваше последнее стихотворение. В нем, если не ошибаюсь, десять строф, но я бы, с вашего разрешения, малость подсократил.

– Валяйте! – сказал С.

*È Ñíáááí áííúé Ááòíðíðí:áé:
Èáé ì áéú-ééé, ì á-òàÿ í ííáááá,
Òí ÷áééíí á íáéçááíó í úá éðáÿ,
Ááá áí áéá í à ááóó áééííéí áááó -
Èþáíáí ì íÿ è ì íéíáííòúí íÿ.
Í á áíééÿ ñòáðííòé! (Òáðà-òàòà)
ì óíòíá
(Òáðà-òáðà-òàòà) áíáí áíðíò.
È ñí áðòúé òááá (òáðà-òàòà)
ì ðííòíþ,
Çáíòáí ÷éáíþ áááí:éíé ì ðéááò.*

– И все? – спросил С.

– Ага, – сказал Современный Автор.

И оба они засмеялись.

Михаил Аркадьевич Светлов скончался в Москве 28 сентября 1964 года.

III

Режиссер-комедиограф Тимошенко (полный тезка авиаконструктора Семена Алексеевича Лавочкина, каковое тождество совершенно нам ни к чему, но пронизательный читатель, глядишь, и проникнет), – Семен Тимошенко снимал некогда фильм «Три товарища» (сценарий Алексея Каплера при полном отсутствии Ремарка с одноименным романом).

Понадобилась песня. Режиссер пригласил композитора (Дунаевский) и Светлова (поэт). Оба не возражали, но Светлов все тянул и тянул, принудивши комедиографа к «насильственным действиям». Режиссер заманил поэта (положим, в гости) и запер.

– Рожай бекицер! Покуда не сочинишь – не выпущу! – И удалился.

Куда? Скорее всего – на коммунальную кухню.

Но не успел распалить плитку, накачать примус, пролистать исчерканный режиссерский сценарий – бах! трах-тара-рах! – раздался оглушительный грохот: поэт требовал освобождения. Справился, мол, фертиг! Принимай работу, начальник!

В условиях общей квартиры не слишком-то ловко кричать через дверь. Тимошенко отворил. И находясь на пороге, загромождая проход, ознакомился с будущей песней...

– Неужели, – спрашивает, – вы написали это сейчас, за несколько минут?

– Да, – усмехнулся поэт. – Несколько минут плюс целая жизнь.

Светлову было в то время тридцать лет, и ровно столько же предстояло еще прожить.

*Òú ìíí íéèú, òíááðéú, èáé áí áíòá
ííáæáééíí
Èáé íáííáíéí áéá áíçá?
Òíááá í áí ñ òíáíþ ñéáí çú áúí
óéúááééíí
Áá áíéóáúá áéáçá..
Í íÿò è Ðááá*

Поздний Светлов сказал:

– Чего от нас хотят? Мы уже и водку пьем, как они...

Как они – в смысле: тем же способом? Или: раньше не пили, а теперь пьем?

Трезвость, – говорит рав Штейнзальц, – неотъемлемая черта еврейской культуры. Хотя с Книгой Эсфирь связана вроде бы обратная заповедь – напиться. Но Пурим – карнавальный праздник – единственный день в году, когда разрешается и поощряется то, что запрещено.

Выпивая, Светлов бормотал:

– Сегодня у меня Пурим...

Вопрос в том, – говорит рав Штейнзальц, – как пить и зачем пить? С целью забыть или с целью вспомнить?

Óññò

Михаил Аркадьевич Светлов женился на грузинке. Свадьбу справляли в Тбилиси. И местный горный орел воспарил:

– Я пью за нашего дорогого зятя, который совпадает именем с великим полководцем Кутузовым...

А наш дорогой зять – тоже майор.

Второй аксакал предложил выпить за нашего дорогого зятя, что носит имя великого поэта Лермонтова... а наш дорогой зять – тоже писатель. Третий помянул Михаила Ломоносова – великого ученого... а наш дорогой зять ничего себе... соображает.

– Я поднимаю этот бокал, – торжественно возгласил четвертый, – и с благодарностью вспоминаю ту маленькую птичку... пичужку, которая первой увидела Михаила и первой приветствовала его в нашей гостеприимной местности.

Классическая еврейская трапеза, – говорит рав Штейнзальц, – это трапеза с гостями. Как грузины, мы собираемся за столом, чтобы вспомнить. Другое дело, когда люди пьют, чтобы забыть и забыться – уйти в иную реальность, ибо ничего уже изменить нельзя.

По причине Советской власти, хотя и по разным поводам, запойными были: Фадеев, Твардовский, Олеша...

Светлов рассказывал, что стал «принимать», когда пригласили в «органы» с явным намерением вербовать. Вот и явился, заплетаясь ногами и языком. Я, дескать, алкоголик – никакого проку.

Пить до умопомрачения, – говорит рав Штейнзальц, – признак капитуляции. Установка, предельно чуждая еврейскому сознанию.

– Я нынче – «в стельку», – сокрушался Светлов с просьбой проводить до дому. – Переквалифицировался в сапожника.

È ïï ãñññ òç ÓÄË ÷ è ò à è è è ãññ ÷ ãñññ ã ãññ ãñ ò à ç è ó

В á õñ ò à è ç à ã ã ò ãññ è ç ãññ ò ò ï ï

Евреи пили всегда, – говорит рав Штейнзальц, – и нельзя сказать, что мало. Вино и водка за праздничным столом служат взаимной любви, веселью и благодарности.

Ï ðñ ã è ã ã ã ò ãññ ã ò ó ÷ à ò

ç è ï ù ãññ è ï à

Ï ï ðñ è è ï ò ãññ ã è ï ðñ

Ï à ç à ï è ð ã ã ã ã ã ã -

Õ ï ðñ è ï ï à ï ã ã ò ï

ç à ã ò ï è è ï è à è ï à

È ç à è ã ã ã ã ò ï

Ï è ðñ ù ï è ãññ ï ï è ðñ ã ã

Ï è ò à è è Ñ à ï ò è ï à

Ï è ðñ è à

НА КРАЮ

Αὐτὴ ἔβλεπ

Бараны и война

I

Некто, в прошлом российский агент, а по-нынешнему английский историк, рассказывает, как Сталин тужился разгадать Гитлера. Нападет ли? Нет? Когда?

Вообще-то остерегали с разных сторон. И Черчилль-премьер послания направлял, и Зорге-шпион шифровки отстукивал...

Да ведь у всякого – свой резон! Черчилль, к примеру, – британская акула. Поджигатель войны! Спит и видит – русских да немцев сравить.

А Зорге – невозвращенец. Да! Сколько в Москву приглашали, а он – ни в какую. Я, блин, здесь на посту... Ну и доказывал!

Как же, однако, Гитлера разъяснить? До тонкости. С последней несомненностью...

Есть способ! – разведчики рапортуют. – Только давайте, товарищ Сталин, в отдельный кабинет удалимся. С глазу на глаз. Нос к носу. Чтобы ни ухом, ни рылом...

Уединились, сблизились...

Первое дело, – главный разведчик нашептывает, – бараны. Второе, извините, хитрее... Помните, как умелец Левша к царю пробирался? Что англичане-де ружейный ствол кирпичом не чистят... Так и тут. Очень деликатная вещь, доложу я вам, смазка. Смазаете?

И товарищ Сталин, само собою, усёк...

II

Ах, сюда бы сейчас Мишу! Хоть какого – Салтыкова ли Щедрина, Жванецкого...

Пушай бы изобразил, как будущий генералиссимус и будущий маршал под охраною, за семью замками, в бронированной комнате ухо в ухо шушукают:

– Ну что, – генералиссимус шелестит, – гонят баранов?

А маршал слева направо (отрицательно) головкой мотает.

– Не стригут, не бреют?

Опять слева направо.

– А смазка?

И маршал сверху вниз (положительно) закивал.

– Старая, блин. Летняя. Как была.

Весьма красочная картинка у Миши-сатирика получилась бы!

– Так сколько, ты подсчитал, баранов-то?

– Ну-у, – будущий маршал палец загнул, – армия, округлим, пять миллионов. Каждому на зиму – полушубок. Один солдат – один баран... Пять миллионов баранов.

– И не гонят?

– Не гонят, товарищ Сталин. В отары не сбивают. Не бреют, не стригут... И смазка, как есть, – летняя.

III

В ранней юности, едва ли не из учебника, вычитал я потрясающий факт. И прямо скажу – зашатался. После открылось, что данный факт поразил некогда Троцкого. И он вставил его в свою «Историю революции».

Дескать, в 1916 году чуть ли не в декабре французский, что ли, посол беседует с важным царским сановником. Министром, пускай, сельского хозяйства. Насчет, положим, земли, земельной реформы...

– Да, – соглашается министр, – да! Будем проводить. Непременно проведем. Но пока...

– Нет, – прерывает посол, – нет! Вы, пожалуйста, на войну не кивайте. Само по себе твердое обещание...

– А-а! – рассердился министр. – При чем здесь война? Чтобы реформу осуществить, землю надобно перемерить. Для чего требуется, – и воздел указательный палец, – триста тысяч землемеров!

Во-о-от, – хохотал и приплясывал Троцкий, – вот потому, – заливался, – и происходит революция... Триста тысяч землемеров!

IV

– Да-а, задачка... – И будущий генералиссимус пососал трубку. – Дай-ка, маршал, перекурить... Пять миллионов баранов...

V

Погоди! А Наполеон?

Вон как напёр. Тоже в июне месяце... А шинелей теплых не заготовил... Ну, танков-грузовиков не имел. Об зимнем масле голова не болела... Да армию-то поморозил!

V

То-то и есть, – Троцкий поник головою, – то-то и есть, товарищи, что Сталин, блин, даже по сравнению с Гитлером – не революционер.

VII

– Бе-е! – один баран говорит. – Который с одной шестюю схлестнуться затеял да о бараньих тулупах не порадел – это ж, выходит, баран баранов!

– Бе-е! – другой откликается. – А если походом собрался да зимнюю кампанию наперед планирует, – он, прости и помилуй, всем баранам баран!

И хором заблеяли: до холодов не управишься... в снегу ножки протянешь... Бе-е-е!

Продолжение,
или Поздний некролог

В ночь на 1 сентября 1993 года умер Александр Моисеевич Некрич – местный историк, научный сотрудник Русского исследовательского центра при Гарвардском университете.

Много лет назад, в незапамятные времена, Некрич выпустил монографию о начале войны. По причинам, которых не понимал я тогда, а теперь, надеюсь, не понимает никто, популярную эту книжку изъяли. И довели автора до эмиграции.

Там, вместе с М. Геллером, написал он нашу историю: «Утопия у власти», что стала (или станет) школьным учебником. И труд «Наказанные народы» – о депортации. И «Отрешись от страха» – воспоминания историка. Причем за истекший период само словосочетание «наказанные народы» утвердилось как фразеологическая единица (см. Н. Иванов. «Первый наказанный народ. Поляки в СССР»).

В давнем же труде – «1941, 22 июня» – сказано было, что Гитлер и его окружение сочинили легенду о «превентивной» войне. Будто бы Германия открыла военные действия, предотвращая нападение Советского Союза. Поразительно! – восклицал Некрич. – Миф, созданный Гитлером, жив до сих пор!

Миф... легенда... Но источник, действительно, Гитлер:

Берлин, 21 июня 1941 года:
СРОЧНО! ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА!
ПО РАДИО! ПОСЛУ ЛИЧНО!

...советская политика сопровождалась постоянно растущей концентрацией всех имеющихся в наличии русских войск, после чего германская сторона приняла ответные меры. С начала года возникла угроза непосредственно территории рейха. Поступившая в последние дни информация не оставляет сомнений в агрессивном характере русских концентраций.

В чем состояли концентрации, извлекаем из родимой «Истории второй мировой войны»: в том, что численность армии увеличилась в четыре раза; что предвоенной весной призваны 800 тысяч запасных; что в пограничные округа переброшены 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления.

В книге Виктора Суворова «Ледокол» прослежен маршрут едва ли не каждого подразделения. От погрузки до выгрузки. Если бы не война, размышляет Суворов, куда девать всю эту массу войск? Где б они зимовали? В палатках? В землянках?

Ведь приграничные округа квартировали на местности, только-только присоединенной. Некому было позаботиться о казармах. В довоенной «панской» Польше пустовали даже те, что достались от Российской империи... Ну, мы-то уж заселили!

В Брестской крепости навесили нары в четыре яруса. При единственных, обратите внимание, воротах. Защитники были заперты, как в ловушке. И подвиг их, получается, вынужденный. Что, на наш взгляд, никак не уменьшает его. Каждый из нас может пасть жертвой. Но героизм требует личных усилий.

Собирался ли Сталин нанести упреждающий удар, – проблема обширная. А вот маленький достоверный факт: Германия перешла границу без объявления войны. Молотов так и сказал по радио:

Уже после совершившегося нападения германский посол в 5 часов 30 минут утра...

Но почему «после»? А потому, что «до» намеренно не принимали. Чтоб раструбить на весь мир – «без объявления»!

Ну, хорошо, а если б посол прорвался на два часа пораньше? Что изменилось бы?

Гитлер и Риббентроп скрывались от нашего представителя, Сталин и Молотов – от ихнего. Нам-то с вами куда деваться? Или, если угодно, им, предкам.

***Īīē oūi āēē āēēī ūi ēāmī,
Ā īēō āūēē āāō ē āīāāūā
Ā ēō īīāīāēēī āēāāīī,
Ē ēāmī īāō – īāī ē āāāāīī.***

Планировал ли Сталин «превентивную» войну, нет ли – важно другое: не он начал. И Александр I рассматривал план упредить Наполеона. Мало ли... За помыслы отвечаем мы на Б-жем суде. Земному же, юридическому разбирательству подлежат действия и поступки.

Мог бы Сталин, в сослагательном наклонении, ударить первым?

Суворов считает – мог. Приводит убедительные, остроумные доказательства. Если, допустим, главенствует принцип: нападение – лучшая защита! – странно (глупо, нельзя) обрекать армию на пассивную оборону. Не разумнее ли использовать атакующий потенциал?

Увлекательные сведения сообщает Суворов о довоенных танках БТ – Быстроходные Танки. С бешеной скоростью мчались они по асфальтовому покрытию и чуть ли не прямо на марше сбрасывали траки, заменяя колесами. Из гусеницы вылуплялась бабочка!

Да вот беда, порхает мотылек только по твердым дорогам. И танки БТ буксовали на местных проселках. Захватив несметный наш танковый парк, немцы пустили его в переплавку.

Сражаться на чужой (асфальтированной) территории придумал не Сталин. И не Ворошилов. Это просто тактика революции. От Французской до восстания Спартака. От Махно до Пугачева. И с такой точки, Чингисхан – тоже революционер... Или заформулируем в общем виде: внешний набег есть следствие внутренней нестабильности.

Сталин не был Наполеоном. И Чингисханом. И Гитлером тоже. Они – одержимые, а он уязвленный человек: с малым ростом, сухой рукой, захудалым происхождением... И ворошит с начальником разведки промасленную немецкую рвань. Нет ли кляксы от зимней смазки? И обсуждает на полном серьезе «бараний» вопрос: сколько, блин, надобно баранов на тулупы германской армии?

Воевать с Россией без оглядки на холода способен лишь сумасшедший. И где ж нам с обыденной, житейской логикой разгадать те идеи!

Сталин, в нарушение договора, занял район, примыкавший к Восточной Пруссии, и в порядке компенсации обещал такую же приблизительно сумму (в долларах), какую Россия выторговала у Америки за Аляску. Но выплачивать, говорит, буду частями. И перевел постепенно не то треть, не то четверть. Не дурак же, думает, этот Гитлер, чтобы столько валюты терять! Пока сполна не отвалим, тихо, блин, будет сидеть!

Сталину вроде бы удалось воплотить мечту Ленина – столкнуть империалистов лоб в лоб. Немцы тузили англо-французов, а Вождь напевал с восточным акцентом (в переводе Аркадия Коца):

*Étāā āā āāī āāēēēē āāī āā
I āā āāī ē ē īāā ē īāā:āē,
Āēy īāā āā ōī āā īāēī ōā īōāī āā
Nēyōū īā āī īāēō ēō:āē!*

И обернулся к Политбюро, потирая руки. Хорошая песня «Интернационал»! Правильная пролетарская музыка! Вы, дескать, товарищи, помните, как Владимир Ильич учил? Если два вора дерутся, тут может произойти некоторая польза для честных людей... Пускай только Гитлер увязнет на Западе, – голыми руками возьмем!

А лопушок Гитлер расколотил Францию. И остались оба Вождя один на один. «Сам на сам», – как выражаются наши друзья-украинцы.

Сталин очень перепугался. Десантная операция на Крите (20. V – 1. VI. 41) будто бы потрясла его. Повергла в ужас. Ошеломила. Чтобы не возбуждать паники и пораженческих настроений, велел ознакомить с немецкой победой лишь избранных, по именному списку... Со страху, глядишь, и решился бы на упреждающий удар.

И что, в сослагательном наклонении, вышло бы? В германской армии накануне войны было 420 тысяч автомобилей. Каждый десятый – шофер. У нас наблюдалась такая картина: если бы, в сослагательном наклонении, вся автомобильная промышленность переключилась на военные нужды, и пяти лет не хватило бы удовлетворить армейские транспортные аппетиты.

Танки, конечно, танками, самолеты – самолетами... Но прежде чем покорять Европу, приходится выклянчить по «ленд-лизу» полмиллиона грузовиков-«студебеккеров».

Александр Моисеевич Некрич, передает «Голос Америки», последнюю свою рукопись посвятил старым проблемам: война, вероломное нападение... Россия, Германия... фашисты, коммунисты...

Было ему жизни почти что как Сталину – 73 года.

Окончание,

или Последняя сводка

Не знаю, приводит ли Виктор Суворов такой эпизод.

Будто бы глава Коминтерна, извлеченный недавно из своего болгарского мавзолея Георгий Михайлович Димитров (1882–1949), огласил точный календарь предстоящих нацистских захватов. Осень тридцать девятого – Польша. Затем Югославия, Румыния, Болгария, Франция, Бельгия. Осень сорок первого – русский поход.

Комментируя эти предсказания, Троцкий резонно заметил, что основаны они, несомненно, на данных советской разведки.

С Польшей, как видите, угадано в «яблочко». А покоренные европейские народы выстроились почему-то в обратном порядке. На самом деле, сперва Бельгия и Франция, а Югославия – под конец.

5 апреля 1941 года заключен наш с югославами пакт. 6-го – Гитлер двинулся на Белград.

В тот день, 6 апреля, в украинском приграничном городке родился мальчик, у колыбели которого, как и положено, шумела неисчислимая родня – прадед, бабка, родители, тетушки, дядюшки – все те, кто погиб через год, в акцию 6 апреля 1942-го. Мальчик выжил чудесным образом. Посредством соседей...

Сталин, однако, не надеялся на чудо. И на соседей не надеялся. Теревил, как сказано, с начальником разведки промасленную немецкую дрянь.

Главное его качество – Сталина – осторожность. Накалить, подзудить, противников, разжечь драку, до самого края не вмешиваться в борьбу и добить обескровленного победителя... Некоторые именуют такого рода осторожность иным словом – коварство.

Публикация рассекреченного документа «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», появление на свет этих «Соображений» демонстрируют нам, что Сталин вынужден был поступать вопреки собственным психологическим установкам.

Подчиненные генералы доказывали, что упреждающий удар – единственный шанс против Гитлера. Вторая мировая не будет «окопной», как первая. Тогда пулемет подкосил конницу. Нынче есть танки, самолеты...

Возьмите, товарищ Сталин, последнюю «военную игру». Силы вторжения (Жуков) смяли оборонявшихся (Павлов). И суть не в том, что Жуков опытнее и талантливее – такова логика современной войны.

Разумеется, Сталин понимал, что профессионалы правы. Но сунуться первому...

Хорошо, соглашаются некоторые. Пускай Вождь, в психологическом плане, был человек робкий. Да робость для компенсации становится дерзостью. Отсюда участие в «эксах» до революции (в «идейных» ограблениях, экспроприациях). Никакая «застенчивость» не помешала Сталину провести такие глобальные (и кровавые) мероприятия, как коллективизация, индустриализация, ликвидация...

Да, соглашаюсь, верно. То, что чуть выше обозначается как «коварство», можно ведь величать по-другому – чувством исторической правоты. В 20 – 30-е почитал себя орудием истории. В поздние 40-е и ранние 50-е – на переломе века – любимцем ее.

*...È æað ñ æéàí à
Áçáùì æé, èàé àí àæ, àáà èðùéà..*

Пастернак, в частности, потому и классик, что жар соблазна – как ангел.

У Сталина тоже было два крыла – Маркс и Ленин. Плюс свои небеса – социализм.

Только строят его на земле. Там, где большинство населения – пролетарии. А как быть с крестьянской Россией? Очень просто. Совхозы с колхозами – наикратчайший путь к пролетаризации.

Пастернак полагал, что впоследствии Вождь укорял себя, зачем столь безоглядно предался теории, – устранял каждого, кто догадывался об ошибке. Преследовал, в смысле, всякого, кто сомневался в благодетельности акций...

Занятно, что некоторые и поныне считают раскрестьянивание, блин, «прогрессивным». Дескать, Россия и сейчас была бы вроде Индии и Китая. И теоретически, если отвлечься от ужасной практики...

Но мы, выжившие чудом, не в силах отвлечься.

Предвоенные полгода (с января по июнь) Сталин пытался переломить себя. Военные убедили его. Инстинкт осторожности держал за руку. И в конечном счете – взял верх.

В сорок пятом году обнаружилось: так-то лучше. Но в сорок первом...

Когда Сталин с началом войны уехал на дачу, заперся и никого не пускал, вовсе не тем он терзался, что верил Гитлеру... Да никогда не верил! Ни на полушку! Гитлер – по Сталину – фигляр и выскочка. Прихлебатель и подражатель. Отчаянный игрок, что берет исключительно наглостью.

Нахальство – второе счастье. А ему, Сталину, не хватило. Проклинал природную скрупулезность и осмотрительность. Ведь знал же! Знал наперед!.. Говорили же!

Честил ли себя, как всесоюзного старосту Калинина кремлевским козлом, или как Молотова – каменной задницей (так, в переводе с немецкого, пошучивал Ленин), или плясуном, как Хрущева, или хитрым армяшкой, как Микояна, или жидом пархатым, как Кагановича...

Ах ты, блин, кремлевский козел! Каменная задница! Плясун, армяшка, жидок!.. А может обратился к родной фамилии – Джугашвили?

Лингвисты, само собой, нас поправят. Но мы слышали разные варианты насчет слова «джуга». 1. Сталь, железо. Отсюда, мол, псевдоним. 2. Какая-то незамысловатая обувь – лапти, онучи. 3. Рвань, тряпье, ветошь... Ну и припомнились те обтирки, что перебирал накануне с начальником разведки...

– Ах ты, – ругался, – джуга, джуга, джуга!

На пятые вроде бы сутки пробились соратники. Прибежали гуртом: Кремлевский Козел и Каменная Задница, и Плясун, и Армяшка, и Жид, и Лиса Патрикеевна (Берия)... И он сказал тихим осипшим голосом:

– Мы потеряли все, что завоевал Ленин.

И не так даже. Не то слово употребил. Уличное, просторечное. Профукали, блин, прошлапили, профинтили...

ЛИЧНЫЙ МОТИВ

Εὐδαεῦί ἰ ἀὐτῆ

Отец мой хотел стать летчиком. Это была мечта поколения – мальчиков, «штурмующих небо». Отец вдобавок вырос в местечке, где вылупился на свет прославленный «сталинский сокол», участник Испанских событий. Ему, птице высокого полета, полагался памятник – бронзовый бюст как дважды Герою и местному уроженцу. Уже расчищали площадку, сооружали пьедестал...

И отец отправился в Москву, в авиаучилище, предварительно заручившись координатами двухзвездной знаменитости, чтобы в случае чего передать привет от дяди Ошера с тетей Песей... Как водится, подвернулся и повод – медкомиссия забраковала отца.

В муках робости слонялся по улицам. Городским телефонным навыком в местечке не овладел, а зайти не решался. Сунулся было в подъезд, но там сидел вежливый человек в форме и тихим голосом спрашивал: «Вы к кому?»

Хвала небесам, отец перепугался и выскочил из парадного. Очень скоро геройского земляка – истребителя и генерала – арестовали, разжаловали, пустили в расход... Отец же забрел в скромный межевой институт, ведать не ведая, что попал к землемерам-землеустроителям, – просто польстился на вывеску: геодезия, картография, аэрофотосъемка...

В мае, после досрочной сессии, сформировали студенческий отряд и повезли на границу, в нынешнее Белостокское воеводство (Польша), в тогдашнюю Белостокскую область (Белорусская ССР) или, как значилось на военных картах, в Белостокский выступ. Он действительно вдавался в сопредельную территорию, и немцы планировали окружить разом три армии, отсечь и размолооть... Так оно, в общем, и вышло.

А будущие землемеры достраивали аэродром... Тот расстрелянный местечковый Герой говорил на Всесармейском совещании 25 декабря 1940 года: «Особая забота командующего ВВС – не погубить свою авиацию на земле». И приводил секретные разведанные, что в первый же день из-за воздушных бомбардировок англичане с французами лишились трехсот боевых машин, а в первые три дня – тысячи.

Через полгода выяснилось, что мы в один день угробили тысячу двести. И в частности потому, что пользовались исключительно старыми польскими аэродромами, которые с подробностями фиксировались на картах, захваченных немцами в Варшаве. То были зеленые поля да лужайки с естественным травяным покровом, и студенты в поте лица заменяли его искусственным современным покрытием, прокладывая взлетно-посадочные бетонные полосы. Однако же не успели, хотя и «пахали» без выходных.

В воскресенье, 22 июня, отец проснулся в четыре утра. Не от воя, представьте, и грохота, а от солнышка и тишины. Немцы били по флангам, замыкая в кольцо Белостокский выступ, но расстояние в 50 или 70 километров скрадывало звук, поглощая раскаты и лягз, взрывы и пулеметную трель.

Отец вскочил и помчался в соседнее местечко. И пока он бежит по колену в росистой траве, придется отвлечься и кое-что пояснить. Присоединив Прибалтику, Западную Украину с Западной Белоруссией, Бессарабию и Буковину, мы застали там товарное изобилие. Как будто на окраине Российской Империи, – хотя Львов и Черновцы входили в состав Австро-Венгрии, – но все равно, как будто в Риге и Вильно, Ревеле и Бресте, Белостоке и Кишиневе нескончаемо длился 1913 год.

Тотчас же по приезде сторговал отец у портного шерстяной шевиотовый костюм. Просил отложить, и портной согласился. Цены за полтора месяца взмыли под небеса... С колотящимся сердцем, задыхаясь и ускоряя шаг, отец раскидывал на бегу, сохранится ли уговор в силе...

Костюм – к слову – отдельный сюжет. Двубортное свое чудо доставил отец в Москву и, уходя на фронт, доверил соседке по общежитию. Девушка берегла его, как залог и зеницу, всю войну – и сделалась моей матерью... Но это когда еще будет!

На утренней зорьке двадцать второго июня отец ворвался к портному и впопыхах не заметил, что в такой ранний час местный местечковый люд – и старый, и малый – уже на ногах. Портной упаковал костюм, обвязавши крест-накрест голубой лентой, как приданое новорожденного, и вручил сверток отцу, не превысив ни на копейку условленной майской суммы. Потому что, изрек, важны не деньги – важна репутация... Отец поблагодарил и торопливо простился – к семи на работу...

– На работу? – У портного вскинулись брови, как два крыла, и застыли в полете. – Какая работа?.. Война!

Не то чтобы отец усомнился... О войне болтали в местечке без умолку. Редко – на польском, глухо – по-русски, а пуще – на идише, родном для отца. Что немцев на той стороне – как деревьев в лесу. Под каждым стволом – «ствол». За елкой, сосной, березой, осиной... Пушки, танки, полевые кухни с трубой...

Люди в местечке слушали радио на всех языках и до недавнего времени беспрепятственно переписывались с американскими родственниками. Из первых рук – из уст беженцев – отлично усвоили, что ожидает евреев при Гитлере.

Во весь опор, дав самому себе шпоры, отец поскакал обратно. Разбудил командира отряда, начальника строительства Назара Назаровича Назаретяна, и доложил обстановку. Тот схватился за телефон, обнаружив полный обрыв связи. Под свою ответственность – на свой страх и риск – снял палаточный городок, погрузил людей, продовольствие, горючку, инвентарь с инструментом, и машины тронулись на восток.

Наверное, они б никуда не доехали, если б держались, как прочие, кратчайших маршрутов – на Минск, к штабу Военного округа. Официально столицу республики оставили 28 июня, но спаслись те, кто ушел 25-го. А которые отложили на завтра – выбрались далеко не все.

Дороги на Минск забиты... А Назаретян только-только зарегистрировался. Его молодая жена отдыхала в Гомеле. Туда-то и двигалась студенческая колонна, без приключений и в полном составе достигшая намеченной цели.

Гомель, не в пример Минску, пал в середине августа, точнее – 19-го числа. Отец уже кантовался в Москве: рыл окопы на ближних и дальних подступах, перенес на ногах октябрьскую панику-лихорадку, маршировал по Красной площади с легендарным ноябрьским парадом, слегка обморозился «в белоснежных полях под Москвой» (декабрь) и был отозван в артиллерийское училище.

На исходе сорок третьего тяжело ранен. Госпиталь. Комиссован вчистую и уволен из армии. Не восстанавливался, однако, в прежней «геодезии и картографии», а разобрался с «аэрофотосъемкой». Отбросивши «аэро», да и то условно, в весьма зрелом («перезрелом», шутил) возрасте прыгал с парашютом, вооружась камерой, классически запечатлев воздушную акробатику. И все же, пускай условно, ради красного словца, отбросивши «аэро», сосредоточился на «фото» (хобби) и «съемке» (профессия): поступил в киноинститут на операторский факультет.

Почему? Увидел на фронте, как работает кинохроникер... Во мне, говорит, что-то перевернулось. Будто глянул в бинокль с другой стороны. Ничего, думаю, от нас не останется, а только вот то, что он сейчас крутит...

Когда-то я написал (с публикацией в Израиле, под псевдонимом) слезливо-забавную вещицу «Холодный сапожник». Про уличного фотографа. У него все погибли. И все погибло. Никакого вещественного прошлого, осязаемой памяти... И каждый день – с утра до вечера – шелк-шелк-шелк. Заряжает в кромешной тьме. Проявляет при красном свете. Печатает, печатает, печатает... «Ну зачем ты выдумываешь?» – упрекнул отец.

Он трудился в «научпопе» – Центральной студии научно-популярных и каких-то еще фильмов. А-а, учебных!.. Был оператором. Потом режиссером-оператором. И приспособил меня сочинять сценарии, дикторские тексты, заявки...

Среди картин преобладали ведомственные, с пропагандой передового опыта. В такое кино (про мелиорацию) я втиснул строфу из «Василия Теркина»:

*Аї :аї çà ёу аїёїоаї,
Ааё:аёоаї çà ёу!
Е аїёа а іїа :ооаї,
хїу-їёоої а ої іїу...*

Стихи прозвучали на фоне перелопаченной пашни, до основания разрытого чернозема, и женское слабогрудое начальство затрепетало: ой, как ножом!.. В зале присутствовал главный консультант – заместитель министра, угрюмый кавказский человек с эффектной, как бы лиловой проседью, с тяжелым погасшим взором и неподъемными веками.

– А что, – спросил консультант, – разве Твардовский уже под запретом?

Нас познакомили, и замминистра представился: Назар Назарович Назаретян. Отца, конечно же, не узнал, но сам факт не оспаривал. И пригласил к себе, в элитные правительственные хоромы, где круглолицая вахтерша-лифтерша дотошно выпытывала: вы к кому?

НН занимал трехкомнатную квартиру с утепленной, застекленной лоджией. В том райском саду произрастал экзотический цветок – Карина, поздняя дочка.

Ее гомельская мама, что своей привлекательностью – ибо влекла к себе мужа, точно север – магнитную стрелку... ее гомельская мама, что спасла моего отца, как компас спасает путешественника... ее привлекательная мама-спасительница умерла родами. Стремясь переупрямить натуру, произвела на свет с полдюжины неживых младенцев. Карину, единственную, отходили и выходили, но матери она не застала.

Мы с отцом тоже похоронили маму. И я прочел Карине стихи, которые не читал никому:

**На месте лампа и кровать
Воспоминанием о лете.
Как мне учиться понимать:
Тебя уж нет на белом свете.**

На месте были мясорубка, кофейник, тарелки-сковородки и швейная машинка, и бумажные выкройки, и растрепанная тетрадь с кулинарными рецептами («Еврейская кухня»), с поручениями самой себе: сходить, сделать, позвонить... Перелистывая страницы, Карина сказала:

– Про пирог я пишу... можно?

Меня поразило, что мамини вещи ей впору, даже золушкины малятки-туфельки тридцать четвертого размера. И целую зиму воспринимал ее как сестру. Не замечал длинными вечерами, сражаясь с НН в шахматы и осторожно осведомляясь, куда же оно идет и как, что ли, устроено.

Взять заказные фильмы. Государство оплачивает их, не имея никакого дохода: ни материального (от проката), ни агитационно-пропагандистского... Ну, кроме фильмов пожарных, медицинских или чисто технических, инструктивных – для водителей, для железнодорожных машинистов...

– Зато вы, – ответил НН, – вся киностудия, регулярно расписывается в ведомости. – И засмеялся. – При социализме, видите ли, идея производства вытесняется идеей распределения.

Сборник «Вехи» – энциклопедия либерального ренегатства – едва ли покинул тогда спецхран. Но НН, вероятно, имел допуск. Или ознакомился в другую эпоху... И толковал, что отцы-основатели не посягали на экономику, намереваясь уничтожить противоречие... э-э-э... между коллективным характером производства и частнособственническим... э-э-э... способом присвоения. Вкалывают тысячи, а прибыль загребают один – вот что требует исправления!.. А завод как работал, так пускай и работает.

Тут выскользнула Карина с маминим пирогом, но я наострил не зубы, а уши. НН рассказывал про Ленина и рабочего Васю. При Временном правительстве, в «июльские дни», Ленин прятался у него. Недолго. Час или два. Васин сынок собирал на дому кустарные бомбы, и Ленин нашел другое убежище...

В известный период Васю с сыном незаконно репрессировали и посмертно (законно) реабилитировали... А после Октября назначили директором паровозостроительного завода. Вот он по старой дружбе пробился к Ленину, жалуется, требует...

– Чего-то я не пойму... – Ленин развел руками. – Вы до революции сколько паровозов делали? Пятнадцать? А сейчас – один... Ну и при чем тут я?

Да в том и суть, что распределение влияет на производство – принципы взаимосвязаны. В XIX веке человечество училось производить, а в XX – распределять... И мы принялись за пирог, тютелька в тютельку как у мамы.

Только летом, на пляжике, проснулся во мне мужчина, и пальчиком на песочке я накарябал стишок: «Четыре имени в одном» – и т.д. и т.п. Мол, Карина, Арина, Рина, Ина – без вас, родные мои, никуда.

– На, запиши на бумажке! – усмехнулась Карина. – Небось, посвятил раньше какой-нибудь Марине...

Она согласилась выйти за меня, однако с условием: мы уедем. В Америку или в Израиль. В какую-нибудь европейскую страну. В Канаду, в Австралию... Потому что здесь, – шептала мне на ухо, – ей не разродиться. Будет, как с мамой...

Карина взялась за своего отца, я – за своего. Теперь оба лежат в Иерусалиме: один – на армянском кладбище, другой – на еврейском. Карина, окруженная детьми, благополучно обитает во Франции с третьим или четвертым мужем.

Я же обдумываю рассказ про соседского дедушку – Лейбу Бронштейна, который свихнулся и на закате дней вообразил себя Троцким. В библейском возрасте бродит по библейской стране и ждет не дожидается дорогого гостя – испаноязычного внука по фамилии Волков.

Ї ДААЄЄА ЄАДУ

Человек этот поступал когда-то в творческий вуз. И я поступал туда же. Далее следует сказать: его приняли, а меня нет. И получится, что позавидовал. Ну и пускай! Ладно.

Он замечательно точно изобразил клубничное варенье. Не помню по словам, но здорово. Где-то на дачной веранде. И солнышко через блюдце – через маленькую тарелочку, которая, как недавно я выяснил, называется «розетка».

Обо мне говорил:

– Даже ты, с твоей колоссальной памятью...

И вот сидел теперь за моей спиной, в следующем ряду, и беседовал.

Я узнал голос. И заслушался. Мне всегда нравился воздух, колеблемый его связками. Он становился теплым, если говорить о температуре, а если о запахе – ароматным.

Что до гортани, то свою собственную я представляю в виде мясорубки, куда мать, а чаще бабушка заталкивают дурное мясо плюс хлебный моченый мякиш, и крутится ручка с колодезным скрипом, и вся эта перемолотая масса выдавливается через мелкие дырочки.

Механизм того человека вижу не так отчетливо. Но чувствую запах совершенно определенный – кофейный.

И значит, это какая-то машина, вроде кофеварки или кофейной мельницы, и густое кофе, как говорила мама... и густой кофе, поправляюсь я, льется из краника или из широкого раструба черным потоком, одуряющим и прекрасным.

Но тот человек сказал бы о своем голосе одно слово, и вам стало бы сразу понятно, чем мы здесь восхищаемся и что, собственно, пытаемся передать через столь дальние аналогии.

Я не завидую.

Еще когда слушал про варенье – утешился. Сходу сообразил: ничего не получится. Единственное, что имею, – память. Действительно, обременен памятью.

А чего вхолостую завидовать?

Я – литвак. Рыжий, с мелкими серенькими глазами и длинным веснушчатый носом. Присутствую здесь как гость, приглашенный по необходимости, – научный консультант маленького учебного фильма, который будет сегодня показывать.

* * *

Тут случилась пауза в три года. Продолжаю, не читая предыдущего.

* * *

Мы сидим в просмотрном зале некоего киноучреждения, где принимаются фильмы. Его работа, кажется, будет демонстрироваться следом за нашей, а пока он беседует с соседом.

Насколько я понимаю, там, в его работе, воспроизводится начало войны. По документам, свидетельствам и прочему отобранному инвентарю, который считается достоверным... И вот сосед упрекает давнего моего знакомого в передержках или недодержках – не знаю точно терминологии.

В июне того года, когда нам было пять лет, сосед работал на радио в какой-то нетехнической должности: редактора, режиссера или кого там еще... И как раз был дежурным.

Пришел к пяти или шести часам в Путинки... Так и сказал: в Путинки. Или: на Путинки. Вероятно, имея в виду Малый Путинковский переулок – Радиокomitee, место своей работы, и у моего ровесника за спиной это не вызвало вопроса, как у нас никому не придет в голову расшифровывать КТН – кандидат технических наук...

Пришел в Путинки, а в шесть утра надо уже вещать. Здравствуйте, мол, товарищи, сегодня – воскресенье, 22 июня 1941 года...

А-а, кажется, понимаю! Это утреннее обращение включил мой знакомый в свой исторический фильм. Запись вряд ли сохранилась – ну, записал кого-нибудь из старых дикторов. Дескать, мы жили мирной жизнью и знать не знали, – в общем, как в песне моих девяти лет: мы крепко спали и ничего не знали!.. А в кино, наверное, говорили: когда в наши мирные дни... в наше мирное небо... ворвалась...

А сосед моего ровесника рассказывал, как оно было на самом деле. Он пришел на свои Путинки, к месту службы, а корреспондент звонит из Одессы: бомбят. А у него – те самые известия, последние-распоследние, отредактированные, завизированные...

Ну, он, конечно, за телефон. Начальство на даче. Набирает учреждение высокого ранга. А там что? Такой же дежурный, как он. И тоже на телефоне. Собственное начальство извлекает.

В книге, которую читает моя лаборантка, написано:

ВЕСЬ МИР, пропускаю, БЫЛ УБЕЖДЕН, пропускаю, ЧТО СТАЛИН ЖИВЕТ В КРЕМЛЕ. НО, пропускаю, ЕГО ПОСТОЯННЫМ И ЛЮБИМЫМ ДОМОМ, пропускаю, БЫЛА ДАЧА ПОД МОСКВОЙ.

Все они были на даче, когда началась война. Прелесть жизни только-только дошла до них. Я формулирую неточно, но вы поймете: разбежались по воскресеньям – от Сталина до начальника моего соседа.

А ведь он мой сосед, хотя и по следующему ряду. И я хочу обернуться, чтобы увидеть это лицо, оставленное один на один со всей страной, которая лежит в нескольких часовых поясах и где-нибудь за Уралом уже вышла на работу, кто работал по выходным, или уехала на рыбалку, или скандалила в коммунальном бараке, или скликала соседей, мол, что-то дают в продмаге...

И только в одном часовом поясе была война. И ему нужно было объявить о ней всем, в чем, собственно, и состояла его функция. Там, в Путинках. Но он понимал иначе и не слезал с телефона в тщетных поисках какого-нибудь начальства.

А ну взял бы да бухнул, как говорится, во все колокола! Так, по-простому. Быть может, плохо соображая и даже, вы скажете, безответственно...

А? Не надо?.. Не знаю.

Тот, за моей спиной, которому я не завидую, – он бы нашел слова показать обстановку. Сомнительно, чтобы дежурный находился в студии. Но для большего эффекта и ясности нужно сблизить его с микрофоном.

Студия, как мы все (там никогда не бывавшие) уверены – это комната совершенно отдельная. Там стены звукопоглощающие. Полная тишина. Отъединение. Или, пожалуй, наоборот. Ночная звездная тишина, когда нормального человека тянет беседовать с миром.

Беда (либо счастье) в том, что нормальный человек спит ночью.

А днем нам редко случается думать, что мир нуждается в нашем слове.

В отличие от моего сверстника, что сидит выше, я, русскоязычный литвак, должен прибегнуть к цитатам из местных классиков – Лермонтова и Маяковского. Без них, сколько б ни бился, не смогу воспроизвести чувства, которые хочу вызвать.

Но меня не приняли в творческий вуз, и я не завидую.

Я – кандидат технических наук, КТН, специалист по фундаментам.

*Ауоіаеóіаеі ý íà айóіаэ;
Неаіцїòої ай едаї íеñóуé íòóуáеаїòеò;
Í í-üòеòà. Í айòóíý ай ай еаò Á-аї*

*È çàçàà ñ çàçàí þ á á ðèò.
Òù ì ì ì ì ò ðè, è à è à ÿ á ì è ð á ò è è ù
Í Ì - ù Ì à è Ì æ è è à Ì á Ì ç à ç à Ì Ì è á á Ì Ì þ.
Á ò à è è á á ò - á ì ì á ì ò à è ù è á á ì ð è ù Ì
Á á è à ì, è ì ò ì ð è è ì è ð Ì ç à á Ì Ì þ.*

Человек должен ощутить свое значение. И там, перед микрофоном, закричать вдруг на всю страну и даже на всю галактику.

И вот, – которому я не завидую, – он бы и поместил перед ним притягательный круг микрофона, что манил бы его, и тишина студии гнала б говорить, и самый цвет стен превратился бы в силу, что толкает нас на поступки. И даже коври под ногами нашлось бы место в работе того, которому я не завидую.

И точными словами, данными его кофейному горлу, он рассказал бы о душе перед микрофоном и о руках, зажимающих рот и сердце.

Перехожу к фактам. Не найдя никаких начальников, человек из соседнего ряда отменил сообщения из-за рубежа, оставил только известия о трудовых победах, после чего пустил марши.

По радио передавали марши. Это скажет вам моя мама. Она запомнила это, и я тоже помню это. Ее памятью. По радио передавали марши. Человек за моей спиной крутил их на всю страну, и они гремели в нашем домике, заглушая бомбовые разрывы.

Мои родители были молоды и полуинтеллигентны. Но с нами жила моя покойная бабка, благодаря которой я выжил. Бабка не надеялась на дежурного, что крутил марши, бросив нас в ожидании. Бабка бегала по соседям и

узнавала.

А соседом нашим в том маленьком западном городе был майор.

Если бы бабка была интеллигентная, я был бы мертвый. Но она была простая, обыкновенная женщина, которая не стеснялась подслушивать.

Майор подогнал машину к нашему дому – грузил в кузов мебель и семейство. Моя встревоженная полуинтеллигентная мать подошла бодро и робко, и, стараясь казаться спокойной, спросила, что случилось. Она позволила себе, чтобы добыть правду из этого военного источника, – она позволила себе улыбнуться чуть откровеннее и немножко по-женски.

Майор сказал, отирая пот:

– Порядок. Отогнали их от границы. Передислоцируемся на запад.

И моя мать отошла – спокойная.

Но моя бабка слышала, что говорил майор своей собственной жене:

– Дура! – сипел он, синяя от невозможности кричать. – Собирайся!.. Они будут здесь через полчаса.

И мы побежали.

И марши сопровождали нас до двенадцати часов, до самого полудня. И мать укоряла бабку, что та напрасно сорвала нас... Хотя даже я (памятью той убегавшей толпы) видел уже немецкого мотоциклиста.

– А думме наррин! – кричала бабка в голос, не как майор. – Дура глупая! Мешугене! – И, не доверяя матери, крепко стискивала мою руку.

Гремели марши, которые крутил человек за моей спиной.

Потом, в двенадцать часов, в полдень, выступил М. Он тогда же сказал: наше дело правое, победа будет за нами. И в нашей внезапно осмелевшей толпе моя бабка брякнула:

– Пункт! Точно! Мы бежим, а победа бежит за нами.

И люди кругом первый раз засмеялись.

– Это интересно, – сказал за моей спиной кофейный голос. – Но вы же понимаете – такие факты... куда же нам их...

– Я понимаю...

– Жалко, конечно, – сказал мой сверстник задумчиво, – но я так полагаю: мы ведь профессионалы... и если взялся за какое-нибудь дело, нужно знать правила игры... а то – какой смысл?

И тут начался наш фильм по фундаментостроению.

Ï Ì Ñ È Á Á Í È È Ñ À È Á Á Ò À È Û

Вы в метро, на переходе, о чем думаете? Когда с кольцевой переходите на радиальную. По этому наклонному коридору. Сперва через такие ворота (припоминаете?), под красную арку. Среди стен, на два потока разделенные.

В «час пик». Народу – хоть ноги поджечь. Стиснут, сомкнутся – и понесли.

А если глаза закрыть?.. Не пробовали? Попробуйте.

...Море... морской прибор... гудят корабельные снасти... Шум ветра в лесу. И ходят по небу верхушки деревьев – небесные веники... Лошади, табун в степи...

Слушайте это шарканье по каменному переходу. Не открывайте глаза. Дикий табун топчет копытами. Вы несетесь в горячем степном ветре. Неведомо где, неведомо куда. И цокают, цокают копыта.

Но если родились за пять лет до войны или, пускай, за три, то не слышите лошадей. Ни леса, ни моря. Вам чудится улица Кузнецкий мост – та ее часть, что называлась некогда Неглинный верх. Самая верхотурка. От Камергерского до Петровки.

По рельефу – гора с довольно крутым уклоном. И до недавнего времени там сохранялась торцовая мостовая. Чтоб бедным автомобильчикам не скользить.

И вы, почти уже дедушка, идете по этой горе. И ваша мама, которой двадцать три года, держит вас за руку.

Немцы взяли Смоленск.

И, уцепившись за маму, вы идете по улице Кузнецкий мост. Мимо того дома, где «Оптика». Мимо «Подписных изданий». Только по другой стороне. Вдоль серого мрачного здания, в котором на данном этапе – иностранные авиапредставительства.

И тут раздается голос сирены. Да-да, то самое: «Граждане, воздушная тревога!» Вы хоть знаете, как она гудит. Как кричит, выворачивая душу. Вы хоть слышали голос сирены, который кажется вам (если вы дедушка) синим.

Сирена была синяя. Круглая вроде барабана. Синего цвета. С ручкой. Крутишь – вопит.

– Попа с ручкой, – говорила веселая ваша мама.

Но с ручкой был папа. Потому что принес сирену. И крутил ручку.

– У-у-у! О-о-о! А-а-а!

И больше вы не видели вашего папу с ручкой. Который крутил сирену, чтобы люди нырнули в укрытие. Или в убежище... Но они почему-то спасались на кладбище, зарываясь среди могил.

Граждане, воздушная тревога!

И мы бежали из Минска, уцепившись за маму. Сперва до Борисова. После до Орши. В Смоленск, в Вязьму, в Можайск. А оттуда на электричке. К улице Неглинный верх. В метро на Чистых прудах.

С тех пор и запомнили... Как ступали наши сандалики. И мамины босоножки. И чьи-то сапоги. Туфли, туфельки, полуботинки. Людская молвь и конский топ.

Нет, в совершенном безмолвии. Один только топ. Который мы слышим теперь, переходя с радиальной на кольцевую. Топ, храп, хрип, тяжелое дыхание.

– Граждане, воздушная тревога!

И остаемся, как мы с мамой, когда нас не пустили в метро на Чистых прудах. Чтобы побольше места для полковников Генерального штаба, что работал внизу за фанерной перегородкой.

Граждане, воздушная тревога! На прибывающий поезд посадки не будет! Отойдите от края платформы! Осторожно, двери закрываются! Поезд дальше не пойдет! Граждане, воздушная тревога!

Вы в метро, на переходе, о чем думаете?

Странный Даня Раев

Ааааа Ооооо І і ооооа

В середине января 1943 года от папы пришла посылка, немного опоздавшая к Новому году, зато подоспевшая как раз к дню моего рождения. Мне исполнилось семь лет. В посылке лежала синяя шелковая косынка для мамы. В то время по радио часто передавали песню «Синий платочек». И вот, для мамы – косынка, а для меня – черная военно-морская шинель, сшитая по моему росту, и зимняя шапка-ушанка с настоящей золотистой кокардой-«крабом». И черный форменный ремень с медной «бляхой», на которой красовался якорь.

Я надел всю эту красоту и не хотел снимать до самой ночи. Соседи приходили смотреть на меня, какой тут настоящий морячок появился в избе Терехиных. У Мити Терехина был фотоаппарат с «гармошкой». Он сделал снимок, проявил его, и мы послали фотографию папе на Балтику. Мама была в синей косынке, а я – в шинели, перепосанной морском ремнем, и в черной шапке-ушанке с золотистым «крабом». Правда, синий цвет косынки вышел черным.

Начались школьные каникулы. Заснеженные улицы, раскатанные санями и вытопанные лошадиными копытами, казались просторнее. Заиндевшие наличники напоминали серебряные оклады икон. Я гулял с мамой по селу, которое оживлялось по воскресеньям, когда к базарной площади тянулись сани с продуктами: квашеной капустой, картошкой, солеными грибами, медом, мороженым молоком.

Однажды мы отправились в гости к нашей дальней родственнице Марии Осиповне. Она служила машинисткой в сельсовете и жила неподалеку от базара. По дороге попался нам странный человек Бабук (или Бубух, не помню). Уши его зимней шапки завязаны тесемками. Воротник поднят. Я увидел крупный горбатый нос и черные глаза, полузакрытые тяжелыми веками. Мама поздоровалась, и мы пошли дальше.

– Кто это, мамуля? – спросил я настороженно, настолько горбоносый отличался от всех, кого я знал до этого.

– Он караим, Даник. Караимы жили в Крыму и Литве. Почти всех крымских караимов убили немцы. Бубух чудом спасся.

– Там война? Караимы сражались против немцев?

– Как и все. Мужчины на фронте. А старики, женщины и дети оказались в оккупации. И погибли.

В это время нам встретился местный милиционер Додонов. Его все знали и жалели. Он был ранен в голову в самом начале войны и демобилизован. Бабы (а в каждой избе оставались бабы и дети) рады были приветить и угостить его каким-никаким соленьем с хмельной бражкой. Заходил он и в нашу избу. Так что мама была с ним знакома. Додонов увидел нас, поздоровался с мамой:

– Доброго здоровья, Владимировна! – И потешно вытянулся передо мной, отдавая честь с громогласным рапортом: – Товарищ военный юнга, сержант милиции Додонов прибыл по вашему приказанию!

Я остановился, таращась в недоумении, и не знал, что ответить. Я ведь ничего Додонову не приказывал. Мама вежливо улыбнулась милиционерской шутке и стала тянуть меня за руку, уводя от греха подальше. К несчастью, в наш разговор вмешался караим Бубух, который бродил кругами по базару, приглядываясь и выискивая подходящие по цене продукты.

Он просто-напросто наткнулся на нас, как наталкиваются друг на друга корабли в тумане. Лошади и люди были окутаны клубами пара, – в двух метрах видны только силуэты. От сильного мороза при каждом выдохе или произнесенном слове изо рта вырывался густой клубящийся вихрь. Бубух возник из тумана и сказал:

– Если придерживаться условностей маскарада, то мальчика надо приветствовать как военно-морского офицера. Кокарда с «крабом» бывает только на офицерских шапках и фуражках.

Додонов минуты две молчал. Опешил, во-первых, от наглости Бубуха, а во-вторых, от недопонимания. Например, слова «маскарад». Хотя простонародное чутье подсказывало, что горбоносый пытается высмеять его – сержанта милиции. Эту наглость надо пресечь!.. И Додонов заорал на караима Бубуха:

– Это что же вы, гражданин эвакуированный, в разговор представителя власти с населением встреваете? Понаехали сюда горбоносые да картавые и свои порядки устанавливают. Я кровь рабоче-крестьянскую проливал, а вы, гады ползучие, по тылам отсиживаетесь. Что же я, тяжело раненный солдат-фронтовик, офицера от юнга не отличу? Я тебе, гнида горбоносая, такой маскарад покажу, что родная мамаша не узнает!

Ошеломленный Бубух, ни слова не говоря, скрылся в морозном тумане. Додонов размахивал кулаками вслед караиму. Я понимал, что происходит что-то ужасное, потому что мама, обхватив меня за плечи и прижав к себе, с ненавистью и отчаянием смотрела на милиционера, который продолжал размахивать кулаками и сыпать угрозы... Наконец, Додонов пришел в себя:

– Видишь, Владимировна, за какую мразь мы с немцем воюем. Кровь свою за горбоносых да картавых проливаем. Может, лучше нам самим их перебить, тогда бы и войны не было. Прав я, Владимировна, а?

– Прав ли ты, Додонов? Прав ли ты?.. – повторяла мама медленно и глухо, как во сне, когда ее мучили кошмары, а я будил и успокаивал. – Но если ты прав, Додонов, то стреляй в меня и в моего мальчика, и в моего мужа, который на фронте. Стреляй, Додонов, потому что я и мой сын, и мой муж, и мой брат, и мои

сестры, все мы – горбоносые да картавые. Мой муж и мой брат, и мои сестры, которые проливают кровь за твою Родину, – горбоносые да картавые. Начинай первым, Додонов, вытаскивай свой револьвер и стреляй в меня и в моего мальчика, потому что мы – горбоносые да картавые. Потому что мы – евреи, Додонов!

Мама кричала и плакала, и не могла остановиться. Я пытался увести ее, но безуспешно. Вокруг нас собирались люди. Милиционер Додонов оправдывался:

– Ты посмотри на себя, Владимировна, и на своего мальчишку. Какие вы евреи? Русские вы по внешности и по разговору. Не о вас речь.

Мама не унималась. Вытащила из внутреннего кармана паспорт, что вместе с моей метрикой всегда носила с собой, раскрыла и отчетливо прочитала:

– Шейла Вульфовна Коган. Национальность: еврейка.

Додонов молчал. Мама развернула мою метрику, сложенную вчетверо. И сунула под нос милиционеру:

– Даниил Файвлович Раев. 1936 года рождения. Отец – Файвл Борухович Раев. Национальность – еврей. Мать – Шейла Вульфовна Коган. Национальность – еврейка.

Милиционер Додонов молча пошел прочь. Из кучки любопытных, что были окружены морозным туманом, отделилась высокая фигура – Мария Осиповна, наша дальняя родственница, в гости к которой мы шли. Она обняла маму, потрепала меня за щеку и пробасила:

– Ждала, ждала вас, мои дорогие. Суп уж остыл... Решила пойти навстречу. А ты тут, Стеллочка, бунт учинила.

– Не давать же антисемитам плевать нам в лицо, Мария Осиповна!

– Правильно, мое солнышко. Да ведь каждый такой протест обратно к нам полетит. Да и вряд ли этот шикер понимает, что такое антисемитизм и кто такие семиты.

Мы вернулись из гостей под вечер. Я полез на полати отогреться. В избе уже знали о скандале на базарной площади. Баба Лена, добрая душа, пошла звать маму пить чай с медом.

Мама пришла не сразу. Была молчалива.

Пока пили чай, заваренный на сушеной малине, да еще с медом, приехал дед Андрей. У него не было выходных. Каждый день ездил он по делам «Заготзерна» на казенной кобыле Звездочке, запряженной в повозку или в сани.

Дед Андрей умылся. Баба Лена накормила его, налила стакан чаю. Дед Андрей был чем-то озабочен. Когда мама пожелала всем спокойной ночи, дед сказал:

– Обожди, Владимировна, разговор есть.

Я, тоже напившись чаю, лежал на полотах, размышляя о прошедшем дне. «Может быть, не надо было надевать военно-морскую форму? – думал я. – Все – из-за нее. Но ведь мой папа прислал мне форму... А этот Додонов – настоящий дурак. Да и зачем Бубух несчастный ввязался?» Как раз в это время дед Андрей и сказал:

– Ты обожди, Владимировна, разговор к тебе есть.

– Хорошо, Андрей Михеевич, я останусь, если надо поговорить. Конечно же, Андрей Михеевич. Я и сама хотела с вами посоветоваться, Андрей Михеевич.

Я лежал тихо-тихо на полотах, засыпанных оранжевыми, шелковистыми, шуршащими от малейшего движения луковицами. Каждая луковица – как голова желтого сказочного человечка. Они прятали свои лица и помалкивали. Может быть, принимали меня за милиционера Додонова? Я боялся пошевеливаться и пропустить хотя бы одно слово. Дед Андрей допил чай и прикурил самокрутку от горевшей в светце лучины. Выдохнув целое облако, сказал:

– Приходил ко мне в контору Додонов. Жаловался на тебя, Владимировна. Мол, выпячиваешь ты...

– Что я выпячиваю, Андрей Михеевич?

– Национальность свою выпячиваешь...

– Что же мне скрывать мою национальность, когда такие, как Додонов, только в немецкой форме, евреев расстреливают?

– Не одни евреи гибнут, Владимировна. Как в Библии сказано, народ на народ войной пошел. И в нашу избу смерть постучалась. Да я не об этом. Ты, Владимировна, яснее на все посмотри.

– Куда уж яснее, Андрей Михеевич!

– Ты зачем к нам на Урал приехала?

– Чтобы сына от смерти уберечь.

– Так берегай дальше. Не высовывайся. Места у нас глухие, тихие. И ты тихо сиди.

– Тихо проглатывать речи этого фашиста Додонова?

– Какой он фашист?.. Контуженый. Инвалид войны. Да еще властишку какую-никакую над людьми получил...

Мама молчала. Дед Андрей продолжал:

– Молчишь, Владимировна. Значит, не согласна. Мол, Михеевич – двурушник. А я тебе свою историю расскажу. Ведь я, Владимировна, в молодые годы тихим да уступчивым не был. Я за II Интернационал стоял, не за III. В те годы меня больше в Верещагино да в Перми видели, чем у нас на селе. Активистом я был. Да скрутили. Кого из эсеров постреляли, кого запугали. И я затих. Ушел на дно, как рыба зимой. Вернулся в

наше село. Живу. Женился. Детей завел. И не высовываюсь. С додоновыми на базарной площади в споры не ввязываюсь. Дай Б-г, Владимировна, чтобы все на этом разговоре кончилось.

Все не кончилось. Почтальонша Вера принесла для мамы повестку. Чтобы мама пришла к военкому вместе со мной. Мама отпросилась из школы, и мы отправились.

Идти далеко. Все главные дома – на холме, над базарной площадью...

Был такой сильный мороз, что мама заставила меня завязать уши военно-морской шапки. Сама была в шерстяном платке поверх полушубка. Мне на воротник шинели намотала теплый шарф. Мы оба – в валенках, в неуклюжих вязаных варежках. Так что, когда с улицы ввалились в кабинет военкома, вид у меня был вполне комический.

Военком расхохотался. Его черные курчавые волосы подпрыгивали от хохота, как блестящие пружинки. То был жизнерадостный майор, присланный из госпиталя, где у него ампутировали правую ногу. Хохотал, опираясь на палку и хромя. Бросился помогать маме разматывать платок, стягивать полушубок.

Я стоял у дверей, не раздеваясь, в шапке и шинели. Мне этот военком сразу не понравился своим напористым хохотом и навязчивыми помоганиями. Мама сказала:

– Я – Коган. Стелла Владимировна Коган. Вы меня с сыном вызывали.

– А тебя, мальчик, как зовут? – спросил военком.

– Даня, – ответил я.

– Ну и отлично, Даня! Снимай свою военно-морскую шинель и шапку. Будем разговаривать. Меня зовут Александр Семенович.

– О чем разговаривать, Александр Семенович? – спросил я.

– Даник! – одернула мама.

Я набычился и отвернулся к окну, что выходило на базарную площадь, пустую по случаю буднего дня.

– Вы извините, Александр Семенович. Одичал в деревне. – И мама сердито посмотрела на меня.

– Ничего страшного. Сам двоих сорванцов имею... архаровцев. – И снова захохотал. Такая была манера – хохотать, чтобы показать дружелюбие.

– Правда, два сына? – улыбнулась мама.

– Боря и Марик. Семь и девять лет. А жену зовут Бася. Странная, знаете ли, история приключилась. Я преподавал марксизм-ленинизм в Харьковском педагогическом. Летние каникулы начались. Поехали всей семьей в Москву. Остановились у моей двоюродной сестры Симы. Она жила на станции Лосиноостровская. Недалеко от сельскохозяйственной выставки... Так великолепно мы отдыхали в то лето, как никогда. И вдруг война. Я сейчас же – в московскую комендатуру. По предписанию. Как политрук запаса. Приказали немедленно отбыть в часть. Едва отпросился на сутки, чтобы решить семейный вопрос. В Харьков-то им нельзя. В случае немецкой оккупации – смерть. Вы же знаете, что немцы с евреями делают.

– Вот видите! – подхватила мама. – Потому я и возмутилась, когда Додонов оскорблял караима Бубуха!

– Во-первых, караимы – не совсем евреи. А во-вторых, не выяснять же национальную политику на базарной площади! – Военком громко захохотал. – Тем более, что национальная политика нашей партии – это полное равноправие всех советских народов. Тут и выяснять нечего.

Мама кивнула неопределенно. Я уткнулся в окно. А военком:

– Я семью в Ташкент эвакуировал и отправился на передовую. И вот... – Постучал своей палкой.

– Мой муж тоже ранен. И сестра обморожена. Главное, вы живым вернетесь к своей семье. – Мама улыбнулась. В глазах были слезы.

– Спасибо за сочувствие. Прямо чем-то родным от ваших слов повеяло, Стелла Владимировна. Можно – Стеллочка? Мне это так необходимо теперь. – И военком посмотрел на меня, словно искал поддержку.

Но я уловил в его словах что-то плохое. Хотя, конечно, не мог тогда проанализировать... Я видел только, что это не папа, а чужой дядька в военной форме, то есть одетый под папу, напористо хохочет и говорит маме такие слова, в ответ на которые она вынуждена улыбаться.

Думаю, для меня тогдашнего обидней всего была беспомощная мамина улыбка. Будь я старше и умнее, то сказал бы: «Мамуля, не стану я носить эту форму. Давай спрячем шинель и шапку до тех пор, пока не вернемся к папе. Я не хочу, чтобы из-за меня ты улыбалась этому хохочущему чужому дядьке в военном кителе. Пойдем, мама, поскорее отсюда!»

Если бы я был старше и умнее! Но я был просто семилетний мальчик... И опять отвернулся от военкома.

– Ну хорошо, – сказал он, – подумаем, как быть. Ведь нельзя же носить мундир, если не принял присягу. Это есть нарушение устава. Я подумаю. А ты, Даня, форму пока не носи.

Я продолжал носить форму. Мама противилась. Я упрямялся, ссылаясь на папу: «Вот если бы папа... Он бы заступился... Папа никого не боится...» Мама уступала мне.

Через неделю пришла вторая повестка. На сей раз военком вызывал одну маму. Я видел, что она одевается в нерешительности. Смотрится в маленькое зеркальце, которое привезла еще из Ленинграда. Зеркальце лежало вместе с губной помадой, коробочкой розовой пудры и флакончиком духов в полукруглой черной сумочке с маленьким ремешком-ручкой...

Смотрится в зеркальце. Поправляет волосы. Красит губы помадой. Пудрится. Отвинчивает пробку от флакончика и прикасается указательным пальцем к горлышку флакона. А потом – к шее, щекам, платью.

Мама не красила губы и не пудрилась с тех пор, как мы выехали из Ленинграда. Я даже сначала не понимал, что она делает со своими губами, которые приобретают чужой, не мамин цвет, и зачем посыпает щеки розовой мукой. Мама совсем почти собралась уходить, но почему-то задерживалась, что-то искала, была какая-то странная, оробевшая. Наконец, я проводил ее до кухонных дверей, вышел вместе с ней в сени.

– Иди обратно, простудишься, Даник, – сказала мама. Голос ее дрожал.

– Мамочка, мамуля! Можно с тобой? Я не буду заходить к этому противному военкому... Обожду тебя там, в сенях.

Она словно ждала этих слов и засмеялась:

– Ты мой защитник! Конечно, пойдём!

Он стоял на крыльце, опираясь на палку. Шинель накинута на плечи. Курил. Был без шапки. Снежок припорошил черные завитки его шевелюры. Вдруг увидел, что мама пришла со мной и я по-прежнему в форме. Со злостью швырнул папироску в сугроб и резко сказал:

– Я, кажется, вас одну вызывал, гражданка Коган. А вы пришли вдвоем да еще продолжаете маскарад устраивать!

– Мы всегда вместе, Александр Семенович! Форма для моего сына – не маскарад. Это подарок отца. Ведь у вас у самого – мальчики!

И вдруг его прорвало. Палкой долбил по крыльцу. Орал так, как будто мама сказала ему что-нибудь обидное или злое. Словно я был не семилетним мальчиком, что с гордостью носит военно-морскую форму, присланную отцом, а настоящим врагом, которого надо если не уничтожить, то запугать и наказать.

Со мной случилась истерика. Вообще-то я рос улыбчивым, спокойным, покладистым... А тут завопил в ответ этому человеку, который посмел нарушить волю моего папы и еще вдобавок хочет заманить мою маму. Я крикнул:

– Не боюсь тебя, злой разбойник! Ты потому такой храбрый, что мой папа далеко. И моя мама тоже тебя не боится. Не боится и не любит! Не боится и не любит! Не боится и не любит!

Слезы хлестали из глаз. Военком давно ушел с крыльца. А я все кричал вслед нашему обидчику свои первые слова справедливости, преданности и протеста. Мама вытирала мое лицо, повторяя:

– Пойдем домой, сынуля. Пойдем, мой родной защитник.

МОЯ СЕСТРА ФЕЙГА

Είπα ἰ αὶ εἶπα

...Ἐἰ εἶπα ἀεὶ.

Ἄ Ἀδελφεῖνι γαυρεῖσσι οἷα ὁ δάτο ἐδοῖοι «Ἐὸ ἀδὰ ὀδὶ γὰ εὐὸ ἀ».

*Ἄ ἱ ἀδελφὲ ἐὸ δὰ ὀδὲ ἐὸ εὐεὶ αἰτᾶ ἰ αἰψὸ ἀ γὰ εὐδὰ ρὸν ὀ ἀ ἐὸ ἰ ἔρὰ ἐὸ ἐὸ ἀδὰ ὀδὲ
ἀ ἱ ἀεὶ ὀ γὰ ἰ αὶ ἐ ἀ ἰ αἰ αἰ ρὸ. Ἄ ἀ ἀ ἀ ἀ ἀ ἀ ἄ ἄ ἐδὲ - ἀ ἀ ἀ ἰ ἐ ἰ ἐ ἀ ὀ ρὸ ἀ ἱ ἀ ἀ ἀ ἀ ἀ ἀ ὀ δὲ ἰ ἀ ἱ ἀ ἱ ἱ
ἐς ἀ ἱ ἀ ἱ ἐ ὀ (ἰ ἀ ὀ ἱ ἀ ἐ ὀ) γὰ ἱ ἀ ἱ ἐ.*

Ей было три года и четыре месяца, когда мама сначала исчезла из дома, а потом возникла опять с олушким свертком

в руках. Мама обрадовала

Фейгу:

– Это твоя сестренка. Люби ее.

Как же – «люби»? А меня, значит, уже не любят? Я, значит, побоку...

Мама вышла в магазин, а Фейга по-быстрому все рассмотрела и устроила. Мама вернулась, завертелась по хозяйству, но вдруг остановилась, как вкопанная: где ребенок?

И под стулом нет, и под кроватью нет. Ни в шкафу, ни на полу... А что там, за шкафом? Насилу нашла... Вытащила и, радостная, положила в ванночку...

В девятиметровой комнате теперь жили: папа, мама, бабушка и новый сверток. Так у Фейги образовалась сестренка – я.

Мы почти что не ссорились. Дружно играли в кукольный театр, сами шили куклы: шарик обматывали чулком и наряжали в тряпки. Была у нас сцена, занавес, зрители – дети многочисленных соседей.

Папа ушел воевать добровольцем. («Отдохну от семьи, тесноты. Живо с ними расправимся и по домам!»). Бабушка уехала на Украину, в Нежин. Оказалось – навсегда.

Мы ждали папу. Самый главный голос был в черной тарелке. Мама таскала нас в бомбоубежище. Бомбы падали еще как! Стекла вылетали, а дом стоял.

Много раз маму хотели выбросить из этого дома, но военком отстаивал нас – семью защитника Родины.

Мама работала в энергоцехе. Дежурила по ночам. Почтальоншу встречала, как самого дорогого друга. Отсыпала крупы и разных продуктов.

Как-то ночью прибежала с работы. Трясет нас:

– Девочки, вставайте, просыпайтесь! Война кончилась! Папа придет!.. Вот слушайте, что Левитан говорит: «Граждане! Войне конец! Подписан акт о капитуляции!»

Уже не «Граждане, воздушная тревога», а – «Победа!»

Фейга помчалась за мной в детский сад:

– Папа приехал! Папа приехал!

Как мы бежали!.. Дух захватило, а Фейга все тащит, тащит – быстрее, быстрее!.. А куда быстрее? Если уж приехал, то ведь теперь не уедет. Войны же нет...

Войны-то нет, но есть другие женщины – это похуже любой войны.

Отец был очень красивый. Майор. Высокий, статный. Когда поступил в военную академию, это был уже далекий от нас человек. Не нам его судить...

Жили мы трудно. Фейга работала и училась на фельдшера, а меня заставила кончить десять классов. Я пошла работать после техникума.

Отдыхали всегда вместе. В компаниях называли нас «сестры».

Слух у Фейги замечательный, голос прекрасный, чистый, звонкий – сопрано. Танцевала она зажигательно... Да и вообще во многом разбиралась. А уж в медицине, в своем деле...

Как-то на работе дали мне путевку в Карпаты. Собрала рюкзак, понесла к двери... Фейга говорит:

– Накрылись твой Карпаты – у тебя походка кривая.

– Какая, какая?

– Кривая, кривая... У тебя – аппендицит. Ложись-ка на спину, левую ногу вытяни, правую согни в колене. – И правое мое колено как толкнет влево!

– Ой! – закричала я.

– Иди в больницу! Сдай анализы на лейкоциты – их больше десяти тысяч!

Ни свет ни заря плетусь в приемный покой. Уролог, гинеколог, терапевт, кардиолог...

– Не мучайте меня! Сделайте, пожалуйста, анализ на лейкоциты... У меня – аппендицит!

А они отвечают стихами:

– Не учи, мы врачи!

Сделали анализ. Лейкоцитов – одиннадцать с половиной тысяч. Позвали хирурга.

– На стол! – И разрежали.

До перитонита оставалось... пол часа!..

Профессор спрашивает:

– Кто же вам сказал про аппендицит?

– Моя сестра.

А Фейга уже в дверях. В белом халате. Профессор – к ней:

– Как вы определили? С такой точностью диагноз поставили...

– По походке. У нее походка кривая...

– Ну, молодец!

– Не горюй, – говорит Фейга. – Мы с тобой, сестренка, в Пицунду поедem. В ущелье. В студенческий спортивный лагерь. Это тебе не Карпаты.

...До спортбазы добирались автобусом. Ой, какая страшная дорога! Сплошной адреналин! Едешь с закрытыми глазами...

Бах! – сверху упал камень. Пробил крышу – и в голову. Соседке...

Шишка росла на глазах, как колпак. Фейга прикладывала к голове холодные мокрые шарфы, холодную гальку. И...

О чудо! Шишка ушла!

Пицунда – земной рай. Жили в палатках на берегу моря. Ящики из-под консервов – взамен тумбочек.

Утром проснулась, схватила резиновую шапочку – и вниз с горы, в море!

Оно прохладное, синее. Вокруг – медузы. Снизу подхватишь – белое желе. Опустить в воду – звезда. И не жалит...

Прямо библейская страна!

На холме – смоковница. Мы думали – ничья. Залезли – она такая разлапистая – и давай рвать инжир! А он весь течет белым, сладким соком-медом... Вдруг издалека показались конники. Что-то кричат, плетями размахивают... Еле скатились с дерева – и дёрну!..

Ух! Виноград, дыни, груши. Все, что душе угодно...

А ночью купались в бухте. Это какое-то чудо. Может, где-то еще есть? Не знаю. Входишь в воду, и вся – в светящихся блесках. Нырнешь – как сирена-русалка в серебре. Волосы мерцают, губы сияют, глаза горят...

На горизонте – корабль. Палубы освещены. Музыка. И днище из-под воды блестит, сверкает, переливается... Вода чистейшая – складками, шлейфом серебряным... Красота!

Чего-то нам в Пицунде не хватало. Поехали в Хосту, в Сочи. Нет, все не то... Вернулись обратно. Что за прелесть – Пицунда!

Что за прелесть – моя сестра Фейга! Спасибо ей за все!

Воображаемый перевод с идиша

Хаины Шпицберг

Что означает – воображаемый перевод?

А то и значит, что сестра моя Фейга всю свою жизнь откликалась на Фаню. А я, Хая Шпицберг, опять же всю жизнь (творческую), выступаю под псевдонимом – Инна Мамина. И внезапно, среди ночи, представила, что ко мне вернулся, пускай на минуту, как сон, – вернулся утраченный мною язык моей нежинской местечковой бабушки и ворочается, точно ребенок, лопочет-лепечет, выражая себя на обретенном нами, уже соприродном, акающем и вякающем московском наречии.

Рабу ли царствовать...

Маркус Леман

Ī ðāīēēāīēā Ī ā:āēī ā 1 5, 2003

Āēāāī īāīūī āy

Ī īāīē āðāā

Орев проводил своего господина к дому Ханании. Они вошли вместе; слуга открыл перед ними дверь в покои Эльазара, и тот встретил их улыбкой. После обмена приветствиями хозяин произнес:

– Давай будем добрыми друзьями, Итамар, и пусть дружба эта уподобится той, что много лет связывает наших отцов. Признаюсь, я давно хотел с тобой познакомиться. Но ты всегда избегал общества юношей, вообще посторонних, всегда был с Эльякимом. Даже по дороге в Храм отец неизменно оставался твоим единственным спутником; вот никто из нас и не решился попробовать сойтись с тобой поближе.

Прежде чем Итамар сообразил, как ему надлежит отвечать, в разговор вмешался Орев:

– У господина моего Эльякима на всем белом свете нет никого, кроме единственного сына: ни сестры, ни брата, ни жены, ни других детей. Потому неудивительно, что, бесконечно привязанный к сыну, он не отпускает его от себя. Однако любовь Эльякима столь же самоотверженна, сколь и велика. Он перенес тяжелую болезнь, еще не вполне оправился и пока не в силах покинуть дом, но нынче отказывается от общества любимого сына, столь ему необходимого и приятного, дабы тот не сидел взаперти, а прогулялся по улицам Иерусалима, развеялся в беседах со знакомыми.

– Что ж, – отвечал Эльазар, – ежели так, то, как говорится, нет худа без добра. Болезнь реба Эльякима позволила нам узнать друг друга. И мне сегодня выпала честь, Итамар, принимать тебя в своем доме.

Итамар, сильно смущенный, простодушно удивился:

– Да какая же радость тебе от моего присутствия? Вообще от такого обыкновенного человека, как я?

– Скромничаешь, Итамар, – отозвался хозяин. – Я, конечно, знаю тебя недостаточно близко, но тем не менее весьма уважаю и ценю. Ведь ты сын Эльякима, одного из лучших и особо уважаемых людей в нашем городе. Оба мы с тобой – ученики одного учителя, великого раббана Гамлиэла. Ступай, Орев, к своему господину и сообщи ему, что нынешний день Итамар проведет у меня. Я сам провожу его домой, до того как стемнеет.

Кивнув в знак согласия, Орев покинул молодых людей.

– В такой день, конечно же, нам нельзя не вспомнить Тору, – сказал Эльазар, когда они остались вдвоем. – Не произнести заповедные слова. Кстати, я покажу тебе мой изумительный свиток, знаменитый свиток, который привлек внимание всего Иерусалима.

Эльазар подошел к старинному шкафу темного дерева, открыл створки и достал Тору. Снял искусно расшитый дорогой чехол и развернул свиток перед Итамаром. И тотчас им овладело возбуждение.

– Смотри! Вот оно, драгоценное сокровище, цену которому нельзя измерить ни в серебре, ни в золоте! Борух, один из учеников книжника Эзры, своей рукой списал текст с его свитка. Мы с отцом прочли свиток пристально и вдумчиво, слово за словом – от «В начале...» и до «Пред глазами всего Израиля». И не нашли нигде ни одного хоть сколько-нибудь сомнительного места. Тогда мы стали по нему читать «До чего же прекрасна ты, возлюбленная моя, и нет в тебе изъяна». Погляди, как начертана «Песнь моря»: вся – точь-в-точь по закону. А теперь, чтобы извлечение свитка Торы не оказалось действием праздным и необязательным, взгляни-ка на страницу – не найдешь ли повод задать мне какой-нибудь вопрос? Задай его, и, быть может, я смогу тебе ответить.

Итамар пробежал глазами «Песнь моря» и спросил по некотором размышлении:

– Вот Моисей начинает свою песнь словами: «Воспою Г-споду, ибо высоко вознесся...» А Мирьям-пророчица начинает немного по-иному: «Пойте Г-споду, ибо высоко вознесся». В чем смысл различия между словами? Почему не произнесла Мирьям, как Моисей, – «Воспою Г-споду»? И почему Моисей не сказал, как Мирьям, – «Пойте Г-споду?»

– Интересный вопрос, Итамар! – в

оскликнул Эльазар. – Мне нужно время, чтоб над ним поразмыслить...

Несколько минут Эльазар пребывал в задумчивости, потом глаза его радостно заблестели.

– Пожалуй, я нашел верный ответ. Но погоди чуть-чуть. Позволь прежде вернуть свиток на место.

Бережно закрыв дверцы шкафа, Эльазар сел рядом с гостем и неторопливо заговорил:

– Пока я размышлял над твоим вопросом, мне в голову пришла любопытная мысль. Вот, подумалось мне, Итамар, сын Эльякима, сына Хизкии, спросил Эльазара, сына Ханании, сына Хизкии, о чем-то, что связано с Торой... Видишь, моего и твоего деда звали одинаково: Хизкия. И это обстоятельство напомнило мне про царя Хизкию. Хорошо учили нас мудрецы наши, и теперь из истории царствований мы

знаем, что честь воспеть песнь пред Всевышним выпадает лишь тем, у кого есть особые заслуги. Когда ангел Г-сподень побил воинов в лагере царя Ашурского у ворот Иерусалима, Хизкияу следовало бы воспеть пред Всевышним песнь, подобно тому как это сделали Моисей и Мирьям. Почему же он отказался? Ведь и Двора-пророчица, и Барак бен Авинаом воспевали песнь, и царь Давид множество песнопений пропел Творцу... Потому, объяснили наши мудрецы, что не считал себя царь Хизкияу достойным воспеть песнь пред Г-сподом, ибо сказал Г-сподь: «И обороню Я этот город ради Меня и ради Давида, раба Моего». Иными словами, спасение досталось Хизкияу не ради него самого, а ради царя Давида. То же можно сказать и о народе Израиля в Египте: не все евреи заслужили право воспеть песнь пред Создателем, ибо многие не избежали соблазна, впали в грех идолопоклонства. Да и после дарования Торы... Вспомни, Итамар, золотого тельца... А вот с женщинами такое не произошло. Сказано же, что ради заслуг женщин-праведниц были избавлены отцы наши от египетского рабства. Жены Израиля скромностью отличались необыкновенной. В Писании про них прямо говорится: «Сад запретный сестра-невеста моя, запертый вход, сокрытый источник». Благодаря достоинствам их позволено стало сынам Израиля плодиться и размножаться в Египте. Щедростью великой тоже наделил их Б-г. «И сделал умывальник из меди и подножие его из меди из зеркал женщин, что толпились у входа в шатер». Идолопоклонством ни на миг не соблазнились они. Жены Израиля, кроме всего прочего, не желали жертвовать свои украшения на изготовление тельца. И отдали их против воли. Потому как Аарон сказал: «Снимите украшения золотые, что в ушах жен ваших». Спротивляться было бесполезно. «И снимал народ золотые украшения, что в ушах жен их...» Да, женщины ни за что не хотели отдавать свои украшения. Можно подумать, конечно, что на сей раз им просто жалко стало своих красивых серег и ожерелий, и в этом суть, а не в том, что они были против золотого тельца. Но, читая Тору дальше, мы видим, что едва понадобилось золото для построения Мишкана, как женщины отдали все, отдали не меньше, а даже больше мужчин. В святой книге написано: «И приходили мужчины с женщинами, и всякий был щедр сердцем, и приносили украшения различные из золота...» Ну, а теперь, Итамар, послушай. Я столько вспомнил, что смело могу ответить на твой вопрос. Слова «Песни моря» прежде всех произнес Моисей, и лишь потом присоединились к нему сыны Израилевы. Ибо только он один достоин был воспеть песнь пред Г-сподом в тот день. Он и сказал: «Воспою» – в единственном числе. Оттого-то написано: «Тогда воспел Моисей», а не «Моисей и сыны Израиля воспели». Мирьям же повелела женщинам: «Пойте Г-споду», – обращаясь ко всем сразу, ибо все женщины были достойны пропеть торжественные слова.

– Огромное спасибо тебе, Эльзар, за умный и такой интересный комментарий, – сказал Итамар, очень довольный услышанным.

– Из этого можно заключить, – продолжал Эльзар, – что Всевышний помогает Своему народу не только тогда, когда народ этого достоин, но и во всякое время. Помогает ради Своего Великого Имени и чтоб не сказали народы: «Где же Г-сподь их?» Мы – народ Всевышнего. Он никогда нас не оставит! Нам всего лишь нужно быть людьми. Нужно попытаться скинуть ярмо Эдома с шеи. Ни грана нет сомнений в том, что Всевышний не оставит нас без помощи. Послал же он ангела к отцам нашим, чтобы побить воинов царя Ашура. Точно так же и сегодня пошлет он ангела в Израиль, чтобы разгромить римские полчища!

Āēāāā āī nūī āy

Ā ēāāāāā cāā āī dū ēēīā

С этого дня полюбил Итамар Эльзара великой любовью. И любовь эта была по-своему сильна не менее, чем любовь к престарелому отцу. Ибо Эльзар разбудил в душе его доселе дремавшие чувства. Он и сам почти не подозревал об их существовании. В ушах его, конечно, нет-нет да и звучали обидные слова Каюса: «Отчего вы теперь нация, склоняющаяся под гнетом чужаков?» Однако до нынешнего дня у него был только один ответ: оттого что народ Израиля обязан терпеть унижения за свои великие грехи. Теперь Эльзару удалось убедить его, что Создатель непременно поможет Израилю в борьбе, позволит взять верх над угнетателями-римлянами. Пусть даже Израиль пока не достоин этой помощи. Г-сподь сделает это ради Его Великого Имени и ради слуги Его Давида.

Времени прошло совсем немного, но Итамар уже с головой погрузился в деятельность, которую развил Эльзар, в его далеко идущие планы. Более того – выразил готовность принять в восстании самое активное участие.

Огромных усилий стоило ему скрыть от отца свою новую жизнь, новообретенные взгляды. Он, во-первых, боялся напугать и огорчить его, а во-вторых, понимал, что, если тайна откроется, отец запретит ему даже видаться с Эльзаром. А вот Орева он в свою тайну все-таки посвятил. Коварный раб теперь всячески поддерживал Итамара, стараясь укрепить в нем дух бунтарства и стремление к открытой борьбе. Он-то доподлинно знал, что путь, избранный Итамаром, ведет к гибели. Либо пылкого юношу убьют в бою, когда пробьет час восстания против Рима, либо, если повезет и он уцелеет, ему придется без оглядки бежать из Иерусалима. Тогда-то перед Оревом забрезжит хоть какая-то надежда заполучить в жены Тирцу. Поэтому раб прикидывался верным другом Итамара, во всем с ним соглашался, горячо его поощрял и клялся, что никому не скажет ни слова. Иногда, для вящего правдоподобия, он вдруг как бы пытался немного обуздать пыл юноши, начинал с жаром отговаривать его от задуманного: предприятие, мол, опасно сверх всякой меры. При этом он

великолепно понимал, что даже если его наигранный страх и лживые уговоры как-то подействуют на молодого господина, то только до первой беседы Итамара с Эльзаром, когда любые предостережения мгновенно вылетят у юноши из головы. Впрочем, развитие событий вполне устраивало Ореву, и лишь одна мысль не давала ему покоя: мысль о том, что помолвка Итамара и Тирцы может состояться в самое ближайшее время. В Израиле существовал в ту пору обычай, по которому после помолвки девушка становилась законной женой мужчины и отныне принадлежала только ему одному. А день свадьбы был всего лишь днем ее переселения в дом мужа и началом их совместной жизни. Время между помолвкой и свадьбой посвящалось различным приготовлениям к самой свадьбе и обустройству быта новой семьи. И поскольку в доме уже шли разговоры об этих приготовлениях, Орев не без оснований опасался, что до помолвки остались считанные дни и план его может рухнуть.

У подножия гор, высившихся неподалеку от Иерусалима, лежали развалины древнего дворца. Говорили, будто построил его еще царь Соломон. Правитель якобы любил проводить в нем жаркие летние месяцы. Во время какой-то из бесчисленных войн дворец был разрушен; остались только руины. Приют там находили по преимуществу шакалы, скорпионы, летучие мыши и другая нечисть. Люди не осмеливались забираться в развалины, опасаясь змей и диких зверей. К тому же они боялись, что на них сверху что-нибудь обрушится. Особенно всех пугало поверье, будто в развалинах дворца обитают привидения. Даже разбойники и прочие лихие люди не отваживались там прятаться. Эльзар и его единомышленники, не суеверные и не трусливые, сделали древние развалины местом постоянных встреч. Здесь будущие повстанцы обдумывали свои замыслы, вырабатывали стратегию, уточняли планы.

Жарким летним днем Итамар впервые был допущен на их сходку. Присутствующие в большинстве своем принадлежали к самым достойным и уважаемым семействам Иудеи. Были известны своей ученостью и благочестием, отлично владели оружием и вообще знали толк в военном ремесле.

– Друзья и братья! – обратился к ним Эльзар. – Сегодня я привел в наше убежище нового брата. Нового члена тайного общества. Перед вами мой друг Итамар, сын всем известного господина Эльякима. Он ведет свой род от первого князя колена Иеуды Нахшона бен Аминодава. Помните, мудрецы рассказывали нам, как дети Израиля вышли из Египта, и преследователи-египтяне настигли их, ставших станом у моря, и Моисей велел всем войти в воду и шествовать по ней, точно по суше? Но праотцы наши боялись ступить в море, и подходили близко, и никак не могли решиться, пока бесстрашный Нахшон бен Аминодав не прыгнул с берега в пучину и решительно не двинулся вперед. И расступилось море, и стеной поднялось по обеим сторонам, и обнажилось дно, едва зашел Нахшон бен Аминодав так далеко, что вода стала ему по горло. Он и поныне – пример для подражания всему народу Израиля. Наш новый друг унаследовал храбрость и силу духа от своего предка. Как и мы, он готов идти на битву, сражаться и победить.

– Друзья и братья! – воскликнул Итамар, когда Эльзар смолк. – Силы мои невелики, и руки не обучены обращению с оружием. Но сердце мое пылает священным огнем и зовет на бой во имя высокой цели, на бой за свободу, за счастье и независимость великого нашего народа. Все, чем наградил меня Г-сподь, – будь то принадлежащее мне имущество или физическая сила, – я с радостью отдаю теперь ради служения святому делу. Наше гордое предназначение – возвысить имя Г-спода среди народов, дабы не сказали они: «Где же Б-г их?»

И тогда встал юный Шимон бен Антигенос и сказал:

– Мир тебе, Итамар! Сам Эльзар привел тебя в наши ряды, и отныне мы целиком тебе верим. Как и он, ты – поборник освобождения народа Израиля от римского ига.

Шимон протянул Итамару руку; вслед за ним с сыном Эльякима бен Хизкии обменялись рукопожатиями и остальные.

– Мы пришли сюда сегодня, разумеется, для того, чтобы принять в свои ряды нового бойца, – продолжал Шимон. – Однако нужно, мне кажется, воспользоваться этим замечательным событием и сейчас, когда мы все в сборе, обсудить дальнейшие планы. Не считаете ли вы, братья, что настал наконец подходящий момент, чтобы призвать народ к восстанию? На мой взгляд, лучшего момента можно и не дожидаться. Народ до крайности возмущен. Народ негодует. Вы все знаете, как мощно бурлит повсюду скрытая ненависть к римлянам. Бессовестная власть облагает нас непосильными налогами, взимаемыми без жалости и пощады. Римский наместник ведет себя высокомерно и творит все, что ему вздумается. Без всякого серьезного повода он отстранил от должности нашего первосвященника, достойного и мудрого рабби Ишмаэла бен Фиаби, и назначил на его место человека, которому первосвященником быть вовсе не пристало. У каждого из нас широкий круг друзей и знакомых, готовых в любой миг откликнуться на наш призыв. Я предлагаю следующее: мы все соберемся, в считанные минуты окружим дворец наместника, запрем там его самого и войско, захватим Храм, сместим недостойного первосвященника, назначенного римлянами, и вернем рабби Ишмаэла бен Фиаби на прежнее место. Весь народ будет приветствовать нас криками «Ура!», встанет на нашу сторону и с помощью Б-га Израиля будет воевать вместе с нами до полной победы.

– Позвольте мне возразить, – поднялся Иеуда бен Нафтали из семейства Аристоклусов. – Возразить и выразить собственное мнение по этому вопросу. Сегодня мы еще не вполне готовы к боевым действиям. Прежде чем идти на открытое противостояние с Римом, надо привлечь в свои ряды большее число сторонников. Пока их явно недостаточно. Пусть каждый из нас отныне сосредоточит усилия на том, чтобы

привести к нам новых людей. Вот ведь привел сегодня Эльазар Итамара. Очень многие достойные семейства Иерусалима и крупных поселений Иудеи в нашем тайном обществе еще не представлены. И это серьезное упущение.

Тут снова поднялся Эльазар:

– Зачем станем мы уповать на человека, вместо того чтобы положиться на Всевышнего? От него одного зависят победа и спасение. Когда Гидеон вышел на войну с мидянами, Всевышний приказал ему отпустить многочисленную армию, бывшую в его распоряжении, и повести в бой всего триста человек. Так оно и произошло. С небольшим отрядом Гидеон победил мидян. Для Г-спода одинаково легко спасти нас и когда мы во множестве, и когда нас мало. Первосвященник Мататияу, восстав против нечестивых эллинов, не полагался на помощь смертных: он даже не сосчитал людей на той и на другой стороне. Его сын Иеуда вышел на битву с горсткой необученных и плохо вооруженных людей. С мечами в руках и с Именем Всевышнего на устах встали они грудью против могучего врага и изгнали нечестивцев из Священной земли. Мы, конечно же, не смеем уподоблять себя этим праведникам. Тем не менее мы должны верить, что Г-сподь поможет нам тоже – ради Своего Великого Имени, которое оскверняют при помощи римлян. Разве можем мы служить Ему так, как заповедано, ежели чуждая власть чинит нам в том препятствия, безжалостно душит нас? Разве может молчать богобоязненный и мужественный человек, ежели достойный по мановению руки чужака лишен первосвященства и на место его посажен недостойный?! Нет, братья, Г-сподь не станет долее это терпеть. И он поможет нам ради Своего Святого Имени!

Àèààì àààÿòàÿ

Èì ò öàðíò àí ààò ù?

«Ради Великого Имени Своего спасет нас Г-сподь!» – воскликнули юноши с жаром. Лишь Иеуда бен Нафтали не поддался всеобщему воодушевлению. Он помолчал, потом заговорил, обращаясь к Эльазару:

– Прости, дорогой друг, если я решусь противопоставить общей благородной пылкости свое хладнокровие, свой трезвый взгляд на вещи. Бесспорно, наступает однажды час не рассуждать, а совершать поступки – как тогда, когда Пинхас увидел Зимри, совершающего непотребство на глазах всего Израиля. У Пинхаса не было времени на размышления, и в присутствии народа он вынужден был действовать немедленно, чтобы пресечь грех, творимый Зимри и мидяночкой. Знает Г-сподь Всевышний, что и я не стал бы колебаться в такой ситуации. Так же и пророк Элияу, ревностный защитник чести и славы Г-спода, убил без колебаний священников Баала, и каждый из нас готов сделать то же самое в сходном положении: недаром назван наш союз Союзом Ревнителей. Этих великих людей и их смелые деяния мы взяли себе за образец. И когда придет время действовать, не будет у нас недостатка в решимости. Но чтобы это время пришло, необходимо тщательно подготовить почву. Задача, которую мы взвалили на свои плечи, нелегка и непроста. Мы собрались – ни много ни мало – сокрушить нечестивую римскую власть и изгнать римлян из нашего Отечества. Без сомнений и страха полагаемся мы на помощь Всевышнего. Однако Он хоть и всемогущ, но не желает, чтоб мы бросились навстречу опасности с закрытыми глазами. Мне это совершенно ясно. Мы вспомнили деяния Пинхаса и Элияу; я приведу вам в доказательство деяния еще одного человека, не менее великого. Когда царь Шаул лишился милости Всевышнего, приказал Он Шмуэлу пойти в Бейт-Лехем и помазать на царство одного из сыновей Йишая. Спросил тогда Шмуэл: «Как же пойду я? Ведь Шаул узнает и убьет меня». И тогда повелел ему Г-сподь взять с собой повозку для скота, чтобы, когда спросят его, мог он ответить, что везет животных для жертвоприношения. На первый взгляд, непонятно, как посмел Шмуэл сомневаться и думать об опасностях, когда сам Всевышний сказал ему, что нужно делать. Разве не следовало сразу же двинуться в путь и точно все исполнить, не помышляя о возможных опасностях и полагаясь на защиту Г-спода? И почему Всевышний не стал укорять Шмуэла за сомнения и колебания, за то, наконец, что он недостаточно на Него полагался? Более того, Всевышний согласился со Шмуэлом и указал ему самый верный способ поведения, повелев спастись от гибели с помощью хитрости. Из этого явствует, что человеку нельзя, как я уже сказал, бросаться с закрытыми глазами навстречу опасности, нельзя бездумно подвергать себя риску в надежде на чудесное избавление по воле Г-спода. Мы, естественно, должны полагаться на Всевышнего и надеяться на спасение, на помощь небес, но точно так же мы обязаны сделать все от нас зависящее, дабы не попасть в руки врагов, не оказаться в безвыходной ситуации, когда действительно останется уповать лишь на чудо. К чему я веду? Нам следует подождать дальнейшего развития событий: оно еще больше усилит народное недовольство. Эльазар считает, что лишение первосвященника рабби Ишмаэла бен Фиаби сана довело народное возмущение до последнего предела. Поверь, дорогой друг мой и брат, это вовсе не так. Ты пытаешься судить о мере возмущения народа, исходя из чувств, переполняющих твое собственное благородное сердце. Большинству граждан, думаю я, совершенно все равно, годится первосвященник, назначенный римлянами, для своей должности или нет. Толпы встречают приветственными криками первосвященника Эльазара точно так же, как приветствовали они прежде рабби Ишмаэла. Если мы поднимем восстание, а весь народ не станет рядом с нами плечом к плечу как один человек, жертва наша будет напрасной и достижение нашей святой цели отдалится от Израиля на многие годы. Брат мой, надо подождать. Быть может, совсем немного. Пусть тем временем алчные римляне снова увеличат

налоговое бремя, чтобы положение людей стало совершенно невыносимым, и когда общее недовольство действительно достигнет высшей точки, когда наступит нужный час, мы призовем народ к восстанию.

Глубокая тишина воцарилась среди развалин, едва Иеуда закончил свою речь. На Эльзара доводы сподвижника тоже явно произвели немалое впечатление, и он задумчиво молчал. Прошло несколько минут, потом слово взял Шимон бен Антигенос:

– Друзья мои и братья! – начал он. – Слова Иеуды бен Нафтали навели меня на мысль о том, что есть еще один важный вопрос, который требует решения, прежде чем мы поднимем мятеж. Иеуда говорил о пророке Шмуэле, которому Всевышний приказал помазать Давида на царство. Так вот о царстве. Когда поднимем мы знамя восстания, и Г-сподь предаст врагов наших в руки наши, и страна вновь станет свободной, кто будет царствовать над нами?

– Мне этот вопрос кажется странным, – поднялся Барак бен Гамла. – Один Всевышний будет царем в Израиле! Разве не известно тебе, Шимон, что, когда во времена Шмуэла евреи потребовали себе царя, горько стало Г-споду. И сказал он Шмуэлу: «Это не тобой, но Мною пренебрегли они!» Нет, ни единому смертному не дано царствовать над Израилем! Только Б-гу. Разве правильно будет, если мы признаем над собой какого-то другого царя? Ведь сказано же в Торе: «Ибо Мне слуги дети Израиля». Мудрецы объясняют это коротко и ясно: «Мне, а не другим слугам моим».

– По сути дела, ты прав, – проговорил Эльзар. – Так оно и велось в эпоху Моисея, в эпоху Иеошуа бин Нуна и в эпоху Судей. Когда судье Гидеону предложили корону, он отказался со словами: «Не я, но Г-сподь будет царем над вами!» Однако с тех пор многое изменилось. Разве не стал Давид, сладкогласый псалмопевец, тем, кому обещано было царствование над Израилем до конца времен?

– То есть, – уточнил Барак, – ты хотел бы назначить царя из семени Давида. Но знаешь ли ты человека в нашем поколении, который был бы достоин сидеть на его троне?

– Нет, – ответил Эльзар, – такой человек мне не известен. Но есть в моем сердце уверенность, что если сумеем мы скинуть с себя ярмо Эдома, то в нужный срок даст нам Г-сподь потомка из дома Давидова, достойного царствовать над Иудеей.

– Если уж мы соберемся избрать над собой царя, – вступил в разговор Йосеф бен Лапидот, – нам не придется его долго искать. Кто более заслуживает права стать правителем Израиля, чем наш дорогой брат Эльзар, сын Ханании, сына Хизкии бен Гуриона? Разве он не смел, как Шимшон, не богобоязнен, как царь Давид-ревнитель, как Пинхас? И семейство его – одно из самых уважаемых в Иудее. Поставим же его царем над нами!

– Нет, дорогой мой друг Йосеф! – отвечал Эльзар. – Я не из семени и не из дома Давидова. Я из семени Аарона-первосвященника. И место мое не на троне, но подле жертвенника в Храме.

– А разве Хашмонеи не были кознами? – возразил Йосеф. – Тем не менее на их головы возлагали и царские короны, и шапки первосвященников!

– Но в этом-то и заключалась ошибка! За это они претерпели наказание, это принесло им позор, а всему Израилю – новое порабощение! Цари дома Давидова были полны смирения. Они смотрели на царство как на обязанность и служение, а не как на возможность властвовать. Я не имею в виду тех, кто не достоин был и называться потомком Давида, – людей вроде Ахаза или Менаше. Я разумею благочестивых и доблестных потомков его – таких, скажем, как Иеошофат и Хизкияу. Все их помыслы связаны были со служением Всевышнему и с тем, чтобы облегчить жизнь народу. Для себя же они не требовали никаких особых привилегий. Мудрецы рассказывают о царе Хизкияу, что он съедал с утра щепотку зелени и на долгие часы шел заниматься Торой. Не так вели себя потомки дома Хашмонеев; они были горды, высокомерны и любили власть. Царь Янай, например, не склонялся даже перед Сангедрином. Нет, дорогой друг, я не хочу, да и не могу быть над вами царем! Когда соотечественники мои освободятся от гнета поработителей, высшей наградой для меня станет возможность быть простым гражданином свободной страны, одним из сыновей того народа, который Всевышний избрал, дабы был наречен он именем Его.

Едва Эльзар закончил свою речь, Итамар воскликнул с восторгом:

– О, как усилилась ныне моя любовь к тебе, праведный и благородный муж!

Àèàà àáÿò àÿ

Çàá àíð ðàíèðúò

Буквально в этот миг среди развалин показался человек, громко кричащий:

– Бегите! Бегите скорее! Сюда идет римский военный отряд!

Это был юноша по имени Йонатан; его оставили стоять на страже при входе, чтобы предупредить заговорщиков в случае опасности. С вершины высокой горы ему была великолепно видна вся округа.

– Бегите! Римляне уже близко! – не смолкал Йонатан. – Они подходят с разных сторон, видно, хотят окружить нас!

– Братя, – сказал Эльзар, – надо уходить через подземный туннель.

Двое юношей подняли с земли несколько больших камней, ничем не отличавшихся от тех, что лежали рядом. Под камнями открывался подземный ход. Заговорщики быстро спустились вниз и закрыли за

собой лаз, с привычной ловкостью поставив камни на место – так, что ничего больше не было видно. Теперь они стояли в узком, темном туннеле. Неожиданно Итамар, к великому своему удивлению, разглядел впереди слабые всполохи огня. Светилась чаша, наполненная углями раkitника. Эти угли имели особое свойство: они долго сохранялись раскаленными и, присыпанные золой, мерцали в темноте. Чашу заговорщики хранили именно на случай неожиданной опасности. Барак подошел к чаше, стряхнул золу, и угли стали ярче. Он зажег с их помощью смоляной факел, и туннель озарился светом. Предводительствуемые Баракom с факелом в руке, заговорщики двигались вперед вдоль древних стен подземного дворцового туннеля и через некоторое время добрались до запертой двери. Эльзар открыл замок, все вышли наружу и оказались в скалистой пещере, укрытой в горных недрах.

– Прежде чем покинуть пещеру, – сказал Эльзар, – мы должны возблагодарить Г-спода, спасшего нас от нежданной напасти. Затем подумаем, что делать дальше.

Чистым высоким голосом он произнес:

– Благословен Ты, Г-сподь Б-г наш, царь мира, дарующий повинным избавление, благословен за то, что воздал нам благом!

– Амен! – откликнулись хором юноши.

– А теперь, друзья, – продолжал Эльзар, – давайте поразмыслим – как быть и куда идти. Хотя, впрочем, прежде всего следует, пожалуй, подумать о другом: откуда могли римляне получить сведения о нашем тайном собрании? Лично я убежден, что за этим – донос и предательство. Нас выдали. Иначе враги не напали бы на наш след. Кто-то из нас, братья, был настолько легкомыслен, что доверил тайну чужим ушам. Кто же?

Все молчали. В голове у Итамара забрезжило неясное подозрение. Он ведь раскрыл Ореву тайну этих собраний, назвал место, ибо с детства привык доверять ему все без исключения. Возможно ли, что Орев – предатель? Нет, невозможно! При такой любви к нему, Итамару, и к его отцу? При лютой ненависти к Риму? Не может быть, чтобы Орев предал его самого и его друзей в руки римских властей. Исключено!

Тягостное молчание не прерывалось, и Эльзар снова обратился к присутствующим:

– Еще раз прошу всех вас, друзья: откройте сердца ваши! Если кто-то поделился нашей тайной с отцом, или братом, или с верным товарищем, сестрой, с невестой, пусть честно скажет об этом. Сказать необходимо, иначе нам не выяснить, с какой стороны, каким путем пришла измена. И спастись будет еще труднее.

Ответом ему опять было общее молчание.

– Если так... – вымолвил наконец Итамар. – Что ж, пусть все случившееся пока останется для нас загадкой. Но давайте посоветуемся, как поступать дальше. Мы можем разделиться на группы, можем вернуться в город поодиночке, разными путями и в разное время. Хотя вполне вероятно, что нас уже ждут и мы будем арестованы, едва переступим порог собственного дома.

– По-моему, – откликнулся Иеуда, – следует кого-нибудь послать в город. Кого-нибудь одного. Тогда мы точно будем знать, как обстоят дела. Если наши имена еще не известны врагам, мы все сможем спокойно вернуться домой. Если же посланный не вернется, это будет значить, что он арестован, и остальным придется спасаться бегством. Уходить в горы. Пусть лучше один из нас пойдет на риск, чем все подвергнутся опасности и движение погибнет. Я готов сию же минуту отправиться в путь. Как говорится, кто предложил, тому и исполнять.

– Нет, Иеуда, – покачал головой Эльзар. – Ты не должен рисковать собой лишь потому, что нашел единственно возможный выход. На мой взгляд, ничего лучше и придумать-то нельзя в нашем положении. Посему я предлагаю бросить жребий, как поступали в подобных случаях наши отцы. На кого он падет, тому и возвращаться в город.

– Послушайте, дорогие братья, – вмешался неожиданно Итамар, – пошлите меня. Это самое лучшее и разумное решение. Я по-настоящему только сегодня присоединился к вам, и римляне и их шпионы наверняка еще ничего обо мне не проведали. Я смогу проникнуть в город без всякого риска и осторожно выяснить, известны ли римлянам чьи-нибудь имена. У меня есть связи во дворце наместника. Всего лишь несколько недель назад я был там. Меня пригласил прийти друг детства, молодой римлянин, на день-другой прибывший в Иерусалим. На меня можно положиться, я обязательно найду способ узнать, как обстоят дела, и сообщу вам об этом.

– Мы не можем принять твое предложение, Итамар, – сказал Иеуда. – Было бы безответственно послать новичка на столь опасное задание. Если с тобой что-то случится, это покроет нас всех несмываемым позором. Нет, только судьба решит, кто сегодня рискнет собой ради остальных братьев. И ты, Итамар, будешь участвовать в жеребьевке на общих правах. Но до того, как мы бросим жребий, я хочу попросить вас вот о чем. Эльзара надо исключить! Его свободолюбивые воззрения хорошо известны римлянам. И он слишком важен для нас. Мы не можем позволить себе потерять его. Если арестуют меня или другого, это не остановит остальных, но если вырвать из наших рядов Эльзара, все дело может пойти прахом. Он один, с его силой духа и недюжинным умом, стоит тысячи отважных храбрецов. Надеюсь, вы со мной согласитесь. Итак, вы согласны?

– Согласны! Конечно, согласны! – дружно воскликнули все.

– Но я-то решительно не согласен, – сердито заявил Эльзар. – Кровь моя не краснее, чем у других!

Его протест не был принят. Друзья объяснили, что не отпустят его одного в город ни при каких обстоятельствах. В конце концов Эльзар был вынужден нехотя согласиться на уговоры, и теперь его роль заключалась в том, чтобы бросить жребий. Ему завязали глаза. Остальные встали кругом, а его поставили в центр. С завязанными глазами Эльзар подошел к одному из заговорщиков, взял его за руку и назвал число сто двадцать. Затем снял с глаз платок и начал считать слева направо. Считая, он несколько раз обошел круг товарищей, и в конце концов на числе 120 остановился прямо перед Итамаром.

– Итамар! – торжественно произнес Эльзар. – Жребий пал на тебя! Иди и выполни свою задачу! А мы поможем тебе отсюда своими молитвами и будем просить Всевышнего Б-га, чтобы он сохранил тебя от всех напастей...

Āēāāā īāēī īāāōōāy

Ā ōēāō āāāā

Йонатан проводил Итамара до входа в ущелье. Между гор хорошо просматривалась дорога, ведущая в Иерусалим.

Итамар шел по ней, и в голове его роились нелегкие, невеселые думы. Он вспомнил своего немощного, полубольного отца, и на сердце стало еще тягостнее. Вдруг его арестуют прямо при входе в город и отправят в тюрьму... Достанет ли у отца сил выдержать это испытание? А что будет с ним самим? Какую кару определит ему разгневанный наместник? Римляне ведь жестоки и безжалостны; человеческая жизнь в их глазах не стоит ни гроша! Только теперь Итамар понял, что недостаточно взвесил и обдумал все, что было связано с участием в заговоре. Он пылал энтузиазмом, юношеской горячностью и не помышлял всерьез о последствиях. Нет, он не жалел, что примкнул к друзьям Эльзара. Но ему следовало быть готовым к нынешнему дню заранее, следовало загодя найти в себе силы встретить опасность с должным мужеством и хладнокровием. А он страшится и сомневается. Возможно, думал он с горечью, правы старики, которых не очень-то увлекает идея восстания. В отличие от молодежи...

Погруженный в свои мысли, дошел Итамар до Цуфим, места, откуда город был виден как на ладони. Он лежал пред ним внизу, в тишине и покое, многолюдный Иерусалим, столица страны, познавшей горечь рабства. Пока еще дано было юноше видеть собственными глазами величие Дома Славного, где начертано Святое Имя Всевышнего. Пока еще он волен был повернуть вспять и искать себе убежище в каком-нибудь из поселений родной земли. Или скрыться в пещере среди гор. Но разве не обещал он товарищам, что пойдет в Иерусалим? Он ведь сам вызвался... И не хотел никакого жребия! Предложение его было отвергнуто, но жребий все-таки пал на него. Это судьба! Нет, он выполнит возложенный на него долг, он останется верен своему слову, даже если за это придется дорого заплатить. Заплатить ценой жизни и горя, которое доставит он отцу и своей невесте. Возлюбленной Тирце.

Он поднял глаза к небу и вознес молитву Г-споду:

– О, Владыка мира! Ты Господин всему, и ничто не свершается помимо воли Твоей! Если это будет Тебе угодно, спаси меня от опасности! На Тебя положились отцы наши и Тобой спасены были! К Тебе взывали и были услышаны, на Тебя уповали и не посрамили чести! И хотя я знаю, что недостойн Твоего чудесного вмешательства, но разве не Ты хранил меня от рождения? Всем братьям и сестрам моим не дал ты жизни, лишь мне одному! Спаси и избавь меня теперь – ради моего старого родителя, дабы не лишился он жизни от горя, и ради несчастной моей невесты, что будет тосковать по мне все дни свои! Ибо сказано в Торе: «Оплот прямых путей, все деяния Его – суд и справедливость». Ибо не подобны пути Твои путям смертных. Царь смертный карает виновного и не думает о его родных и близких, что будут плакать о нем. Не таков Ты, Царь Вечный. Пути Твои прямы и истинны, суд Твой – суд праведный. Ты не подвергнешь человека смерти, если только и его близкие не заслужили свое горе! Так смилуйся же над отцом моим, мудрецом и праведником, и над невестой моей, юной девой, не знавшей греха! Не покидай меня, ибо близка гибель и, кроме Тебя, нет спасителя, Отец мой небесный!

Закончив молитву, Итамар ощутил, что душа его исполнилась спокойствия и уверенности, и поспешил спуститься с горы в долину. Решительно шагая, миновал он городские ворота без всяких помех. Римские стражники вообще не обратили на него внимания. Итамара это обстоятельство весьма обрадовало и ободрило. Видимо, имена заговорщиков были римлянам пока не известны или по крайней мере его имени они не знали. Все же он решил сразу не идти домой, а заглянуть сперва к отцу Тирцы, чтобы узнать, вправду ли ему не грозит опасность.

Едва Итамар переступил порог дома Элизера, как хозяин поспешил ему навстречу в сильном волнении.

– Итамар, бедный мальчик, откуда ты идешь? Ты что, не знаешь, что римляне ищут тебя повсюду, обвиняя в заговоре против властей?! Они отправили солдат, чтобы арестовать тебя и твоих товарищей, но те вернулись ни с чем, и вот теперь ты сам спешешь к ним в руки. Прямоком шагаешь в пасть к тигру! Они уже обыскали в вашем доме все, каждый уголок, от чердака до подвалов, все вверх дном перевернули, ища тебя, а ты спокойно разгуливаешь при свете солнца по городским улицам! Заходи скорее в дом, несчастный мой мальчик, я спрячу тебя в надежном месте. Там ты переждешь какое-то время, пока не настанет удобный момент, чтобы бежать в горы!

Пораженный Итамар на мгновение потерял дар речи. Потом пришел в себя и спросил с тревогой:

– Где отец? Как он пережил эту ужасную новость?

– Эти разбойники схватили твоего отца и бросили в тюрьму. Они будут держать его в заложниках, пока не найдут тебя.

Ноги у Итамара подкосились, лицо побледнело.

– Отец! – прошептал он. – Мой старый, больной отец брошен в тюрьму по моей вине! Я сейчас же пойду и отдамся в руки римлян, чтобы его освободили!

– Не будь глупцом, Итамар, не делай этого! – перепугался Элизер. – Тебя римляне приговорят к смерти и безжалостно убьют, а против твоего отца у них ничего нет, ему ничего и не сделают. Они прекрасно знают, что твой отец всегда бежал от политики как от чумы. Пройдет несколько недель, они убедятся, что твое местонахождение ему не известно, и его отпустят. Доверься мне, я тебя спрячу, пока еще есть время!

Противоречивые чувства боролись в сердце Итамара. Всего несколько минут назад он твердо решил, что не имеет права принимать в расчет страдания отца и невесты, но вот теперь им вновь овладели любовь к несчастному Эльякиму и неслыханный страх за него. Он испытывал чувство, силу и остроту которого раньше не умел оценить.

– Нет! – воскликнул он в отчаянии. – Ни в коем случае нельзя оставлять отца в тюрьме! Он стар и слаб; тюрьма быстро его прикончит!

Всеми силами старался Элизер удержать юношу. Красноречиво описывал горе своей несчастной дочери, которая, возможно, будет горевать о нем до конца дней. Итамар ничего не хотел слушать. Он вырвался из рук Элизера, выбежал на улицу и быстрым, уверенным шагом двинулся к дворцу наместника.

Ἰταῖος αἰεὶ τῶν ῥωμαίων

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮНЯ

1 ÈÐÍß

45 лет со дня рождения политического деятеля, генерального директора движения Ликуд, основателя и лидера партии «Наш дом – Израиль», министра национальной инфраструктуры Израиля Авиغدора Либермана (р. 1958, Кишинев).

6 ÈÐÍß

75 èàò ì ãíý ðíæääí èý физика-теоретика, академика РАН, профессора МИФИ, автора трудов по кинетической теории газов, молекулярной физике, физике твердого тела, взаимодействию ядерного излучения с веществом, эффекту Мёссбауэра, лауреата двух Государственных премий СССР Юрия Моисеевича Кагана (р.1928, Москва).

12 ÈÐÍß

95 èàò ì ãíý ðíæääí èý музыковед и композитора, члена-корреспондента АН Казахской ССР, профессора алма-атинской консерватории, собирателя казахского музыкального фольклора Бориса Гиршевича Ерзаковича (р. 1908, Акмолинск).

80 èàò ì ãíý ðíæääí èý биохимика, академика РАН, автора трудов по регуляции активности генов, искусственному мутагенезу, созданию противовирусных препаратов, лауреата двух Государственных премий СССР Рудольфа Иосифовича Салганика (р. 1923, Киев).

15 ÈÐÍß

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза лейтенанта Григория Борисовича Злотина (1923, Орел – 1945, погиб в бою за Кюстринский плацдарм).

16 ÈÐÍß

70 èàò ì ãíý æääèèè одного из руководителей сионистского рабочего движения, партии Мапай Хаима (Виктора) Арлозорова (1899, Ромны – 1933, убит в Тель-Авиве).

17 ÈÐÍß

115 èàò ì ãíý ðíæääí èý психоневролога, психолога и педагога, директора Петроградского психотерапевтического института, Института психологии, педологии и психотехники в Москве, заложившего теоретические основы полового воспитания, придававшего решающее значение фактору переключения половой энергии в русло социальной активности, основоположника социогенетического направления в педологии Арона Борисовича Залкинда (1888, Харьков – 1936, Москва).

18 ÈРÍВ

90 éàò ìí äíŷ ðíæääíéŷ поэта-песенника, обладателя четырех премий «Оскар» за лучшие песни к кинофильмам Сэмми Кана (Cahn, наст. имя и фамилия Самуил Коган; 1913, Нью-Йорк – 1993, Лос-Анджелес).

20 ÈРÍВ

95 éàò ìí äíŷ ðíæääíéŷ физика, члена-корреспондента РАН, основателя и первого заведующего кафедрой радиофизики МФТИ, создателя научной школы, автора трудов по теории колебаний и волн, статистической радиофизике, оптике, теории параметрических усилителей и генераторов, предложившего метод построения волн в плавно-неоднородных средах, одного из основателей теории тепловых флуктуаций в электродинамике, лауреата Государственной премии СССР Сергея Михайловича Рытова (1908, Харьков – 1996, Москва).

22 ÈРÍВ

70 éàò ìí äíŷ ðíæääíéŷ политического деятеля, мэра Сан-Франциско, сенатора Дианы Файнштейн (Feinstein; р. 1933, Сан-Франциско).

25 ИЮНЯ

75 éàò ìí äíŷ ðíæääíéŷ физика-теоретика, академика РАН, профессора МГУ, директора Института физики высоких давлений АН СССР, автора трудов по физике твердого тела, теории сверхпроводимости, астрофизике и др., лауреата двух Государственных премий СССР Алексея Алексеевича Абрикосова (р. 1928, Москва).

105 éàò ìí äíŷ ìí äðòè ботаника и бактериолога, профессора университета в Бреслау, автора трудов по морфологии, истории развития и систематике водорослей и грибов, впервые отнесшего бактерии к растениям, Фердинанда Кона (Cohn; 1828 – 1898, Бреслау).

26 ÈP Í B

40 èìò ìì áíý ðíæääí èýпредпринимателя, председателя совета директоров компании «ЮКОС»
Михаила Борисовича Ходорковского (р. 1963, Москва).

ΕΣΤΙ ΑΘΑΪΤ ΕΡΪ ΨΝΕΪΑΪ ΙΪ Χ ΟΪΑΪΑΪ ΒΨΕΕΑ

ΟάαεάαΪ άΪ άάάάεέεΪ!

Хочу возвратиться к теме, неоднократно поднимавшейся на страницах журнала, – теме судьбы еврейского народа в СССР после вынесения по указанию Сталина смертного приговора «врачам-убийцам». Речь идет о публикации В. Кардина «...Дойти до сути» (№ 2, февраль 2003 г.), где факт отсутствия архивных документов дает основание ставить под сомнение намечавшуюся депортацию евреев, то есть настоящий геноцид. Да, автор имеет право высказать свое мнение, но, как говорится, еще не вечер. Еще далеко не все документы о внешней и внутренней политике сталинской тоталитарной системы раскрыты, да и знаменитые телефонные звонки из высших партинстанций с сакраментальной фразой «Имеется мнение» известны не одному поколению советских граждан. Сатрапы немедленно приступали к исполнению указаний инстанции. Все было бы оформлено после, когда, для спасения евреев от разъяренного советского народа и идя навстречу пожеланиям безликих трудящихся, в переполненных товарняках, без пищи и воды евреи были бы уже депортированы в лагерную зону Сибири.

Нельзя сбрасывать со счетов многочисленные свидетельства о подготовке такой бесчеловечной акции. Например, моему отцу в январе 1953 года его давнишний приятель, директор крупного сибирского леспромхоза, прямо сказал, что строит у себя в тайге бараки лагерного типа для приема миллиона евреев. И как только будет завершён процесс по «делу врачей», всех евреев, за редким исключением, высылат в Сибирь.

Разговор происходил в Москве, где они оба были в командировке.

Отец немедленно выехал домой в Киев. Уже на следующий день, собрав семью, он поведал нам об этой страшной новости. Причем им были названы фамилия директора леспромхоза и место строительства будущего «комфортабельного жилья» для евреев Советского Союза. К сожалению, спустя полстолетия эти важные данные не сохранились в моей памяти.

Теперь все усилия семьи были направлены на подготовку к депортации. К середине февраля упакованные чемоданы уже стояли наготове. По два на человека, как советовал директор леспромхоза. Конечно, отец сообщил о надвигающейся беде друзьям и остальным родственникам. Внешне мы все вели себя так, как будто ничего в нашей жизни не изменилось, – работали, учились.

Смерть великого тирана в марте не сразу прояснила сложившуюся ситуацию. Только месяц спустя в прессе появилось официальное сообщение о прекращении «дела врачей». Но, зная по прошлому крутые зигзаги государственной политики, мы еще до середины мая держали заветные чемоданы нетронутыми.

Ведь разработанная репрессивным аппаратом технология высылки успешно была апробирована еще при депортации в 1944 г. ряда народов Северного Кавказа и Крыма. И страна продолжительное время ничего не знала о случившемся.

Думаю, в конце концов будут найдены и опубликованы документы, подтверждающие этот зловещий предсмертный замысел «великого вождя всех времен и народов».

И еще об одной теме, затронутой в этой публикации.

В. Кардин признает силу воздействия военной публицистики Ильи Эренбурга на бойцов и командиров, сражавшихся на фронте. Но при этом, считая, что И. Эренбург сознательно призывал к мести всем немцам, пишет: «Внушая бойцам Красной Армии нехитрые идеи, он заведомо их оболванивал». Это словечко «оболванивал» не может не вызвать неприятия. Вроде бы, по Кардину, получается, что Эренбург ни во что не ставил героическое сопротивление сражающейся армии, да и мужественный отпор всего народа, а осознанно толкал многие тысячи воинов Красной Армии на верную гибель в эту гигантскую мясорубку.

Конечно, неотъемлемо право автора высказывать собственный взгляд на тот или иной факт, но при этом необходимо учитывать реалии времени.

Илья Григорьевич все же раньше других столкнулся в Западной Европе с немецкой военной машиной и «новым порядком» Гитлера. Имел о них четкое представление, хорошо понимая, какую угрозу представляет немецкий фашизм для человечества. Война – это всегда крайности, многочисленные нарушения норм, особенно когда сталкиваются между собой жестокие тоталитарные режимы. Безусловно, И.Г. Эренбург хорошо понимал, что и как он делает. Но когда страна находится на грани поражения и, несмотря на все трудности, надо выстоять, – не до сантиментов! Достаточно вспомнить хотя бы один из множества плакатов периода Великой Отечественной войны с красноречивым призывом – «Папа, убей немца!» Именно немца, а не солдата воюющей вражеской армии.

И.Г. Эренбург, хорошо зная царившие настроения, своевременно озвучил чувства народа. Он безошибочно сумел определить верный путь борьбы с фашистской Германией. И что самое главное, его пламенные слова как ничто другое действительно вдохновляли воинов Красной Армии.

Поэтому, мягко говоря, вызывает полное несогласие столь негативное отношение автора публикации в журнале к содержанию и направленности статей Ильи Эренбурга военной поры. Это – фактическое обвинение писателя в обмане сражавшейся насмерть армии. Видите ли, вина в том, что он разжигал ненависть к немцам, а не пестовал в духе гуманизма советских воинов, гибнущих в самой кровопролитнейшей из всех войн. Любая война – классический антипод гуманизма.

Позволительно узнать: а были ли вообще в истории человечества гуманные войны? Может, В. Кардину известны такие факты?

Свою позицию автор публикации пытается подкрепить тем, что в среде довоенных студентов-ифлийцев, к которой принадлежал и он, шовинизм представлялся неммыслимым, и с горечью отмечает, что в разразившейся войне интернационализм явно не срабатывал. Безусловно, шовинизм, как и антисемитизм – позорные явления нашей действительности. Война же не только порождает невиданный патриотизм, но ей всегда сопутствует волна нездоровых проявлений в обществе. И то, что «пролетарский интернационализм» не срабатывал, свидетельствовало лишь о несостоятельности одного из многих коммунистических мифов, которыми официальная пропаганда пичкала народ. Когда над народом нависает смертельная опасность, над всем превалирует общенациональная идея – выстоять, выжить любой ценой.

Поэтому можно по-разному относиться к достоинствам и недостаткам художественной прозы и поэзии Ильи Григорьевича, к биографии писателя, богатой событиями и общением с выдающимися современниками, но его публицистика военного лихолетья и огромный личный вклад в великую победу – священные, как и память обо всех павших защитниках Родины.

Евреи не только не забыли страстное слово Ильи Эренбурга, разившее фашистских убийц, но полны благодарности ему за совместный тяжкий труд с великим писателем Василием Гроссманом по созданию «Черной книги» – книги скорби, мук и трагедии нашего многострадального, но стойкого народа.

А. Евре́ев, Евре́ев